Анастасия Заворотнюк

Я – Настя!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В детстве нам прочат блестящее будущее.

И в юности мы мечтаем "показать этому миру". Но с каждым новым днем наша реальность заставляет нас усомниться в своих силах, способностях и удаче. Каждая черная полоса сбивает нас с пути, со своей тропинки.

Каждая светлая полоса – расхолаживает, как бы дает нам передышку, развивая в нас лень и самодовольство.

- Анастасия Заворотнюк
  - ПРОЛОГ
  - 1.
  - 2.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - 6.
  - 7.
  - 8.
  - 9.
  - 10.
  - 11.
  - 12.
  - 13.
  - 14.
  - 15.
  - 16.
  - 17.
  - 18.
  - 19.
  - 20.
  - 21.
  - 22.
  - 23.
  - 24.
  - Эпилог
  - ФОТО

Анастасия Заворотнюк
Я – Настя!

ПРОЛОГ

29 июля 2004 года в 14.00 я открыла дверь киностудии «Амедия», куда я пришла на кинопробы. Я перешагнула через порог, и этот шаг изменил всю мою жизнь, развернув ее на 180 градусов. Я стала жить как бы по другим законам физики. Поменялась вся структура моего пространства. Изменились правила. И постепенно я тоже стала другой.

В детстве нам всем прочат блестящее будущее. И мы, в юности, мечтаем «показать этому миру». Но с каждым новым днем реальность заставляет нас усомниться в своих силах, способностях и удаче. Каждая черная полоса сбивает нас с пути, и мы рискуем потерять тропинку и углубиться в чащу леса и наломать там дров. Каждая светлая полоса – расхолаживает, как бы дает нам передышку, запрещенными приемами развивая в нас лень и самодовольство. Мы подверженны страстям и слабостям, и это мешает нам достигать своих целей. Со временем наши мечты тускнеют, как выцветшие фотографии, превращаются в объект симпатичные детские воспоминания. Мы лишаем себя мечты, а значит – лишаем цели. А ведь напрасно.

Сегодня, когда я оглядываюсь назад, для меня моя жизнь выглядит разделенной на две части, а точнее – состоящей из двух совершенно разных жизней. Моя первая жизнь – жизнь обычной женщины, у которой в общем-то было все нормально. Среднестатистически нормально, по убывающей, как это часто бывает. У меня была семья, работа… Но где-то в глубине души это «нормально» почему-то меня не устраивало. Я от этого «нормально» чахла. Медленно, но верно. И вот, однажды, я оказалась перед дверью, перед которой я могла и не оказаться, не мелькни у меня проблеск надежды в нужный момент. И только открыв ту дверь и перешагнув через порог, самый обычный порог, как мне казалось в тот момент, я неожиданно для себя оказалась в «зазеркалье». В совершенно иной, новой жизни. Жизни каких-то других масштабов и понятий. Жизни, которая требовала от меня титанических усилий, доставляла мне новые, более изощренные страдания, но при этом была прекрасна. Жизни, наполненной событиями, описывая которые мне до сих пор не до конца верится, что они действительно случились в моей жизни и происходили именно со мной. Жизни, от которой я бы никогда и ни за что не отказалась. И все это только благодаря надежде, которая не оставляла меня, вела меня до самого порога, к этой самой двери.

В новую Настю я вложила много сил, всю себя если угодно. Несколько раз из-за этого я попадала в больницу. Порой мне казалось, да и не только мне – всем окружающим, за исключением моего отца, что я бьюсь головой об стену, что нужно прекратить попытки, чтобы хотя бы спасти свою жизнь и не терзать себя. Были моменты и пострашней, когда стыд или страх парализовывали меня, и казалось, в такие минуты все рушилось до самого основания.

Я всегда старалась не опускать руки и сохранять твердое намерение добиться своей цели. Но я никогда не имела в голове установки «любой ценой». Мне кажется, это опасный, хищный настрой, который человеку моих взглядов, как говориться, «не по карману».

Я благодарна судьбе за то, что рядом со мной были и остаются мои близкие, без внимания которых я бы, наверное, просто физически не выжила. Я их бесконечно люблю.

На создание этой книги меня подтолкнули события в моей жизни, связанные с многочисленными публикациями в интернете и желтой прессе. Я не хочу жить с вопросом «а верят-ли люди в то, что там написано?» и хочу спокойно смотреть всем в глаза. Я хочу рассказать про свою жизнь то, что происходило на самом деле, чтобы раз и навсегда расставить все точки над і.

Искренне ваша, Настя Заворотнюк

1.

Все мое детство прошло в театре. И я всегда знала, что буду артисткой. Точнее – я всегда на это надеялась. Еще совсем маленькой, с трудом выговаривая само слово «артистка», я уверяла всех окружающих, что именно так все и случится: я буду выступать, а все остальные – мне аплодировать. Иногда мне кажется, что я мечтала о сцене с самого своего рождения. И это не так уж и далеко от истины, ведь моя мама была ведущей актрисой астраханского ТЮЗа, а папа – режиссером, правда, не в театре, а на телевидении. Мама была настоящей звездой – мне кажется, она играла там в буквальном смысле слова всю свою актерскую жизнь: с того момента, как она приехала в Астрахань из Арзамаса, и до того момента, как ей пришлось переехать из Астрахани в Москву. Валентину Заворотнюк знал весь город – она играла по три-четыре спектакля в день, исполняла весь спектр ролей – от детских до самых романтичных. Ее амплуа – травести, что в переводе с современного «уличного» искаженного понятия обозначает всего-навсего актрису, которая может играть детей. Мама всегда была такой маленькой, как будто она подросток, такой хрупкой, нежной. И у нее всегда был и остается такой невероятно чистый, не замутненный никаким горьким опытом взгляд огромных глаз. У мамы невероятные глаза – не детские, нет, но при этом широко распахнутые и очень спокойные. В них столько чистоты, гармонии, ясности. Не знаю, с чем можно сравнить ее глаза. С органной музыкой, наверное, – чистой, проникновенной, возвышенной. Этот ее взгляд – божий дар. Вот она вышла на сцену – и зал замер. И ей удавалось «держать» самую трудную, самую капризную аудиторию – ведь у детей внимание рассеянное, они не разменяются на вежливость – им такое заискивание не свойственно, детям либо интересно, либо нет.

Маме это всегда блестяще удавалось. И что удивительно – мама никогда не менялась. Она как будто застыла в подростковом возрасте и когда она выходила на сцену, будь она Джульеттой или Гердой, для нее на сцене время всегда бежало вспять. Росли поколения, а мама оставалась такой же.

Папа – человек, для которого вся жизнь была сплошным творческим процессом – всегда был моим лучшим другом. С самого рождения он вел себя со мной так, как будто я родилась уже взрослой. Сейчас я понимаю, что это очень правильно, что это и есть самый честный способ общения между отцами и

детьми. Ведь общение со взрослыми на равных дает развивающейся личности не только ощущение своей значимости и самостоятельности, но и чувство уверенности, которое так необходимо по жизни, и, главное, чувство ответственности за себя, за свои слова, поступки. Я так и не пережила в полном смысле этого слова перехода из детства во взрослую жизнь, потому что благодаря папе и его отношению ко мне, я всегда была «уже немножечко взрослая». Папа был очень занят на телевидении, но всегда находил время для меня: мы много разговаривали, постоянно что-то обсуждали, слушали пластинки, которые он приносил. У меня в комнате стоял проигрыватель – мой личный, любимый, хоть и старенький. Особого достатка у нас не было, но папа решил во что бы то ни стало собрать для меня коллекцию пластинок. Он приносил мне бардов, Бачурина, Камбурову… Мы вместе их слушали и потом обсуждали. Та к происходило мое воспитание.

Однажды папа позвал меня к телевизору: – Смотри! Это Анатолий Эфрос. Лермонтов, «Печорин»… Запомни эти интонации!

В общем, он принимал самое непосредственное участие в моем развитии и сейчас я могу точно сказать – та Настя Заворотнюк, которую вы знаете, это немножечко мой папа.

Если папа был моим другом, то мама была предметом моего бесконечного восхищения и … зачастую моей удачливой соперницей. В детстве я ужасно переживала, когда смотрела спектакли с ее участием: я верила во все ее сценические чувства, снова и снова реагируя на вроде бы знакомые и уже предсказуемые повороты сюжетной линии. Но после спектакля мамины страдания заканчивались аплодисментами и букетами, а мои страдания продолжались. Я ничего не могла с собой поделать, я переживала за папу – мне казалось, он должен был ревновать к ее партнерам по спектаклям, особенно, если они были про любовь. Но самым душераздирающим спектаклем для меня был «Ромео и Джульетта». Мама играла Джульетту, а Ромео играл актер, наш знакомый, Юра Минеев. И я была страшно влюблена в Ромео – во время спектакля ждала его за кулисами, залезала к нему на плечи, сидела на нем верхом и каждый раз с большим трудом отпускала его туда, на сцену, к маме. И вот, в один прекрасный день, или, точнее сказать – вечер, мои романтические чувства к Ромео все-таки взяли верх над чувством долга перед театром и я не смогла его отпустить. Юре на сцену выходить, а я вцепилась ему в волосы руками, ногами обвила за шею и не отпускаю любимого. Меня еле оторвали от героя-

любовника – в буквальном смысле этого слова, потому что я «вцепилась в него зубами» – укусила за ключицу. Юра закричал, а мама, которая была на сцене, это услышала и сразу догадалась – это я что-то натворила. Единственное, что извиняло меня – это мой возраст. Мне было пять лет.

В нашей семье отношения между родителями и детьми были очень открытыми. Нас не ставили ниже себя, никогда ничего от нас не скрывали. Мы всегда принимали участие в жизни семьи наравне с родителями и я им за это очень благодарна, за то, что они воспитали во мне такую открытость по отношению к миру – впоследствии это оказалось очень важным для меня качеством. Мы постоянно обсуждали проблемы несчастной Джульетты, у которой, как известно, вообще кроме проблем ничего не было, с пеной у рта в тысяча восемьсот сорок пятый раз обсуждали Шекспира, спорили о судьбе Неточки Незвановой, о Достоевском, о трактовке образов и героев, музыке, костюмах, декорациях. У творческих людей этот происходит как-то само собой. Тогда, мне, еще ребенку, это казалось вполне естественным, в порядке вещей. А какие разговоры еще могла вести творческая интеллигенция провинциальной Астрахани?

Те м не менее мне казалось, что я живу потрясающе интересной и наполненной глубоким смыслом жизнью. Да что там казалось – так и было! Мою детскую головку переполняли фразы, которые я в силу своего нежного возраста не могла ни понять, не переработать, но они жили во мне. Нам с братом взрослые никогда не говорили: «Идите в свою комнату, дайте взрослым поговорить». Мы были неотделимы от них. А их жизнь была неотделима от искусства. Искусством было все.

Я смотрела на других детей, пыталась вникнуть в их проблемы, говорить с ними на одном языке, и даже притворялась, что мне интересна их детские игры. Я в общем-то играла с ними в поддавки, жалела их, они казались мне ограниченными и оттого несчастными, мне хотелось поделиться с ними тем огромным миром, который был у меня, но для них мой мир был странным. Не скажу, что я была аутсайдером в полном смысле этого слова, но надолго моей дипломатии не хватало. Я всегда говорила с ровесниками немного «не о том», и периодически испытывала на себе стихийную мощь детской жестокости. На самом-то деле ничего особенного не происходило – ну, посмеяться могли, поиздеваться. Но в детстве любая насмешка отпущенная в твой адрес – это страшный удар, который довольно трудно выдержать. Но ведь так трудно, когда все твое окружение, все самые близкие

тебе люди только и делают, что волнуются за Сонечку Мармеладову, и полночи обсуждают нюансы ее поступка. А я, как примерная обезьянка, пыталась в свободное от «работы» в театре и на телевидении время донести это до своих сверстников. Но как я ни старалась, мне так и не удалось объяснить им, что над чувствами нельзя смеяться. А я не могла предать чувства, забыть о них, даже если мне доводилось читать стихотворение перед всем классом. Я входила в роль, беря в пример мою маму, и старалась пережить все, о чем писал поэт. И вот, однажды, в начальной школе, я вышла к доске читать «Белеет парус одинокий». Естественно, в какой-то момент я пустила слезу – стихотворение-то жалостливое.

Вдруг вижу – дети в шоке, весь класс смотрит на меня как на прокаженную или умалишенную или и то и другое сразу, а учительница – и вовсе каким-то таким нехорошим взглядом меня одарила. В ее глазах читалось что-то вроде «ну все, приехали». И тогда я поняла: здесь меня никогда не поймут. И я училась сдерживаться, старалась, пыталась и что только с собой не делала. Но у меня плохо получалось, хотя я понимала, что в жизни так себя вести – как минимум неприлично, если не сказать больше – вызывающе. И только в одном месте можно было давать себе волю. В театре.

Да, комфортно я себя чувствовала только в кругу единомышленников, в театре или на телевидении. А тем временем «несчастные и обделенные» дети прекрасно себя чувствовали, и не были им нужны никакие «таити». Они бегали, прыгали и радовались жизни. Но я уже тогда понимала: эта вода – не моя. Мой мир – театр. А о сцене я тогда только грезила.

Лет в пять я всерьез начала готовится к сценической карьере. Казалось, еще немного, и ко мне придет успех и слава. Я обожала французскую музыку. Больше всего – Мирей Матье и Джо Дассена, и в этом выборе я была, скажем так, не оригинальна, но согласитесь, это были ярчайшие представители музыкальной эстрады тех лет. Я и сама мечтала стать певицей, и мне казалось, что дело стоит за одним – мне просто позарез была нужна прическа как у Мирей Матье. Но мама стричь волосы строго-настрого запрещала. И что вы думаете? Если Насте что-то приспичило… В общем, меня в очередной раз отвезли в деревню к бабушке, и я, дождавшись отъезда родителей, стала к ней приставать с просьбой меня постричь «под Матье». «Под каку таку Матье?» – удивилась бабушка. «Ну, под яйцо, ба!» – объяснила я. Под яйцо так под яйцо.

Что и говорить, с мамой была истерика. Когда она приехала в

деревню и увидела меня, у нее сумки из рук попадали. Она весь вечер проплакала. Но я-то была довольна. Ведь я точно знала, как должна выглядеть настоящая певица. И, уж конечно, я точно знала, как надо петь.

Помню, как-то поздно вечером, я сижу в монтажной у папы на телевидении. Мне тогда было лет семь, наверное. Мама в тот вечер играла в спектакле, деть меня было некуда, а папе нужно было срочно для какой-то передачи записать колыбельную песню. И вот, пришла актриса, стала петь. А я сижу, слушаю внимательно, и мне не нравится, как она поет. Не нравится, и все тут. И я на полном серьезе говорю:

– Вы меня, конечно, извините, но петь надо вот так!

И запела. А папа говорит:

– Тихо-тихо… Запишите ее…

Хорошо, что актриса попалась добрая и понимающая – не обиделась на ребенка. Считаю, что нам с папой крупно повезло, потому что наглость, конечно, космическая – вот так вот встрять в процесс. Другая на ее месте могла бы устроить скандал, и была бы в чем-то права. Но эта только усмехнулась. А для меня это было так важно! Это же был мой личный вклад в создание шедевра, мое непосредственное участие в процессе. Я работала!

2.

Своим появлением на свет я, в какой-то степени, обязана своему старшему брату Святославу: когда ему было лет пять, он подошел к родителям с просьбой подарить ему маленькую сестренку Настеньку. Точнее сказать, он обратился с этой просьбой к папе – видимо, мама, как человек, который может подарить ему сестренку, доверия ему не внушала. Когда папа сказал, что одному без мамы ему не справиться, брат очень удивился. Наверное, папин авторитет на тот момент в глазах моего брата пошатнулся.

Те м не менее, когда ему уже было шесть лет, родилась я. И меня действительно, как он и планировал, назвали Настей. Но вскоре после моего появления брата настигло горькое разочарование – иметь маленькую сестренку оказалось не таким увлекательным занятием, как ее придумывать. Ведь когда в семье появляется младенец, все внимание, так или иначе – по крайней мере, большая его часть, автоматически обращено на малыша. Я стала объектом повышенного внимания, а моего, тогда тоже еще очень маленького брата, стали терзать муки ревности. Для мальчишек ведь дух соперничества вообще играет очень значительную роль. Ко всему прочему, его часто оставляли со мной. И это, наверное, тоже наложило свой отпечаток. В общем, брату досталось – за что боролся, на то и напоролся.

Святослав внешне очень отличался от всей нашей семьи – это сейчас он вроде и потемнел, и глаза у него цвет поменяли на более темный, а тогда, в детстве он выделялся среди трех кареглазых брюнетов, своей светлой шевелюрой и невероятно красивыми зелеными глазами. В него были влюблены все девчонки – такого сердцееда еще надо было поискать. У нас в семье всегда шутили, что если бы Святослав не был точной копией мамы нашего отца – одной из наших бабушек, – то нашей маме пришлось бы доказывать свою невиновность.

Помимо внешности, брат отличался еще и своим буйным нравом. Парень так сказать с характером: примерно раз в неделю, не реже, он уходил из дома (когда с узелком, когда без), он постоянно попадал в какие-то истории с членовредительством, играл на гитаре и проводил много времени на помойках. Да, если кому-то нужно было найти Святослава, то все знали, где его искать и где с наибольшей долей вероятности его можно было найти – именно на помойке. Однажды, он и меня взял с собой на помойку – я была потрясена размахом свалки. И я нашла одну

вещицу, очень изящную подставку под яйцо – такое блюдечко, из которого торчит как бы рюмочка. Очень красивое, как мне тогда показалось. И вот, я решила играть в Ленина (это тогда было очень модным в детской среде). Я с этой «чашечкой» подходила к брату и говорила: «Владимир Ильич, не желаете ли чайку?», Брат меня отгонял: «Отстань, дура!». А я говорила: «Я не дура, я Надежда Константиновна!», и снова «Владимир Ильич, может, чайку?».

В общем, я так достала Святослава, что больше на помойку он меня с собой не брал.

Мне ужасно нравилось, когда к брату приходили в гости его друзья – мне было так интересно наблюдать за ними, слушать их разговоры. Я приходила к Святославу в комнату, тихо стояла, прислонившись к стене, и с упоением слушала и смотрела, словно это было кино.

Как я уже говорила – брат играл на гитаре. Он вообще, очень любил музыку, хоть и не пошел вместе со мной в музыкальную школу. Однажды, я сидела и играла – это было уже когда я могла действительно что-то там изобразить на пианино. Та к вот. Я играю. А брат сидит у меня за спиной в кресле и слушает. И я в какой-то момент оборачиваюсь, и вижу – у него слезы в глазах. Ему так хотелось играть, а он не умел. А потом брат сам научился играть – подбирал на слух, у него неплохо получалось. В какой-то момент он даже организовал какую-то группу, сочинял музыку… Стал учить английский, чтобы понимать тексты любимых песен. И вообще, если посмотреть – мой брат всегда был самой настоящей рок-звездой. Со всеми вытекающими.

А что? Девчонки в нем души не чаяли, красавчик, он был определенно оппозиционером всем традиционным укладам и устоям (плохое поведение), он был мальчиком с нестандартным мышлением (помойки), большим любителем подраться (как все приличные рок-звезды), и так далее, вплоть до шрамов. Да, у него была рассечена бровь и… в общем, однажды ему пришивали на место его собственный нос. Это было так.

Я училась, кажется, в первом классе. Сделала уроки и пошла гулять во двор. И вдруг вижу – все куда-то бегут, что-то кричат. Слышу – «Настя! Быстрее! Твоему брату нос отрезало!». Я не поверила, но побежала к школе. А там – толпа народу, дети, скорая помощь стоит… Как выяснилось потом, Святослав в тот день был дежурным – он и его одноклассница остались после уроков убираться в классе. Играли, кидались тряпками. Девочка попала тряпкой в портрет великого поэта Пушкина. Портрет упал, по дороге оторвав почти полностью нос моего брата.

Нос, слава Богу, пришили на место. И из прямого он стал

таким итальянским-преитальянским – с благородной горбинкой. Папу вызвали с работы, и он поехал забирать брата из травмпункта, а маме решили пока ничего не говорить – боялись за нее, да и спектакль у нее в тот вечер быть, решили не отрывать. Мама пришла домой поздно – после спектакля. Папа сразу поставил ее спиной к холодильнику и говорит: «Валя, Валечка, только не переживай, все хорошо, но нашему сыну оторвало нос». Валечка как стояла у холодильника, так и съехала вниз.

И брат потом рассказывал: «Я лежу, и чтобы маму не тревожить лишний раз, делаю вид, что сплю. А мама рядом сидит, и плачет. И я чувствую, как на меня ее слезки – кап, кап, кап…»

Вот, такой у меня брат. И если бы не эпоха, в которую он родился, и не место, где мы росли – да, если бы он родился, допустим, в Лос-Анджелесе, он бы точно стал знаменитостью планетарного масштаба. Он очень выделялся. Бунт кипел в нем всегда – и мне кажется, что именно из чувства противоречия Святослав поступил в Рыбинское Мореходное Училище и уехал из родного дома в Рыбинск. И это из Астрахани-то, где своих мореходных училищ хватает!

Конечно, в итоге, Святославу не удалось избежать участи всей нашей семьи – он стал режиссером, причем – телевизионным. Он закончил ГИТИС, высшие режиссерские курсы, успокоился, обзавелся семьей. Но я до сих пор считаю, что в нем «погиб» кто-то вроде Джима Морриссона.

3.

Я очень любила танцы – занималась и бальными танцами и современными, даже каким-то брейк-дансом, что-то там пыталась изобразить… Занималась музыкой… Правда, с музыкальной школой было сложнее – мне кажется, какая-то нестыковка у меня с педагогом произошла. Хотя, она была совершенно потрясающей пианисткой. У нее пальцы были какой-то километровой длины – прямо Паганини… Мне кажется, она могла взять, а точнее – «отхватить» – сразу две октавы, не меньше. Но у меня с музыкой что-то не очень пошло, хотя музыкальную школу я все-таки закончила. Я по пять-шесть часов в день занималась, чтобы сдать выпускные экзамены. Но я как-то не готова была посвятить всю свою жизнь музыке. Ведь у меня уже было увлечение – смысл жизни, и это была не музыка. Это был театр. Но мне кажется, именно благодаря своей артистической натуре, я сдавала все свои музыкальные экзамены на 4 и 5. Преподаватели удивлялись (я была не всегда прилежной ученицей), а я знала в чем дело – вот я выхожу на сцену, сажусь за инструмент, начинаю играть Рахманинова – тааа, та-та-таааа-та-таааа… И все – я впадаю в состояние, углубляюсь в него, начинаю чувствовать произведение всеми фибрами своей души, сопереживать, плакать – да все, что угодно. И все преподаватели только и говорили: «Вот – артисткина дочка! Типичный пример». И именно этой своей способности к слиянию с музыкальным произведением я и обязана тем, что закончила музыкальную школу.

И очень даже вовремя, потому что как раз в этот момент ко мне пришла любовь. Седьмой класс, все дела, в общем – началась жизнь. У меня появился молодой человек.

Удивительно, но с первый по пятый класс он был совершеннейшим колобком – самым большим, самым толстым мальчиком в классе. Он был очень смешной. Но никто и никогда его не дразнил. Его уважали, так как он обладал чем-то боґльшим, чем-то, что гораздо важнее привлекательной внешности – такой несгибаемой внутренней силой, такой личностью. Даже дети это чувствовали. К тому же, он лучше всех учился, был самым умным. Но потом он вдруг вырос и превратился в красавца. Он представлял из себя нечто такое высокое, красивое, со стальными мышцами, чувственными губами и глазами, в которые хотелось занырнуть и уже никогда не выныривать. Красивый, умный, сильный, лидер. Ну как мне было в такого не влюбиться? Как я могла пройти мимо? Никак. К тому же он всегда любил моих подружек! Сначала он любил Иру

Зайкину. Потом он был влюблен в другую мою одноклассницу. В общем, до меня доходила информация о том, что он – достойный кавалер. Я тогда дружила с другим мальчиком – мы вместе гуляли и ходили в кино. Но ничего такого сверхъестественного между нами не происходило. Таня, Оля, Сережа и Юра – вот была наша компания. Мы как-то тусовались вместе, все были очень хорошими друзьями. Такая у нас была детская дружба – чистая, без ужаса и пошлостей, без «грязного белья» и душераздирающих подробностей. Чистая и светлая. И вот, однажды я здорово заболела – лежала дома, не ходила в школу. И все меня навещали. И он тоже навещал, и помогал мне с уроками, так как был отличником и вообще – самым умным, как я уже сказала. Мы обсуждали все на свете, нам было очень интересно вдвоем, мы были как подружки – нам скорее надо было все обсудить, поделиться последними новостями, на переменках мы бежали друг к другу, чтобы быстрее что-то рассказывать. Мы разговаривали и не могли остановиться. А Таня – его девушка вдруг стала понимать, что парень ускальзает у нее из рук. И вот что она придумала: она сказала нашей подруге – соседке Наташе, что вот, мол, они с Сергеем поцеловались. У меня закружилась голова, когда я это услышала. Поднялась температура. Мне стало конкретно нехорошо. Подростковая наивность не позволяла мне признаться себе в том, что я влюблена, и я не понимала – что это со мной? И когда он в следующий раз ко мне пришел, то стал рассказывать мне о том, что с Таней у них что-то не получается, и все в таком духе… И вдруг я неожиданно для себя поняла, что Тани для него больше нет. А есть я. И это был для меня такой важный момент. Хотя, я понимаю, что Таня на меня обиделась – и ведь было за что обижаться – молодой человек был просто чудесный. Мы всегда были вместе, и нам никогда не бывало скучно. Благодаря ему я поборола множество своих комплексов – ведь я тогда была не совсем похожа на девушку – так, худышка на тонких ножках, не то что остальные. А рядом со мной – такой парень! Я была в восторге. Вообще, я еще тогда начала понимать, что привлекательная внешность – понятие растяжимое и очень субъективное. Вот, например, мужчины считают, что если у них тонкие руки и нет «трехлитровых» бицепсов – значит все кончено, женщины на них даже не посмотрят. А женщинам, по-моему, вообще все равно, какие там у них бицепсы – мы же обращаем внимание совсем не на это. Нам важны глаза, улыбка, интеллект. Ягодицы, в концеконцов! То же самое с женщинами – мы делаем себе какие-то невероятные начесы, строим вавилоны на голове, красим губы, ресницы и брови и еще бог знает что, о чем и писать-то как-то даже неудобно. И мы думаем – вот, сейчас

приклею себе длинные ногти, поролона в лифчик наложу, наращу волосья до пояса – и все мужики у моих ног. Ан нет. Мужчинам тоже, видимо, подавай глаза и улыбку. Но самое главное в привлекательности – это «поговорить». Самое-самое притяжение возникает, когда слышишь голос, видишь, как меняется выражение лица, как появляются вот эти вот ямочки на щеках, как горят глаза. Можно, мне кажется, даже влюбиться в пластику тела, если в ней есть что-то особенное. Не знаю, почему – ведь говорят, что мужчины любят глазами, но на мой взгляд, идеальная внешность не гарантирует личного счастья. И это здорово. В этом есть какая-то жизненная мудрость и справедливость.

Я очень рада и искренне благодарна судьбе за то, что моя первая любовь была такой красивой, такой незамутненной никакими ужасами. Что эта любовь не сделала меня моральным инвалидом, не поломала меня и не нанесла мне никакой боли. Она была серьезной, глубокой, романтичной – такой, какой и должна быть первая любовь. Мы так любили друг-друга, что даже решили пожениться. Сейчас это так смешно вспоминать! Только представьте себе: мой молодой человек на полном серьезе попросил у моей мамы руки и сердца ее дочери. Мы тогда учились в седьмом классе! Он сказал:

– Можно я женюсь на Насте?

Мама ответила, обомлев:

– Хорошо… Но только вы школу сначала закончите, хорошо?

Он пояснил:

– Нет, безусловно, мы немного подождем. Только можно получить ваше согласие прямо сейчас?

Вообще-то родители воспитывали меня в духе высокой морали. Со мной было проведено очень много воспитательных бесед по этому поводу. Конечно, родители всегда были страшно заняты, но у них находилось время, чтобы объяснить мне «про что надо жить». Что важно, а что – второстепенно. Что – хорошо, а что – плохо.

Когда они были заняты на работе: мама – в театре, папа – на телевидении или на режиссерских курсах в ГИТИСе, я оставалась с бабушкой и проводила с ней много времени. С бабулей мы были подругами. Мне почему-то казалось, что я и бабушка принадлежим к одной возрастной категории. Наверное, мне это казалось в основном потому что мы с ней были одного роста, а потом я и вовсе переросла ее. А еще мне казалось, что моя бабушка младше меня из-за ее говора – она очень смешно разговаривала. Кстати, «шоб вы знали», речь моя с детства была

очень правильная. В Москве «акают», на Волге – «окают», а в Астрахани говорят ровно. А акцент няни Вики мне пришлось тренировать, чтобы в сериале он звучал гармонично. У меня же лично, хоть я и слушала с детства бабушкин нижегородский говор, никогда не было проблем с акцентом – меня бы просто не взяли в театральный. А бабушка моя окает как волжанка, и по-другому не разговаривает.

Как-то раз по глупости я совершила неосторожность – показала бабушке фильм «Лихая парочка», где я сыграла девушку легкого поведения. И спрашиваю у нее:

– Бабуль, ну как тебе?

А она так развернулась и говорит:

– Тьфу! Стыд-то какой! Ты со мной даже не разговаривай про это!

И ушла. Осудила меня.

Та к что в нашей семье нравы были строгие, особенно, если это касалось взаимоотношений мужчины и женщины. Жизнь потом сама скорректировала эти установки, но они были моим стержнем, без которого очень легко скатиться в кромешный ад. Сейчас я понимаю, что родители вкладывали в меня абсолютно правильные вещи. Не исключено, что воспитание минус жизненный опыт (опыта, к счастью, тогда еще никакого не было – ни позитивного, ни негативного), как раз и сыграли главную роль в моем выборе. Кавалер был идеальный, любовь была идеальная и закончился наш роман красиво.

Меня никто не бросил, не предал, не обидел – не оставил шрамов на моем сердце. Напротив, со мной обращались очень нежно, осторожно и бережно. Я безумно благодарна этому человеку за все, что было между нами. И наверно, это и замечательно, что у нас все оборвалось на самой высокой ноте – я уехала в Москву, а он остался в Астрахани, но мы еще не знали, что вместе нам не быть. Он, как многие сильные мужчины, которые все-таки пытаются доминировать над своими женщинами, не хотел, чтобы я была актрисой. Не хотел меня отпускать в эту профессию, не думал, что я рождена для сцены, так сказать снисходительно относился к моему выбору – словно это была какая-то детская блажь. И я попыталась пойти ему навстречу – поступила сначала на исторический факультет Астраханского университета, но из этой затеи ничего не вышло. Я поняла очень остро тогда – в эту, обычную, человеческую, обывательскую жизнь я только играла, искусно притворяясь (с бо́льшим или меньшим успехом), но это была неправда, так жить я не могла. Мне были нужны театр, сцена… Вот, что было для

меня истинным и настоящим и гораздо более реальным и осязаемым, нежели обычная повседневность.

В юности я была страшно категоричной и бескомпромиссной девушкой, все решения принимались уверенно и безапелляционно. Даже, если потом выяснялось, что я была не права. А что вы хотите от человека, в котором кипит жгучая смесь русской, украинской и казацких кровей? Скажите спасибо, что шашкой никого не порубала сгоряча. Мама говорила: «Если ты что-то решала для себя, переубеждать тебя было уже бесполезно. Если бы тебе понадобился туннель под Волгой – могла бы прорыть и глазом не моргнуть. И можно было быть уверенным, что ты прорoешь его и выйдешь на другую сторону!».

Я не могла больше обманывать себя. И я тут же поняла, что единственное, что меня может остановить – знание собственной профнепригодности. Я тогда почувствовала острую необходимость, чтобы мне кто-то авторитетный сказал – ты не можешь стать актрисой. Я должна была точно знать. Сама я до конца этого не понимала. Или не хотела верить.

4.

Мы с папой отправились в столицу. Без предварительной записи, так сказать. Никаких звонков, никакого блата – родители считали, что в профессии актера блат может только навредить: отучишься, отмучаешься, сыграешь пару ролей, а потом всю жизнь будешь ощущать себя инвалидом, который не дотянул. Та к что мы поехали просто «дикарями». Поселились мы на Ордынке, у папиных друзей – я до сих пор не могу называть их просто по имени. Они для меня так и остались тетя Нина и дядя Олег. И я воспринимаю их исключительно как родственников.

И вот, с раннего утра и до позднего вечера мы с папой занимались – работали над моими «ролями». Папа говорил:

– Ты все сможешь!

А я была уверенна, что на первом же отборочном туре не смогу ничего изобразить, кроме соляного столпа. И даже его – только если мне очень повезет.

Своим «коньком» я считала отрывок из «Войны и мира», где я в роли Наташи Ростовой танцую «русского» на охоте. «Как в этой графинечке все сохранилось…». Я все придумала: и танец, и все движения, все было выверено согласно оригинальному тексту Льва Николаевича. Это была готовая сценка, и когда на меня снисходило вдохновение, я, читая текст, начинала подбоченившись пританцовывать. Папа смотрел-смотрел на это, и несмотря на то, что это шло в разрез с его убеждениями, решился-таки на приватную консультацию.

Мы приехали в ГИТИС к одной приятельнице моих родителей. Если я не ошибаюсь, она преподавала сценическую речь. Я выступила, она внимательно меня выслушала и сказала (очень дружественно, спокойно, источая пары дружелюбия и непредвзятости):

– Неплохая девочка. Но вы же понимаете, и знайте – я вам советую исключительно по дружбе, тут такие способные ребята, такие яркие… Девочка, ну не расстраивайся… (*и папе*) Юрочка, у нее нет никаких шансов. Кое-какие способности есть, но слабенькие. Не тратьте тут времени попусту, поезжайте в Ярославское училище.

Я все внимательно выслушала, но сразу для себя решила, что ни в какое Ярославское училище я не поеду. А когда мы приехали домой папа мне очень твердо сказал:

– Ты ничего не слышала! Забудь!

Сейчас, оглядываясь назад, на свое прошлое, я просто ужасаюсь жестокости некоторых людей, которые своим

«авторитетным» мнением могут вот так вот взять и перечеркнуть жизнь человека, покалечить, навредить – просто так, без особого повода. Тогда мне казались все какими-то полубогами, а сейчас я прекрасно понимаю: одно дело – педагог, который может просто высказать свое мнение, а другое дело – педагог, который может научить. Это совершенно разные люди. Вот, например, Алла Покровская. Она ставит на ноги так, что мало не покажется. И вот то, чему она тебя научит на этих двух-трех ролях, которые ты с ней играешь – так вот на них ты можешь всю жизнь потом до старости припеваючи выезжать. Гениальный педагог.

Папа это прекрасно понимал, но мне это все объяснять было просто бесполезно – у меня мир рухнул. И папа просто сказал: забудь.

И я ему поверила. А через два дня, на отборочном туре в ГИТИСе произошла настоящая катастрофа. Я пришла. Утро. Одиннадцать часов. Выходит моя десятка. И вдруг – какая-то серая пустота. Светлое помещение, большие окна, а все вокруг – как в тумане каком-то, словно я во сне – предметы плывут, пол под ногами – расходится, словно зыбучие пески. Меня засасывает. Я даже не помню, как я читала – хорошо или плохо, но мне почему-то казалось, что вот, сейчас кто-то выйдет и обязательно назовет мою фамилию. И вот, выходят. И называют фамилии тех, кто допущен в первый тур. Первая фамилия – не моя. Вторая – тоже не моя. Третья… И так до самого конца. Мою фамилию так и не назвали. И меня окутала страшная, звенящая тишина. Чудовищное ощущение – как будто время останавливается, и все – идти больше некуда. Воздух плотный – вдохнуть и выдохнуть его невозможно.

И все. И я – насмерть. Я сказал отцу, что больше никуда не пойду, и что я приехала в Москву только для того, чтобы услышать это: а вы Анастасия Заворотнюк бездарность! И поезжайте-ка вы в свою Астрахань и живите там обычной жизнью как все нормальные люди. Вот такая я была категоричная. Если бы мне тогда дали понять, сколько еще таких ситуаций, унижений и лишений ждет меня впереди! Сколько кинопроб, после которых тебе не перезванивают, распределений ролей в театре, когда смотрят сквозь тебя… Да я бы сломя голову полетела на вокзал, купила бы самый дешевый билет на багажную полку в плацкартный вагон и спряталась бы где-нибудь дома на антресолях навсегда.

Папа бился надо мной где-то неделю, не меньше. «Если ты не будешь верить в себя, если ты не будешь гореть… Может быть, ты просто не собралась? И ты не понимаешь – это ведь одно

мгновение – профукать свой шанс. Ты просто не сделала акценты. Ну-ка, начни читать!» Отец боролся с моим ощущением собственной никчемности не на жизнь а на смерть. И хвалил, хвалил, хвалил. А я возражала, спорила, но постепенно начала учиться справляться со своим главным врагом – вот этим жутким страхом.

Если лень – это главный двигатель прогресса человечества, то страх – это точно главный тормоз. Та к вот, страх преследовал меня по пятам и овладевал мной в самые ответственные моменты. Он мне мешал жить и учиться, а потом – работать. Он был моим главным препятствием к успеху, но тогда я еще не знала, как с ним бороться. Тогда я просто умирала от желания стать настоящей актрисой и опять-же умирала от страха ей не стать. И если бы не мой папа – я бы споткнулась о первое же препятствие, пусть даже самое маленькое. Я просто жаждала, чтобы жизнь дала мне понять, что я не рождена актрисой. А у страха – глаза велики, поэтому, любая мелочь вырастала для меня до небесных высот. Та к вот, мой папа – единственный человек в этом мире, который всегда хотел для меня того же, чего и я сама, и единственный человек, который верил в меня вопреки всему. И если бы не его вера в меня, если бы не усилия которые он прилагал, если бы не его сила и любовь, не его внимание и вечная готовность подстегнуть меня – даже не знаю, кем бы я сейчас была, даже страшно подумать. И вот, что я хочу сказать – многие родители недооценивают своего влияния на детей, своей ответственности за их жизнь. И это влияние не распространяется только на детские годы – это может длиться всю жизнь. Мой успех – это успех в первую очередь моего папы, который вместе со мной шел по этому пути, оказывал мне поддержку и направлял меня, когда я сбивалась. И таких примеров масса. Что сделал отец одной из величайших теннисисток мировой истории спорта Марии Шараповой для того, чтобы его дочь стала той, кем она является сегодня? Он сделал все. И не все, что мог (это отговорка для ленивых и слабых), а именно все. Подчеркнуто «все». Он бросил все, что у него было здесь, и уехал вместе с дочкой в Америку, где его никто не ждал, и где он был никому не нужен. И денег у него было с собой – кот наплакал. Он брался за любую работу и только для того, чтобы оплачивать дорогостоящих тренеров и корты. Он посвятил всю свою жизнь карьере дочери и посмотрите на результат. Кто еще для нее мог столько сделать кроме родного отца? И для меня мой отец тоже стал таким проводником по жизни. потому что мама, как человек, с которым мы остаемся связанные пуповиной на всю жизнь, она жалела меня и зная, что

такое – быть актрисой, зная, какой на самом деле это ад и какой нелегкий и скользкий путь я выбрала, конечно, меня отговаривала от актерской карьеры.

Анастасия Заворотнюк, которую мы с вами знаем сегодня – это тоже в каком-то смысле результат деятельности моего отца. И наверное даже в первую очередь – дифирамбы надо петь ему, а потом – уже всем остальным. Папа с самого моего рождения знал и был абсолютно уверен в том, что я могу делать все: петь, танцевать, играть, прыгать с парашютом и нырять с аквалангом. С самого рождения я была для него не просто ребенком, а развивающейся личностью. И я ему бесконечно доверяла. И если бы не это я бы не поверила ему в самый главный, самый переломный момент в моей жизни – когда мне казалось, что все против меня. Я ехала в московском метро и рыдала. Я была здесь чужой.

Но папа помог мне переломить ситуацию. Он сказал: «Пойдем в школу-студию МХАТ». А у меня не было сил сопротивляться, я тогда прибывала в каком-то полубреду: решалась моя судьба и я так переживала, что была как натянутая струна, но в то же время ничего не соображала от перенапряжения – только самое необходимое: ходить, дышать, моргать…

Отец меня не отпускал ни на минуту – не давал ни с кем разговаривать, говорил – все это будет потом, потом. Та к мы с ним и стояли в сторонке – все абитуриенты друг с другом тусовались, обменивались информацией и впечатлениями, а папа меня берег. Он понимал, что сейчас любое влияние извне, любая пугающая или наоборот – радующая информация, могли сбить меня с настроя, вырвать из наработанного состояния.

В школе-студии МХАТ меня прослушали, после первого тура назвали мою фамилию и дальше все пошло как по маслу. Я успокоилась: а чего я мечусь? В душе я уже давно актриса – теперь надо это продемонстрировать и все, дело в шляпе. Я решила – не буду волноваться так как в ГИТИСе. Собралась с духом и читала без ужаса и страха.

Но на этом мы с папой не остановились – мы с ним еще и в Щукинское училище пошли. И дойдя до финала я услышала в свой адрес (точнее – в адрес моей Наташи Ростовой, которую я читала) нечто потрясшее меня: «Очень талантливая девушка Настя Заворотнюк. Нам и добавить нечего – просто готовая артистка!». Вот этот удар был хитрый и страшно болезненный. Я же вообще была желторотым птенцом – ни опыта, ничего – а мне такие «комплименты» отвешивают. С холодком да подковырочкой.

В итоге я поступила и во МХАТ и в ГИТИС.

В ГИТИСе мое прослушивание в финале «разукрасил» папа. Пока я читала, все преподаватели из приемной комиссии постоянно косились в окно. Я как-то на нервной почве не обратила на это особого внимания, а оказывается, за окном стоял мой папа и вместе со мной проговаривал все мои тексты слово в слово – практически в унисон со мной. Преподаватели не могли оторвать от него глаз – настолько он был вовлечен в процесс.

А как выступил Армен Джигарханян?! Я уже не помню, что я читала, как вдруг он своим хриплым завораживающим голосом: «Деточка… А пррро любовь можешь?». Я чуть не упала. Но стала читать Цветаеву. В общем, приемная комиссия ГИТИСа была в восторге, несмотря на ту первую неудачную консультацию, на которую, как оказалось, вообще можно было не ходить. ГИТИС был покорен. Но я выбрала МХАТ. Я поступила на курс Авангарда Николаевича Леонтьева. Счастью не было предела – я наконец-то оказалась в своей среде.

5.

Все мое детство прошло под знаком любви и счастья, но комплексов все равно была масса – и эта худоба, и вечное осознание того, что девочка должна быть скромной, и первое-второе-третье-компот, и бантики, и как у всех, и так далее… Все эти жесткие установки и навязанные нам ценности, которые в детстве кажутся такими невинными, вырастают в таких монстров, когда мы становимся взрослыми! Эти комплексы питаются нашими гормонами, пока мы растем, а страхи разрастаются как бройлерные цыплята. И даже поступление в театральный институт, даже обучение там не повлияло на мое самоощущение – мне все время казалось, что надо мной сжалился кто-то могущественный, как будто я как рыбка на суше задыхалась, а потом кто-то по доброте душевной взял меня за хвостик и опустил в банку с водой – я попала в свою среду, где могла существовать. Но это существование было пронизано бесконечной болью, страхом и неуверенностью в своих силах, завтрашнем дне и светлом будущем. Мне было сложно выйти на сцену. Звучит как полный бред! Сказать кому-нибудь в Голливуде – не поверят.

Когда я училась в театральном, все вдруг начало рушиться – старые ценности теряли смысл, новые же не выдерживали никакой критики, старые идеалы крошились в руках при одном только прикосновении и уходили словно песок между пальцев. Новых же понятий о том, какой надо быть, никто не предлагал. Я была в растерянности, если честно. Вот, например, во МХАТе, где я училась, про деньги, про гонорары было не принято говорить. А как жить – было совершенно непонятно. И возникало какое-то страшное чувство вины за то, что я вообще об этом думала, о том – как, собственно, жить, что есть. А не о высоком, великом, непреходящем. Как будто люди – это бестелесные существа, питающиеся эфиром. А от чувства вины комплексов нарастает еще больше. Моя неуверенность просто сбивала меня с ног, подгибала мои колени в самый неподходящий момент. Подумать только – на показе самостоятельных отрывков мне даже удалось запутаться в костюме. Жаль, что это была не комедия, тогда бы мне хоть как-то удалось выкрутиться. А тут – на тебе. Стою, как мертвая, шаль сползает с плеч, я пытаюсь как-то исправить положение, но она и вовсе падает, я замираю, но понимаю – поздно. Мои каблуки уже плотно застряли в хитросплетениях проклятого аксессуара, зажим просто чудовищный, и мой любимый ступор. Не могу пошевелиться. Чувствую себя как минимум памятником. Вот, пришла постоять.

Уже во время первой сессии я оказалась на грани отчисления. Меня могли отчислить не за профнепригодность, а за беспомощность.

В общем, состояние у меня было – не фонтан. К тому же я страшно тосковала по родителям. Нам очень сложно приходилось друг без друга: у нас такие отношения «пуповинные». Мы друг без друга долго физически не можем. Мы жили телефонными разговорами. Я бегала звонить на Центральный Телеграф, который к моему счастью, находился в двух шагах от школы-студии МХАТ. Я скучала по домашнему уюту, по привычным и любимым звукам дома, по нашим бесконечным разговорам… А если я заболевала и у меня поднималась температура, папа брал билет на самолет и через три часа прилетал в Москву. И привозил с собой самое лучшее лекарство от всех болезней – астраханскую черную икру.

Но я все равно очень страдала от одиночества и отсутствия покровителя. И у меня появилась своя «почти мама» в Москве. И дом, где я любила бывать – дом нашей преподавательницы Натальи Дмитриевны Журавлевой, дочери знаменитого чтеца Дмитрия Николаевича Журавлева.

Наталья Дмитриевна пришла к нам на курс в очень сложный момент своей жизни. Она потеряла любимого человека – своего супруга, потеряла смысл жизни, и не могла справиться с горем. И чтобы она хоть как-то ожила, Авангард Николаевич и Олег Павлович пригласили ее к нам преподавать сценическое слово. И мы всем курсом как ее обняли! Она чудо-человек, невероятная умница, удивительно мудрая. Вокруг нее всегда было множество интересных людей, и мы все потянулись к ней. Мы получали огромное удовольствие от занятий с ней: учили отрывки, работали над чтецкой программой. Не секрет, что такая практика необходима любому артисту, который серьезно относится к своей профессии. Но в театральных вузах на тот момент этот жанр уже отсутствовал – умер от невостребованности. А у нас на курсе его возродили специально для Журавлевой.

У меня с Натальей Дмитриевной сложились очень теплые, доверительные отношения. Такая необходимость друг в друге, какая была между нами, большая редкость в отношениях между педагогом и студентом. Мне ужасно повезло. Пользуясь ее врожденным гостеприимством, я часто бывала у нее дома. И знаете, там я познакомилась с множеством удивительных людей. Но больше всего мне запомнилась одна встреча…

Однажды, в день ее рождения, я заскочила буквально на две секунды, чтобы поздравить Наталию Дмитриевну. Дверь открыла

ее сестра и пригласила меня к столу. Сама Наталья Дмитриевна вполне могла бы меня прогнать в такой день – «все-все, быстро уходи, не до тебя». Но благодаря стечению обстоятельств, я оказалась за праздничным столом. Празднество было немноголюдным: Наталья Дмитриевна, ее сестра и какой-то мужчина.

Наталья Дмитриевна смеется:

– Ну, что же, выгнать тебя теперь нельзя, заходи, садись.

Я села и тут же потеряла дар речи. Напротив меня сидел Святослав Рихтер. У него были огромные светло-голубые глаза, а в них – бездна. Взгляд – безмятежный, спокойный, умиротворенный. Как будто мирская суета его никогда и не касалась. Смотрит он на меня и вдруг говорит:

– Таточка… посмотри, как она молода…

Я сразу поняла, что это был отнюдь не комплимент великого Рихтера, а довольно печальное высказывание. Горькое сожаление о своей, давно прошедшей, юности.

Святослав Теофилович приглашал меня на концерты. В первый раз, когда я его слушала, то ровным счетом ничего не понимала. Это был благотворительный концерт для студентов. Рихтер приехал ровно в пять, сел за блестящий черный рояль и начал играть. А я сижу и думаю: «Ну и где оно, это чудо»? А чуда не происходит. Все ровно и гладко. И никакого землетрясения, никакого салюта, даже никаких мурашек по телу. Закончилось первое отделение, жду второго – думаю: «Ну как, хорошо? Да, вроде, хорошо. И что – это все?». Он снова выходит, садится, выключается свет, его освещают лучом прожектора, и он снова начинает играть. Все то же самое, «та-та-та». Все ровненько, плавненько, без истерики. Даже меццо-форте не было. И все это как-то накапливалось, накапливалось, и уж даже не знаю, что произошло, но это было какое-то чудо. Гипноз. Шок. Я вдруг поняла: по-другому нельзя. По-другому – это суета. Вот так вот человек ощущает жизнь – неспешно, размеренно, осознанно. Как расправленные крылья, на которых можно парить. А не биться ими о воздух почем зря.

Сама же я в то время поражала публику несколько иными средствами. Моими основными инструментами были странность и нелепость. Во МХАТе, еще года с 1985-го, шел спектакль «Так победим» по пьесе Шатрова. Студенты школы-студии были задействованы в массовке. И вот, мне поручили роль плакальщицы с дитем. Главной сценографической фишкой спектакля был огромный круг, на котором как раз и происходило все действие. Я послушно взяла сверток, выкатилась на сцену, заголосила, как положено плакальщице. А потом я зачем-то на

пару секунд подняла глаза и мой взгляд упал на самый край этого чертова круга. И все. Меня тут же охватила паника. Я уставилась на публику – заметили или не заметили? И мне показалось, что все заметили и напряженно ждут моих дальнейших действий – что же с этой дурой дальше-то будет? Ну, я по обыкновению своему окоченела, застыла, как статуя, а круг-то все крутится и крутится. Я и катаюсь. А все смотрят. А я катаюсь. И понимаю, что не сойти мне с этого места. «Не-не-не, – думаю. – Не смогу сойти. Страшно. Упаду, разобьюсь… Лучше буду какнибудь незаметно до самого конца кататься, пока спектакль не кончится». А там вообще-то ни занавеса, ничего такого – только этот круг. Уже другая сцена пошла – а я все катаюсь. Калягин, который Ленина играл, шипит в мою сторону:

– Уберите сумасшедшую, она нам спектакль сорвет!

Та к бы я и каталась до финальных аплодисментов, если бы не старшекурсники Куценко и Разбегаев – опыт у них был грандиозный. Та к вот. Они выскочили, взяли меня под руки и практически вынесли со сцены. Я даже не помню, как дошла до гримерки. В общем, более романтичного дебюта и представить себе нельзя.

6.

Я окончила институт и получила приглашение сразу в три московских театра. Я могла остаться работать во МХАТе им. Чехова. Могла пойти в театр Маяковского. Та м даже начали репетировать спектакль по Берберовой «Маленькая девочка», и на роль, которую должна была играть я, пробовались еще две актрисы: Маша Го лубкина и Катя Редникова. Все только и ждали: когда же соперницы начнут рвать на себе тельняшки и кусаться? Режиссер действительно ждал от нас конкуренции. Но не дождался: если в школе-студии некоторые готовы были идти к своей главной роли «по трупам», то в театре мы были рады друг-другу. Мы от души веселились – ведь все трое были такие разные! Но честно говоря, я особо не переживала потому что у меня уже был тыл, да еще какой ого-го! Ведь к тому времени я уже получила роль в студии Олега Павловича Табакова – на четвертом курсе Володя Машков пригласил меня в свой спектакль «Страсти по Бумбарашу» на роль Вари. Репетиционный процесс был в самом разгаре. И я, конечно, очень надеялась, что останусь в Табакерке – а попасть туда, скажу я вам, было просто нереально. Был такой худсовет в Табакерке – четыре «М»: Машков, Миронов, Мохов и Марин. Они сначала одобрили мою «Варю», а после премьеры Бумбараша мне сразу же предложили участвовать и в других спектаклях. В общих чертах – как говориться, понеслось. И вот тогда я впервые столкнулась с жестокостью своей профессии, про которую ходят слухи. Роль уже играла одна актриса, и когда я пришла, то села за кулисами и стала смотреть. Она играла замечательно, особенно сцену, которой заканчивался первый акт. Как она рыдала! Я конечно тут же бросилась к ней с комплиментами, а она мне говорит: «Пожалуйста, пожалуйста, уйдите…». И тут я поняла – она плакала по-настоящему. И меня позвали туда не просто, чтобы посмотреть, меня позвали, чтобы дать ей понять – она больше не нужна, ей нашли замену. Это сделали для того, чтобы у нее не осталось никакой надежды. Тогда я еще не понимала, или до конца не осознавала, или даже нет – не хотела осознавать, что в один прекрасный день то же самое может случиться со мной. Мне тогда было не до мрачных мыслей – я ликовала. У меня-то все начиналось просто великолепно: успешный дебют, новые роли, съемки… Причин для тревоги вроде и не было никаких.

И у меня началась такая активная и яркая жизнь, что страдать и жаловаться было просто некогда да и незачем – ведь сбылась моя самая заветная мечта – я играла в театре! У меня в

партнерах были Женя Миронов и Володя Машков – о чем еще можно было мечтать? Правда, я замечала на себе косые взгляды старших коллег, и все никак не могла понять – чего это они так на меня смотрят? С презрением что ли? И чего это они про меня всякие сплетни пускают? Все удивлялась, удивлялась. А сама при этом совершенно спокойно ходила в полупрозрачных обтягивающих лосинах и свитере, еле попу прикрывающем. Так, ненавязчиво. Между прочим. Сейчас я понимаю, почему так раздражает эта юношеская наивность и широко раскрытые глаза с вызовом «А что?!». Нежелание чего-то понимать и с чем-то считаться никогда и никому еще не приносило пользы. Но мне же было совершенно не до этого: при чем тут одежда?! Я – в театре! Ура!

А тут еще одна нечаянная радость: мои родители решили перебираться в Москву! Как только узнали, что я осела в «Табакерке», так и засобирались. К тому времени мой брат уже окончил режиссерский факультет, женился и тоже обосновался в Москве. Родителям хотелось восстановить расползающуюся по стране семью. Они купили маленькую квартирку в Люберцах, въехали туда с кучей чемоданов, сели на них и стали обсуждать с нами, какая начнется новая жизнь, как мы все вместе сейчас замечательно заживем.

Вообще-то, это я рассказываю так легко – на самом деле это было для них очень тяжелое решение. Серьезный, мощный поступок, который повернул их жизнь в другое русло. Ведь в Астрахани у них осталась любимая работа. У мамы – театр. У папы – телестудия. А в пятьдесят лет из руководителя стать просто Юрочкой очень сложно. Боюсь, почти невыносимо. Но отец, как только приехал в Москву, сразу же стал режиссером на телевидении. А вот с мамой было сложнее. Мама – народная артистка, травести. В ее амплуа многое зависит от физической формы. А какая тут форма, если у тебя переезд из одного города в другой? Маме пришлось оставить театр. И уже больше не вернуться на сцену.

Поступок своих родителей я считаю настоящим подвигом – без тени иронии. И если папа еще как-то мужественно пережил такие перемены, то для мамы смена места обернулась глубокой депрессией. В Астрахани маму знали все – она была любимой зрителями артисткой ТЮЗа и Драматического театра. Она была председателем местного Союза Театральных Деятелей. А тут, в Москве, а точнее – в Люберцах ее накрыла такая невыносимая пустота, что иногда она просто садилась на троллейбус и ехала. Если ее спрашивали «куда?», она не могла ничего ответить – она

ехала бесцельно, в такую же пустоту.

Впоследствии друзья пригласили ее в Союз Театральных Деятелей, она организовала университет, и стала там преподавать. Через некоторое время у родителей образовался такой же круг друзей и единомышленников, как и в Астрахани. Равновесие восстановилось.

Единственное, что было не так – Люберцы. Я так и не смогла там жить, и продолжала снимать квартиры где-то в центре и продолжала ждать места в общежитии театра. Я должна была получить собственную комнату, но с ней постоянно что-то случалось – у меня было ощущение, что ее кто-то сглазил. Директор театра мне постоянно говорил: «Настя, мы ее ремонтируем!», и она ремонтировалась до тех пор, пока мне напрямую не дали от ворот поворот: «Нет для вас комнаты, Настя».

И вот, я снимала квартиру, но жила в ней не одна – я упросила свою бабушку жить вместе со мной. Тому была очень веская причина: на окружающих коллег мужского пола я производила какое-то неправильное впечатление. Не исключаю, что женщины, знавшие меня в то время, могли бы довольно просто объяснить этот феномен. Ну да, я была веселая, общительная, улыбчивая… Да, я от природы кокетка – а что я могу с собой поделать? Многие, лишенные этого чисто женского дара, между прочим, часами репетируют кокетство перед зеркалом. Для мужчин, наверное, кокетство – достаточный повод для немедленного интима. Но для меня был абсолютной загадкой мой так называемый и очень сомнительный успех у сильного пола. Да, время от времени ко мне в гости наведывались страждущие. И тогда я знакомила их со своей бабушкой. А бабушке-то поговорить ой как охота! Она и рада: чай, печенье, беседа. И вот тут уже им – героям-любовникам – приходилось быть веселыми, улыбчивыми, разговорчивыми и приветливыми. Больше одного чаепития в компании моей бабушки, насколько я помню, никто не выдерживал. Видимо, далеко идущих планов не было ни у одного из них.

Да и я тогда всерьез не задумывалась о личной жизни. Были, конечно, некие романтические всплески в моей биографии, но без мысли о чемто более серьезном. Я была занята работой, работой и еще раз работой. А тут еще эта мысль, вбитая в голову с детства: если к двадцати пяти годам еще не замужем, значит все – знак качества во лбу начинает тускнеть. Сказочная такая иллюзия, за которую расстреливать надо. И вот тогда мне и пришла в голову шальная мысль, которая показалась мне вполне вменяемой. Мне надоело, что люди думают про меня черт знает

что. И я решила, что мне нужно срочно остепениться, то есть – выйти замуж. И пуская все думают: Заворотнюк замужем, нечего на нее время тратить. И я тут же придумала себе мужа: это должен быть человек, который не станет мне мешать заниматься любимым делом. Этот человек не должен быть актером – к тому времени у меня уже успел сложиться определенный стереотип мужчины-актера, который волнуется по поводу своей внешности, по поводу того, какое он производит впечатление, и так далее. Мне это тогда казалось противоположностью мужественности. Это непрекращающееся самолюбование актеров меня раздражало. Я не могла себе представить жизни с человеком, который просыпается утром бежит к зеркалу и спрашивает у своего отражения: «Ах, так ли хорошо я вчера играл как позавчера?». Возможно, я преувеличивала – просто наблюдала это каждый день в силу своей профессии и мне это надоело? Не знаю. Но хотелось чего то противоположного. Бизнесмена, о бизнесе которого я ничего никогда не узнаю. Мне тогда казалось, что такая ситуация меня бы очень даже устроила. Хотелось сильного плеча, опоры. Человека, который с восторгом отнесется к моей преданности театру. Который с благодарностью воспримет мое блестящее актерское будущее, в котором я тогда ни капельки не сомневалась. Романтики, как я думала, мне хватит и на сцене.

И вот, как мне тогда опять же показалось, я встретила такого человека. Он просто идеально подходил под задуманный мной образ: он был очень серьезный, он был немцем и я ничего не понимала в его бизнесе. К тому же он осыпал меня вниманием и комплиментами, относился ко мне как к королеве и буквально носил на руках. Если бы я тогда знала, как ненадолго хватит его пыла… Но, дураки учатся на своих ошибках – я решилась на этот шаг. Мне казался он абсолютно верным. Искренний поступок, сначала продуманный а потом – осуществленный. Напомню – тогда мне был двадцать один год. Ни особого ума, ни житейской мудрости, ни какого бы то ни было опыта у меня тогда не было. Но тогда мне казалось, что интуиция меня не подвела – ведь у моего избранника было такое красивое и звучное имя! Его звали Олаф, и пишу я об этом «мужчине» лишь потому, что сделанного не вернешь, слов из песни не выкинешь, и если уж человек засел за свою автобиографию, вычеркивать из нее главы своей жизни было бы по меньшей мере нечестно с моей стороны.

Мы познакомились на вечеринке в Табакерке – на праздновании дня рождения Володи Машкова. В тот вечер там собралась такая модная тусовка – куда деваться. Веселье в самом разгаре, а я сижу у огромной карты мира. Ну, я и разошлась и

сгоряча как давай себе маршруты на будущее составлять: «Вот здесь и здесь я буду выступать… и тот… и этот город покорю!..

И (*в шутку*) весь мир будет покорен. В самое ближайшее время!».

Ведь есть же какие-то поведенческие клише: завоевать мужчину не так уж и сложно. Просто разыгрываешь шахматную партию – раз, раз, раз… Ты это клише отработала. Но при этом ты отключаешь свои чувства, чтобы они тебе не мешали. И так хладнокровненько, не отвлекаясь на глупости. Конечно, это нечестно, не по настоящему. А вот, если ты подключаешь свои чувства, то все меняется. Все идет уже по совершенно непредсказуемому сценарию: возникнет, не возникнет… И вот тут ты уже никак не контролируешь ситуацию, тут ты уже и жертва и победитель и кто угодно – от тебя ничего не зависит. Иногда кажется, что падаешь в пропасть, но все равно не тянешь поводья на себя. Хочется по-настоящему. А тогда мне казалось – все идет само собой, все в порядке, все по-честному. И не было в этой моей сценке с завоеванием мира никакого пафоса, а была отчаянная юность, безумная мечта, что Олаф, который сидел напротив меня, просто придержал свою челюсть рукой и тихо сказал:

– Ты королева…

Правда, состояние «ты – королева» его долго не беспокоило. В жизни я же совсем другой человек – корону не ношу. Вот он и отвык. Я бы даже сказал – привыкнуть не успел.

От брака с Олафом у меня остались, кроме неприятных воспоминаний одни тапки – да, когда я уходила от него, я символично забрала только свои домашние тапочки, чтобы он не подумал, что я могу вернуться, чтобы он это четко усвоил. Поэтому, ни в каких меркантильных интересах меня обвинить нельзя. Ни квартиры, ни машины, ничего такого особенного от этого брака, вопреки слухам, мне не привалило. Зато моя репутация в театре дала серьезную трещину – про наш с Олафом брак говорили как про мезальянс: мол, вышла актриса за богатенького, продалась. Конечно, на тот момент времени продаться было очень даже актуально – многие только об этом и помышляли, ведь были 90-е годы, для актеров возможности заработать были просто минимальные, театры бедствовали, кино рухнуло, а телевидении еще тогда не работало в полную силу.

Конечно, «БМВ», в котором приезжает за тобой эффектный иностранец, в карман не спрячешь. И свой «Мерседес», на котором я тогда ездила, замаскировать было сложно. В то время сам Олег Павлович Табаков ездил на «Жигулях», а я подруливала на иномарке. Это было не очень тактично с моей стороны, но тогда я об этом не думала. По глупости и простоте душевной я не

останавливалась на достигнутом и продолжала поражать воображение коллег еще и своими новыми нарядами – у меня появились меха, много хорошей обуви…

И началось у меня такое параллельное существование. Олаф жил своей жизнью, я – своей. Он много ходил по казино, клубам, тусовался изо всех сил. А у меня сил на это все не хватало – только на работу. С утра репетиция – как же я могу пойти «в ночное»? И вообще, в актерском деле не бывает ничего среднего. Чтобы быть актером, нужно быть преданным своему делу до безумия, отказаться от себя и от всего остального. Это надо фанатично любить. Талант, настоящий талант, данный от Бога – это еще не все. Вы себе не представляете: Володя Машков, Ира Апексимова, Женя Миронов и многие другие – сколько они отдали сил! Уму не постижимо, сколько они отдали своей профессии! Это просто невероятно. Вся жизнь – там.

А у Олафа было какое-то бычье здоровье, как будто он одним «гематогеном» питался – его хватало и на работу, и на тусовки, и на злоупотребление алкоголем. А что – ему было тогда тридцать три года, для мужчины, самое время гулять и наслаждаться жизнью. А мне все это было неинтересно. Я смотрела сквозь пальцы на его ночную жизнь, а он пропускал через «зеленый коридор» мой страстный роман с театром.

И знаменательным началом неудачной жизни стала наша трагическая свадьба.

А было все так. Я в течение какого-то времени упрямо сопротивлялась своей интуиции, посылавшей мне отчаянные сигналы. Я гнала дурные мысли прочь. В результате к дню нашей свадьбы я довела себя почти до стресса. Что проснувшись рано утром в день моего «брака» встала перед зеркалом и впервые в жизни выплеснула из себя такую долю нецензурщины, которая там, видимо, копилась всю жизнь.

Мою и моих предков. Просто трехэтажный мат. Тошно мне было на душе – прямо кошки скреблись. Но я почему то и на это не обратила внимания. То есть, я каким-то местом понимала, что совершаю страшную ошибку, что надо все бросить и убегать сломя голову куда-то подальше от этого человека и от этой идиотской ситуации, но не могла. Упрямство сковало меня по рукам и ногам, а гордость и понятие «неудобно» просто не давали дышать. Как порядочная девушка я должна была довести начатое до логического завершения. И чуть не довела – спасло чудо.

В общем, я надела черную шляпу и поехала во Дворец Бракосочетаний. Я была вся в темном – брючный вечерний туалет, похожий на змеиную кожу. Бррр. И вот, в таком виде – в

змеиной коже и в черной шляпе я вышла замуж. Три-та-тушки-три-та-та. Вышла вобла за кита…

Учитывая то, что Олафа зачем-то назвали «Олаф Генрихович», хотя у немцев вообще никаких отчеств нет, плюс два бокала шампанского на голодный желудок – у меня началась истерика смеха прямо «под венцом», то есть – в ЗАГСе во время церемонии. А когда мы вышли из ЗАГСа, я залезла в наш автомобиль через люк в крыше. Выступила в общем. Я хохотала как безумная. А Олаф сжимал мою руку – я только на следующий день поняла, когда синяки проявились, в какой я была истерике и как сильно он ее сжимал. Но я не могла остановиться – мне было настолько очевидно, что мы с ним разные люди и что нам не по пути. И вообще – зачем мы это делали? Непонятно.

Ко всему прочему – и это, конечно, самое странное – ко мне за три дня до свадьбы привязалась занудная песенка. «Мост длинный, чугунный… На тысячу верст… Погибнешь, красотка, в день свадьбы своей…»… Ну, в общем – «цыганка гадала, за ручку брала». И ведь смешно. И страшно одновременно. И крутится она у меня в голове, эта песня, и никак не отстает – только сильнее раскручивается.

Мы не планировали отмечать свадьбу. Расписались – и ладно. Для нас, наверное, и для самих было понятно, что демонстрация нашего союза нам совершенно ни к чему. В глубине души нам обоим, наверное, было немножечко стыдно за себя. Но мы не подавали виду. И когда мне позвонила моя подруга Аня и пригласила нас с моим новоиспеченным мужем отмечать наше семейное торжество в загородный ресторан, мы с радостью приняли ее предложение. Приехали, выпили, закусили. Как положено. А когда отправились назад в Москву, мужчины – Олаф и бойфренд Ани, как в дурном триллере, стали гоняться друг с другом на машинах по шоссе. И вдруг нам навстречу вылетел автомобиль. Мы стали уходить в сторону и въехали, не успев затормозить, под такой высокий грузовик – который возит солдат. Въехали так, что по идее, мы все должны были остаться без голов. Чудом уцелели. Огромный капот машины был весь смят, стекла вылетели. Единственное, что я успела сделать – накрыть лицо шляпой. Когда мы «летели» я почувствовала, что уже ничего нельзя сделать – все, конец. «Погибнешь красотка в день свадьбы своей» – громко и страшно ухнуло в ушах.

Мы остановились под бортом грузовика ровно в двух сантиметрах от смерти. А я выскочила из машины и стала кричать. И моя подруга Аня тоже вышла из машины. Все смотрела на меня так спокойно-спокойно. И очень пристально. Аж холод по спине.

Веселая получилась свадьба – машина всмятку. Молодые в синяках и ссадинах, дивный летний вечер в ГАИ… Сказка просто. Но самое удивительное происходило в этот момент у меня дома. Примерно за полчаса до аварии моя бабушка вдруг куда-то засобиралась.

– Валя, я пойду в церковь – Настеньке плохо.

Стоит и плачет.

Моя мама ее успокаивает:

– Ну что ты, у нее же сейчас свадьба, у нее все замечательно, она же замуж вышла! Сама так хотела… И сейчас поехала отмечать.

А бабушка говорит:

– Ей плохо. Я пойду помолюсь за нее.

И пошла.

Я думаю, что в тот день она нам жизнь спасла. Бабушка нас отмолила.

Какое-то время она была монашенкой в миру. После смерти деда она все не могла оправиться от потери – никак не могла найти себя в этой жизни, категорически. Затухал человек, сгорал, как свеча на ветру. И вот только вера и церковь ее спасли и поддержали – она встала на ноги. Уходила рано утром из дома и возвращалась поздней ночью – молилась, помогала людям, выслушивала их, успокаивала, свечечки убирала, хлопотала. Та к и появился смысл в ее земной жизни. И я думаю, что обязана ее молитвам своей жизнью.

А вот папа на моем бракосочетании не присутствовал. Ни на первом, ни на втором. Ему не нравились мои избранники. Хоть я всегда и во всем прислушивалась к его мнению, но только не в этом вопросе. Папе никто категорически не нравился. Он все время про всех говорил только «козел» или «подметки твоей не достоин».

Я вот сижу и думаю – а может, папа был все-таки прав? По крайней мере, никто – ни моя первая любовь, ни мой первый муж, ни, как потом оказалось, второй – никто из них не верил в меня как в актрису, они все, так или иначе, были против моей карьеры. А папа, в отличие от них, в меня верил. И так же как и я мечтал о том, чтобы я стала настоящей актрисой. С большой буквы А.

7.

Семейная жизнь в первом браке, как я уже говорила, была недолгой. Олаф уехал в Германию, а я осталась здесь. Проблема нашего параллельного существования перестала меня волновать. С мужем мы практически не виделись, да и семьей себя не считали. Но вместо семейного счастья, со мной стали происходить неприятности.

Я очень рано стала водить машину – села за руль примерно одновременно с моими первыми кинофильмами. Первой машиной был «убитый» временем и нашим бездорожьем «Жигуленок». Но он был по крайней мере «на ходу». Прав у меня тогда еще не было и я носилась по Москве, надеясь на удачу и полагаясь, исключительно, на наш любимый русский авось. Совершенно незаконно, но уверенно. И мне везло. Но стоило только Олафу подарить мне «Мерседес» – все.

Однажды меня остановили гаишники. Ну, все, думаю, попалась. И приготовилась разыграть целую драму с забытыми документами. Но служителей автоинспекции не волновали мои права – их волновал техпаспорт автомобиля. «Машина ворованная» – заявляют мне гаишники. Я чуть не падаю в обморок – даже играть не пришлось. Стыдно сказать – я бросила автомобиль и в полной панике сбежала, ведь он был оформлен не на меня.

Дальше – больше. Звонят мне по телефону: «Где Олаф? Когда вернет деньги?». И весь наш клан Заворотнюк замер в тихом ужасе от возможных последствий – мы никогда в жизни не ввязывались ни во что подобное, а тут мой муженек устроил нам все эти тридцать три удовольствия и был таков. Я поехала к мужу разбираться, но так и ничего не добилась – он действительно повесил на меня свои долги и был таков.

Пришлось возвращаться в Москву. Было католическое рождество. Какое-то новое дыхание жизни, праздник, светлый, радостный день. А я в полном «загрузе» – с утра репетиция в Табакерке, вечером – свадьба подруги в клубе театра им. Маяковского. В перерыве между делами я устроила легкий шопинг, накупила подарков, и так увлеклась, что вижу: безнадежно опаздываю. Решила ловить такси. Остановился частник. Красивый блондин, вежливый и дружелюбный. Мы познакомились и стали болтать о том, о сем. «Вот, – говорю, – кольцо у меня обручальное – такое неудобное, за все цепляется. Я его редко ношу – но сегодня такой случай, друзья празднуют свадьбу, нельзя было снять кольцо в такой день». Дима ответил,

что у него тоже есть семья, дочке четыре с половиной года, а вот, обручальное кольцо он не носит.

Вот едем мы с Димой, болтаем, и я чувствую, что нравлюсь ему. Очень. Идет снег, на площадях стоят нарядные и немного нелепые елки, от вида которых как-то безалаберно-весело и есть ощущение счастья и праздника. Как будто завтра проснешься – и вот она, твоя новая жизнь во всем своем великолепии и блеске. Встретились два человека, едут по дороге, вереница фар превращается в гирлянду иллюминаций, и вдруг внезапно понимаешь – так ведь это и есть твоя новая жизнь, и все эти приготовления к новому году – они для тебя и для этого человека. И незачем расставаться.

Мне захотелось пригласить Диму Стрюкова на спектакль. С женой, естественно – у меня в мыслях не было разрушать семью. Но Дима пришел один. А после спектакля из «Табакерки» мы вышли вместе…

В Диме я сразу увидела сильного и решительного человека. Он излучал такую мощь, такое обаяние! Устоять? Это было не в моих силах. Наши отношения развивались с невероятной скоростью – между нами возникла цепная химическая реакция и не позволяла нам расстаться. А ведь я тогда была женщиной с «проблемами по наследству» от первого мужа. В этих делах я вообще ничего не понимала, просто «ни в зуб ногой», а время было лихое, страшное – 94-й год, каждый день газеты писали о кровавых разборках, убийствах и жестоких расправах за гораздо меньшие суммы, чем те, которые фигурировали в долгах моего немецкого мужа. И вот, я доверилась Диме. Все разборки он взял на себя. И это был очень благородный поступок с его стороны. В то время у него был свой автосервис. Он никогда не был особенно богат, но знал этот мир, бизнес 90-х, и умел «решать вопросы».

Вскоре нам с Димой понадобились разводы. Он женат, я – замужем. Со мной все было понятно – ошибка юности. У Димы дочь. Но он объяснил мне, что расстался с женой уже давно.

– Что же ты раньше не уходил, раз вы так плохо жили?

– Я только ждал. Я же не могу уйти в никуда, я же мужчина. Просто я ждал тебя.

Все-таки странно иногда ведут себя мужчины. Если отношения зашли в тупик, то вряд ли что-то можно поменять – люди-то все равно остаются такими, какие они есть. Поэтому, в принципе, я – за развод. Ведь самообман – он тормозит развитие и личности, и ситуации. А жизнь так коротка. Я сама этому учусь.

Быть честной с собой и своими близкими, с окружающими. Поменьше «тумана», и сразу как-то комфортнее себя начинаешь ощущать. Русские женщины не всегда уверены в том, чего они хотят и к чему стремятся. Кокетство, жеманство… В этом конечно есть очарование, но… с другой стороны, и не мало вполне реальных проблем у самих женщин – у них обязательно время от времени наступает момент какой-то неразберихи. Никто не понимает, чего она хочет, в том числе и она сама. А вот, например, американки совсем другие. Американки очень четко формулируют то, чего они хотят и к чему стремятся. А еще они действительно очень честны с собой, у них это принято. И мне кажется, это очень важно. И если бы наши женщины чуть-чуть интегрировали в это состояние – чуть-чуть, мне кажется, было бы лучше.

8.

На развод с моим немецким мужем ушло чуть ли не больше времени, чем длился наш брак. В ту зиму я сильно заболела. Работала просто на износ, репетировала с утра до вечера. И так измотала себя, что когда пришла к врачу, чтобы мне выписали какое-нибудь лекарство от синдрома постоянной усталости, меня тут же госпитализировали с каким-то страшным диагнозом.

Неделю я пролежала под капельницей. Врачи меня запугали: сказали, что мой организм настолько ослаб, что у меня не может быть детей. Я была потрясена: всегда считала себя здоровым человеком и всегда знала, что обязательно нарожаю кучу детишек. Мы с Димой на тот момент знали друг-друга что-то около месяца, и вдруг – такое. Дима проявил себя как настоящий рыцарь. Я была придавлена осознанием того, что у меня никогда не будет детей. Совместное горе сближает.

Пробыла я в постельном режиме что-то около трех месяцев, и вдруг… Я беременна! На первом месяце! Все-таки, постельный режим – вещь.

Это было такое счастье, что и передать словами невозможно. Я ждала ребенка, и это было самое главное в моей жизни.

Второй свадьбы «не было». А что вы хотите: деревенский ЗАГС, невеста – беременная, на 7-м месяце, опять же в черном, с ужасным токсикозом…

Наверное, гормоны взяли свое – в голове была какая-то каша. И когда меня спросили:

– Фамилию менять будете?

Я зачем-то ответила:

– Буду!

Стала я по паспорту Стрюковой – ну надо же! Чуть не забыли обменяться кольцами и поцеловаться. Быстрей, быстрей.

И вот, мы с Димой стали строить наше семейное гнездышко – дом в подмосковной деревне Малаховке. Землю оформили в собственность за пару дней до того, как мы расписались. Я вкладывала в наш дом такой смысл, такие силы и надежды – мне хотелось, чтобы в этом красивом и большом доме жила вся наша семья, и чтобы мы там были счастливы. Окунувшись с головой в строительство я открыла для себя много нового и интересного: пристально следила за строительством, за каждым гвоздиком, каждой реечкой. А Диме все это было неинтересно, его все это пугало, а я наоборот – лезла на рожон. Мало того, что я строила дом, я еще и на курсы вождения записалась. Решила легализовать

свое хобби – получить права. И с таким жаром я принялась за это все, с таким удовольствием. Беременная ходила в автошколу. Ну а как же? Я же будущая мать, у меня же дом за городом, я должна чувствовать себя уверенно за рулем. Когда я получила права, Дима подарил мне «Девятку». И с тех пор я стала помешанным автомобилистом со всеми вытекающими.

Дочка, слава Богу, родилась в браке. Все сразу изменилось – весь мир, все мое существо. Я превратилась в счастливую мамашку, и это был такой приятный период в моей жизни! Весь смысл моей жизни был в Анечке. Пока она не появилась, я многого не понимала. И вдруг все встало на свои места, распределилось как по щелчку. Вертолеты исчезли из головы, головокружение прекратилось. Сразу и мгновенно. Я наконец-то поняла, в чем мое предназначение и зачем вообще я тут.

Правда, с работой все складывалось не так гладко: когда я вернулась из декретного отпуска в театр, думала выгонят. Не напролом, конечно, а по идее, меня должны были тактично отстранить, выжить как ненужный элемент, который путается под ногами. Та к бывает: возвращается кто-то, а его место уже как бы занято, играть нечего, все роли достаются кому-то еще, а для тебя ролей все нет и нет. Тебе играть нечего, и вот, собственно, и все – твоя карьера закончена.

Меня поддержала актриса Марина Зудина – жена Табакова. Своим дружеским отношением она прикрыла меня от невзгод театральной жизни, защитила от возможности быть уволенной.

В «Табакерке» у меня был любимый спектакль, о котором я уже рассказывала – «Страсти по Бумбарашу», и он до сих пор так и остается моим самым любимым спектаклем. Мне кажется, другого спектакля, который для меня столько бы значил, уже никогда не будет. Такое бывает только раз в жизни: это и юность, и восторженный трепет перед сценой, и осуществленная мечта, сбывшиеся детские грезы. Со мной рука об руку работали лучшие актеры. Гастроли, разные страны, новые впечатления. И то беззаботное ощущение, которое бывает только в юности: что вся жизнь впереди, и что еще есть куча времени для того, чтобы помечтать, еще можно на что-то надеяться, во что-то верить… И как будто вот-вот, еще капельку, и все получится. Все-все.

А тут – мне дали маленькую роль в спектакле «Бобок» по Достоевскому. Это очень странное произведение про загробный мир, про мертвецов. Но режиссер-постановщик – Валерий Фокин – сделал совершенно гениальную постановку. Это очень необычный и талантливый режиссер, настоящий мастер, экспериментатор, интереснейший человек. Почти колдун, как мне

кажется. Со своим каким-то абсолютно «другим» видением. И он «выжал» максимум из моей малюсенькой роли, где я за весь спектакль произношу два «ха-ха». Но Фокин из этих двух «ха-ха» сделал мне изумительный перформанс. Фокин невероятный придумщик. Он так подробно и внимательно работает с артистами, ему так важны все мельчайшие детали, что в результате у него всегда получается шедевр.

Мы изображали мертвецов и весь спектакль с другими актерами лежали в гробах, припорошенные землей, в ужасном трупном гриме. С закрытыми глазами, не двигаясь. А потом я просыпалась и гордо произносила свой текст. И вот, мы с другими артистами, чтобы не сойти с ума, пока мы там, в гробах лежали, травили анекдоты. Тихонечко, чтобы никто не слышал. В спектакле были заняты замечательные актеры: Женя Миронов, Виталик Егоров, Сергей Беляев, Сергей Безруков. И вот, в какой-то момент кто-то рассказал очень смешной анекдот. Видимо, подготовился. И мы как начали хохотать – остановиться не можем. И с нас стала земля осыпаться. Представляете, картина: идет спектакль, лежат мертвецы в гробах, и вдруг – ррраз! Посыпалось…

В общем, карьера моя была на диком подъеме – ни в сказке сказать, ни пером описать.

Мы с Димой жили в Малаховке. И вот, летишь оттуда на спектакль по всем пробкам, по нашим раздолбанным дорогам. Дочку крохотную няне оставляешь, волнуешься. А на сцене тебя ждет гроб с землицей сырой. Ты очень выразительно исполняешь свои два «ха-ха» и назад, в Малаховку. Конечно, Диме это все не нравилось. Не одобрял он моих метаний. Он просто никак не мог понять, что для меня смысл был не в зарабатывании денег, не в какой-то материальной выгоде. А что я жить не могла без театра. И все мои надежды на то, что вот-вот все станет лучше, что рассвет уже близок и что перед тем, как солнце встанет, обычно наступает самая кромешная тьма, Дима не разделял. Он не признавал моей работы. Однажды даже прозвучало: «Ты же там чужая! Не москвичка! У тебя никого нет, кроме меня! Ты им – никто!». Интересно, а что же тогда делать всем остальным артистам? Женя Миронов тоже провинциал. Как и ко мне, к нему из провинции переехала вся семья. Но он почему-то свой. А я – нет. Я – чужая. Я понимала, что Димины заявления беспочвенны, но мне нечем было крыть – моя карьера действительно летела в тар-тарары. Дела шли все хуже и хуже.

Мне трудно сказать, даже сейчас, по прошествии времени, почему у меня не сложилось в «Табакерке». Ну, не увидел во мне Олег Павлович интересную актрису, ну, бывает. Кто-то нравится,

а кто-то нет, и личный контакт здесь играет большую, если не сказать – главную, роль.

В каждом театре есть своя «звезда». И звездами становятся по-разному. Но я, видимо, не обладала нужной степенью яркости. Возможно, виновата моя натура: чересчур уравновешенная, тихая, спокойная и неконфликтная. Я никогда не стремилась ни с кем бороться. Но разочарование в профессии – это еще полдела. Самым страшным в тот период времени для меня оказались сложности в семье, которые возникли на почве ревности моего мужа Димы к моей профессии. Он не переваривал саму мысль о том, что я – актриса. Не верил в меня. Его раздражали съемки, а гастроли он ненавидел. Отпускал меня только в театр, да и то – со скрипом, и с обещанием сразу же после спектакля нестись сломя голову домой, обратно к нему. Он мог запросто закрыть дверь перед моим носом и сказать: «Я тебя никуда не отпущу, сиди дома!». Он не любил мою профессию, мою работу и моих коллег. Ревновал, кричал и никак не хотел понимать, что актриса не может сидеть в четырех стенах как кастрированный кот.

По гороскопу я – Овен. Знак огненный, но в нем есть место и авантюризму и постоянству. Эти в общем-то противоположные качества во мне уживаются. Наверное, это даже и не самое плохое сочетание стихий, которое проявляется во всех моих поступках. И во внешности. Я женщина хрупкая, маленькая.

С виду – слабая и беспомощная. Поэтому, наверное, ко мне притягиваются мужчины сильные, яркие, талантливые, умные – в общем, защитники. И естественно – амбициозные и властные. Из самых лучших побуждений они берут бразды правления в свои руки и начинают руководить мной. А я в свою очередь вроде как должна повиноваться диктатору. И вот тут-то как раз и начинаются проблемы. Я, может, и рада была бы повиноваться «белому господину», но моя бурлящая казацкая кровь в этот момент берет меня за горло и… Кипииииит наш разум возмущееенный! И слова «да, мой белый господин» – выходят фальшиво, а все, что происходит после можно назвать только так: «шашки наголо, Настя пошла рубить». И ту же я оказываюсь вовсе не слабой. И все могу сама решить. И вообще – я очень даже самостоятельная бываю, если уж припрет. А слабость? Можно играть в это. Но нужно точно знать, во имя чего ты это делаешь. Ради чего. Потому что это очень надоедает. От этой игры возникает невероятная усталость. Потому что если ты не понимаешь, зачем, то результат твоей игры – зеро. И вообще, у меня есть такое четкое правило – договариваться на берегу. И на примитивных примерах, которые возникают в самом начале отношений, можно сразу понять, какие проблемы могут

возникнуть впоследствии – допустим, этому человеку будет необходима своя собственная корона. И он не станет тратить свое время на то, чтобы поправлять твою. Ты просто ее снимешь с себя и отдашь ему. Но это не смирение в чистом виде, это такое временное соглашение, компромисс. Но в какой-то момент этот компромисс достигает критической массы, накапливаясь, и… Происходит восстание рабов. Спартак – впереди… Что поделаешь – тяжелый случай.

В общем, с Димой у нас не складывалось, и я понимала, что рано или поздно уйду. Мы разные люди, живем по-разному, думаем по-разному, дышим разным воздухом. И ничего с этим не поделаешь. Я бы никого никогда не оставляла, если бы в этом не было необходимости. Я не ощущаю в себе какую-то проблему, какой-то комплекс, который заставляет меня убегать, нет.

И мне, конечно, хочется стабильных отношений. Но я думаю, что если отношения зашли в тупик, то вряд ли что-то можно изменить. Поэтому, в принципе, я – за развод.

Но расстаться с Димой было сложно: он, конечно, ревновал, но он же любил, и я к нему была очень привязана. Недаром говорят – привычка – вторая натура. Я не представляла, как мне дальше с ним жить, но так же плохо рисовалась мне моя жизнь без него. Все-таки, помимо того, что мы были супругами, мы еще были и родителями. Да, мы были в конфликте, но это же не значит, что наше утро начиналось с метания тухлых помидоров, и что мы, допустим, совсем не разговаривали друг с другом. У черного и белого есть масса оттенков, вот и у нас с Димой вышла такая непростая история, понятная многим женщинам: разошлись, но все еще вместе. Я чисто психологически не могла заставить себя разрубить этот узел. Мне было страшно. Я была «не готова», как парашютист, который перед самым первым своим прыжком вдруг понял, что он никакой не десантник… Мне совершенно некуда было бежать, кроме родителей, которые, конечно, с радостью приняли бы нас с Анечкой… И, если уж говорить начистоту, меня никто никуда не отпускал.

Дима переживал очень тяжелый период своей жизни: у него умирала мама. Тяжело, после долгой болезни. Диме была необходима поддержка, и я не могла разорвать наши отношения в этот страшный для него период. Я не понимала, как можно уйти от человека при таких обстоятельствах, и я решила подождать до тех пор, пока он не оправится от потери. Димина мама умерла. А на девятый день после ее смерти я узнала, что у меня будет второй ребенок.

Второй ребенок и развод? Понятия взаимоисключающие. Я растерялась. Аборт для меня невозможен – я никогда на такое не решусь. Такие грехи замаливаются десятилетиями, но дело даже не в этом. Я на такое не способна. Ведь ребенок – это такое благословение для семьи, такой дар, такая надежда… Но в том-то и дело, что я не хотела сохранять семью, и с самого первого дня, как я узнала, что у меня будет второй ребенок, сразу решила, что не хочу воспитывать его рядом с отцом. Моя мама, которой я все рассказала, пришла в ужас. Вопрос «Что делать?» повис в воздухе отчаянной петлей и я ходила, как в воду опущенная, вместо того, чтобы радоваться.

И вот, в таком серо-буром состоянии я сидела в «Табакерке» перед спектаклем. Ко мне подошла Марина Зудина, взглянула на меня и говорит:

– Что с тобой? Ты зеленого цвета, глаза на лбу… Что случилось?

Я ей все рассказала: описала ситуацию в красках. Она выслушала меня, очень удивилась, что в такой счастливый момент своей жизни, я умудряюсь быть такой несчастной, и сказала:

– Ты должна совершенно изменить взгляд на это. Все равно, как там у тебя сложится. Но будет ребенок! И это самое важное. Я была бы так счастлива, если бы у меня был второй ребенок! Та к счастлива!

И в результате ей удалось убедить меня в том, что мне хватит на все сил, я справлюсь. И я очень благодарна ей, потому что в тот момент я была в отчаянии и не понимала, что мне делать. А тут – все мои проблемы как бы отступили на второй план: сложности с Димой, неудачи в театре, ужас перед будущим – все куда-то подевалось. Я успокоилась и сосредоточилась на своем материнстве.

Конечно, тяжесть ситуации никуда не делась – было очень непросто. Сложно осознавать, что под финальные аккорды твоего романа с некогда любимым человеком ты получаешь второго ребенка. Ты его еще не видишь, только носишь под сердцем, еще не знаешь, что это такое – держать его на руках, но уже прокручиваешь в уме весь этот снежный ком проблем, который только и делает, что растет. Как? Почему? Зачем? Ни одна нормальная женщина на это не решится!

И Дима меня удивил. Раньше он и слышать не хотел о втором ребенке. Абсолютно. Говорил: для меня дети – не главное, главное – чтобы ты была рядом. А дети у него есть – дочка от первого брака, и наша Анечка. Точки над «і» вроде как расставлены, все поля галочками отмечены. И вдруг, совершенно

неожиданно, он переменился. «Пусть будет второй ребенок!». И я осталась жить в Малаховке.

Именно там, в Малаховке, я впервые в жизни пережила настоящий, животный, не придуманный страх. Времена были страшные, убийство было чем-то настолько обыденным, что казалось, уже никого не трогает. Жизнь человека не имела никакой ценности.

Наш дом привлек к себе внимания бандитов. Стрюков ни о чем плохом не думал – беда могла случиться с кем-то там, но не с ним. И вот, средь бела дня нас ограбили.

В то утро Диме позвонил приятель – у него сломалась машина. Как это обычно бывало, Дима поехал его выручать. А я осталась дома, в Малаховке. Дима долго не возвращался. Наконец, раздался стук в дверь. Я открыла и увидела на пороге в кровь избитого мужа. Руки и ноги у него были связаны, а за спиной стояло пять человек в масках и с пистолетами. Молодые мужики, бойцы, с виду лет по тридцать. Диму бросили на пол, лицом вниз и приставили пистолет к голове. Я испугалась, но сразу собралась – видимо, инстинкт самосохранения не дал мне впасть в истерику. Мгновенно включилась внутренняя дисциплина – ведь рядом была Аня, маленький ребенок – ей было всего четыре года. И бабушка тогда жила с нами в Малаховке. Нас троих отвели в мою комнату, посадили на кровать и приставили охрану – здоровенного парня. Он молча меня разглядывал, и взгляд у него был такой отстраненный, глаза под маской – холодные. И еще постоянно перекладывал пистолет из одной руки в другую. Я тогда почувствовала, насколько ему безразличны наши жизни. Он смотрел на меня, как смотрят на неодушевленные предметы. Ему ничего не стоило нажать на курок. Для него это было так просто, как я даже не могла себе представить. Мы для него – ничто. Добыча. Очередной источник калорий в виде награбленного. Обед. Наверное, так чувствует себя дикое животное, загнанное охотниками: оно беззащитно, а любое его сопротивление – просто смешно. И ничего не сделаешь. Твои мучения никого не тронут, и вообще – твоя смерть станет лишь незначительным эпизодом в жизни твоего убийцы. Это чудовищно.

В какой-то момент где-то в глубине дома раздался выстрел. Стреляли, чтобы напугать.

Но у меня в этот момент все рухнуло – я на одну секунду решила, что Диму убили. Но слава Богу, налетчики забрали деньги и ушли, обобрав Стрюкова до нитки. Видимо, знали, что у нас нет охраны. Та к уж сложилось – Дима был неосмотрителен.

Ему было жалко тратить деньги на охрану. Хотел жить как богатый человек, а главных вещей не понимал. О безопасности нашей не задумывался, и даже это ограбление его ничему не научило. Охраны так и не появилось. Да что там – охрана, если у нас даже звонок в доме не работал? Не было даже «тревожной кнопки». А уж о видеонаблюдении и речи не шло. Не каждая беременная женщина с крохотным ребенком на руках согласилась бы жить за городом без охраны. В доме, где есть сейф, в котором муж хранит все деньги своей фирмы.

9.

На одном из спектаклей Женя Миронов, узнав, что у меня будет ребенок, сказал мне: « Ты что – больше не хочешь быть актрисой? Нет, я понимаю – дети, семья… Ничего в этом страшного нет». Но после его слов мне стало очень страшно. Я подумала, что, наверное, Женя прав – все кончено. И вообще, что я тут делаю? Не надоело еще? В театре все рушится, и это не только из-за беременности: ну, рожу я, вернусь, и что? Все наладится? Как бы не так. Меня вдруг неожиданно «увидят»? Вряд ли. Идти в другой театр? Кому-то что-то доказывать? А зачем? Ведь там меня ждут те же самые проблемы… А в кино, хоть я тогда и снималась, был тяжелый период: денег не было, все делали абы как, быстрее-быстрее, и несмотря на то, что роли были интересные, и работали очень талантливые люди, получалось все как-то не очень. Я испытывала чувство вины за то, что была такой невыразительной. Но в то же время со мной рука об руку работали очень талантливые актеры, которые выглядели так же бесцветно. Вообще, было такое время – никому ничего было невозможно доказать, никому ничего не было нужно, никто не бился за правду, за качество, все как-то шло своим чередом, по инерции, на остатках топлива времен советской империи. Кино умирало, за него было стыдно, а люди, которые выдавали некачественный продукт, в котором не было ни жизни, ни красоты, ничего того, за что зритель любит кинематограф, почему-то считали это допустимым, делали вид, что все нормально. Их толерантность здорово отбросила нашу киноиндустрию на много лет назад. Не только отсутствие больших бюджетов подкосило наше кино, нет, еще и духовная нищета, готовность поддаться, приспособиться, сделать «как-нибудь», создать видимость. А я считаю, что в таких условиях выигрывают только самые бескомпромиссные художники, а приспособленцы безусловно выживают, но это не выигрыш, не триумф. Это не жизнь, это лишь существование, не более того.

По натуре я скорее фаталист – верю в судьбу, в предначертанное. Все, что с тобой должно произойти – произойдет обязательно, сопротивление бесполезно. А то, что тебе не суждено – ну хоть убейся, не произойдет ни при каких обстоятельствах. Но на всякий случай оговорюсь – это правило я распространяю только на себя. Не берусь утверждать – но я знала и людей, которые ломали ситуацию, поворачивая реки вспять… Только потом это несогласие с судьбой может обернуться против тебя и отбросить далеко назад. И поэтому я решила не биться с

судьбой. Я знала, что это бесполезно. Да, я не стала известной актрисой. Но у меня же было сто шансов из ста! Прекрасный театр, хорошие роли… Мне совсем не хотелось унижать себя – и я решила уйти. Такова профессия – если тебя не узнают, ты неудачник. Потому что тебя должны узнавать, иначе, зачем вообще все это? Уйти, или уехать куда глаза глядят. Найти себя в чем-то другом. Посмотреть на мир другими глазами.

Мой отъезд в Америку был продиктован многими обстоятельствами в моей жизни. Это была и неудавшаяся актерская карьера, которая начиналась «за здравие», а растянулась в такой «упокой», что просто руки опускались. Это были и тяжелые отношения в семье, которые после бандитского нападения на наш дом, только ухудшились. Это была и общая картина мира, которая рисовалась в нашей, к сожалению еще такой «совковой» действительности. Мне часто становилось просто страшно – без особых, наверное, причин, хотя… Разве страх за жизнь – это не причина? Нас чуть не убили, и я, беременная, хотела только одного – уехать отсюда подальше. Мои друзья из Лос-Анджелеса предложили мне заняться довольно выгодным бизнесом – недвижимостью. Я тогда решила, что новое, да к тому же еще и выгодное, занятие будет лучшим отвлекающим маневром для моего готового нырнуть в кромешный ад депрессии сознания. Я же загадала себе когда-то давно, что если к тридцати годам не стану по-настоящему успешной актрисой, займусь чем-нибудь другим. А тут еще такая возможность прекрасная – Америка, страна больших возможностей. Мне была нужна другая культурная среда, мне было просто необходимо сменить обстановку. Даже Дима не стал меня останавливать и спокойно согласился меня отпустить – он понимал, что если я не уеду, то наш брак имеет все шансы рухнуть быстрее, чем карточный домик на ветру. Единственное его «но» – он ни в какую не хотел отпускать со мной нашу дочь. Да, конечно, мне было бы тяжело одной с ребенком и с животом, но мне кажется, Дима прекрасно понимал, что отпусти он нас в Америку в полном составе, я могла бы просто не вернуться. Наша дочь стала гарантом того, что я обязательно вернусь. Та к что, я не «уехала» в Америку. Я «поехала». Все-таки, это разные вещи.

Надо сказать, я никогда не исключала такую возможность – жить в другой стране. И вот, я попадаю в Америку. Это другой воздух, другая земля, другие люди. Абсолютно другой мир.

У меня было ощущение, что пожив там какое-то время, с меня наконец-то осыпалась вся эта «колхозная глина», которой мы тут

все были перемазаны за время советской власти. У меня было ощущение, что я оттаиваю, как заледеневший кустик после зимы. Америка вселила в меня надежду, уверенность в своих силах, в том, что нет «не могу», а есть «хочу и буду». Эта страна подняла меня с колен.

Я не ехала в Америку покорять Голливуд. И хотя для нашего поколения Америка всегда была такой мечтой – раем перспектив, но в то же время мне всегда казалось, что если ты добился успеха в одной стране, то добьешься его где угодно. И наоборот. Но что интересно: прожив в Америке полгода, и не где-нибудь, а в Лос-Анджелесе, где находится Голливуд, центр мирового кино, я наконец-то перестала себя чувствовать актрисой. Куда-то это ощущение исчезло. И знаете, настала такая свобода! И упивалась ею, чувствовала ее особенно остро когда встречалась со своими знакомыми, которые когда-то учились вместе со мной и теперь пробовали себя в Голливуде. Кто-то из них болтался без работы, кто-то устраивался, вставал на ноги. И вот, глядя на них, на то, как они себя подбадривают, уговаривая, что «все хорошо, все вот-вот наладится», я думала про себя «Боже! Какое счастье, что мне не надо бежать в агентство, не надо брать уроки английского языка, бороться с акцентом, шлифовать произношение… Меня это все не касается». И даже когда мне предлагали помощь, я оставалась равнодушной. Друзья говорили: «Давай, Настя! Все получится! Звони домой, в Россию, пускай кассеты с твоими фильмами пришлют». Но я только обещала, что позвоню, но так и не занималась этим. Я понимала, что это бессмысленно, у меня все-таки хватило ума даже не пытаться сделать карьеру в Голливуде. Судите сами – это же сколько лет должно уйти на то, чтобы твой язык стал пригодным для работы в Америке? Да, на разговорном уровне – пожалуйста, если вы позанимаетесь, а потом несколько месяцев пообщаетесь в языковой среде. Но не для кино. Если у тебя хоть малейший акцент – все, ты неполноценен. Тебя в голливудскую империю кино не примут.

Тебя практически не существует, потому что ты неправильно говоришь. Есть, конечно, кое-какие роли, где по сценарию нужен русский акцент. За этими ролями, собственно, все наши русские актеры и охотятся. Но у меня не было никакого желания этим заниматься – не было азарта. А потом, я не могла избавиться от мыслей о том, что если в своей стране ты никем не смогла стать, то в Америке даже и пытаться нечего.

Итак, в Америке я наслаждалась жизнью. Занималась бизнесом, зарабатывала деньги. При этом, несмотря на беременность, которая уже подходила к своему логическому

завершению, работа меня ни капельки не утомляла – я отлично себя чувствовала.

10.

Та к у меня появился Майки. Майки! Майки – это Солнце моей жизни. Аня – Смысл, а Майки – Солнце. Таким образом они распределены в моем сердце. И насколько сын для меня много значит, я поняла сразу же, в первую секунду его жизни. Это было такое острое, пронзительное чувство. Похожее на те чувства, которые переполняют тебя, когда ты любуешься морским рассветом, в каком-то живописном уголке земного шара. С появлением Майки на белый свет, мир вокруг в одного мгновение переменил краски, ослепительно засиял! Мне ведь очень хотелось, чтобы у меня родился сын. И вот, в солнечном Лос-Анджелесе, все, чего мне хотелось в этой жизни, все, о чем только можно было мечтать сбылось: теперь у меня есть и дочь, и сын! Я была так счастлива, что не описать словами. И это необычайно яркое ощущение от знакомства с Майки осталось со мной навсегда.

Я рожала в прекрасной клинике, где не испытала ни боли, ни неудобства, ни каких бы то ни было унижений. Ничто не омрачало моей радости – ко мне пришла моя подруга, американка. Я рожала, она сидела рядом, и я требовала:

– Всем шампанского!

Я травила анекдоты, шутила, пела. Медсестры говорили: «Там рожает эта сумасшедшая русская балерина». Они называли меня балериной, потому что я была стройная, худенькая. Для Америки, где самый высокий процент ожирения и все население пребывает в повальной озадаченности проблемой лишнего веса, стройная роженица – нонсенс. То , что беременная женщина должна себя баловать, в том числе и гастрономически – здесь общепризнанный факт. И никто не перестанет любить жену в положении, если она набрала вес. Та м вообще как-то по-другому относятся к женщине. Та м не считают, что женщина должна выглядеть как модель. У них нет подобных требований друг к другу, и надо сказать – это очень сближает. Взаимопонимание – великая вещь, а отсутствие агрессии по отношению к друг-другу делает чудеса. Американцы проявляют такое внимание к предстоящей встрече с малышом! У американок абсолютно другое отношение к собственной беременности. Та м это не считается болезнью, и никто не берет декретного отпуска. Женщины работают до последнего дня, живут полноценной жизнью. Она здорова, здоровее всех – так зачем ей отпуск, пока малыш в ней? Вот, начнутся схватки, и поедешь рожать. Без боли и без криков. И будущий папаша тоже едет «рожать» – быть

рядом, держать за ручку. А вещи все уже давно заранее приготовлены, лежат сложенные в сумку, и никаких суеверий, в Америке это просто неприлично. Родители в радостном ожидании встречи со своим наследником, вместе ходят по врачам, на специальные курсы по уходу за ребенком. Сейчас у нас тоже все начинает потихонечку двигаться в этом направлении, и я этому очень рада. Хотя, думаю что должно пройти немало времени, прежде чем все эти прекрасные вещи войдут в норму в нашем обществе.

А я все-таки следила за собой. Дима со мной не ездил, на роды тоже не смог прилететь, я была все время одна. Но тем не менее, в голове у меня была прочно вбита мысль: я не должна поправится и фигура моя не должна измениться. И что вы думаете? Через четыре часа после родов я начала качать пресс.

Майки все время был со мной. Каждые полтора часа он просыпался и начинал хныкать. Его надо было накормить, помыть, укачать. Все сама. А после родов, надо сказать, это было довольно утомительно. Мне захотелось немного отдохнуть. Я же сутки напролет качала его – Майки очень плохо спал. И, кстати, продолжалось это лет до трех-четырех. Майки мог спать либо в обнимку, либо держась за руку – он очень «тактильный» мальчик. И вот, на рассвете, очень рано, наверное, часа в четыре утра, пришла патронажная сестра. Она разбудила меня – а я только забылась коротким сном минут на двадцать, наверное. В общем, только мне удалось задремать, она мне говорит:

– Видишь, у меня на кармане халата красная метка? Только я имею право взять твоего ребенка сейчас. Ему сделают прививки, возьмут кровь на анализ. Потом он немножечко позагорает в солярии. А ты пока отдохни, поспи. У тебя есть около часа времени. А потом я принесу тебе его обратно.

Пока она все это говорила, я постепенно просыпалась. Она произнесла весь этот монолог, взяла Майки и ушла. А я осталась одна. Прошло две минуты. Три. Я ворочаюсь, не могу заснуть. И наконец понимаю, что я не могу без сына. Мне плохо, потому что его нет рядом. Физически плохо. Невыносимо. Ну, делать нечего – я начинаю с собой переговоры. «Ничего, ничего, Настя, скоро тебе его принесут. Сейчас ты можешь устроиться поудобнее, закрыть глазки и поспать. Ты же хотела отдохнуть? Ну вот и спи, спи… Ну, хорошо! Не можешь спать – тогда просто полежи». И тут я поняла, что не могу даже лежать. И тогда я встала. У меня была капельница на каталке, и вот, я в больничном халате с завязками сзади и с этой капельницей, пошла искать своего ребенка. Мне было очень неловко – ведь я же знала, что его забрала медсестра

для процедур. Но я ничего не могла с собой поделать – вся моя женская природа сигнализировала о том, что у меня отняли детеныша. И это чувство гнало меня на его поиски. Я вышла в коридор, как будто я хочу просто побродить. Медсестры ко мне подходили и спрашивали: что вам нужно? А я понимала, что они наблюдают за мной, но мне было все равно. Сначала я сделала вид, что просто хожу, хочу размяться. Потом я уже почти не могла скрывать, что просто иду на запах, как кошка – ищу своего ребенка. У меня текли слезы по щекам, мне уже было все равно. Я изо всех сил боролась с мыслью: «А вдруг ему не закроют глазки в солярии?». Потом меня стала терзать мысль: «А вдруг его куда-то отнесли и там перепутали?! «и «А вдруг его не вернут?!». Я сходила с ума. Но все-таки я нашла его.

Обойдя все коридоры, я нашла дверь, за которой услышала его плач. Сначала я стояла у этой двери, потом поняла – не могу с собой бороться, хочу туда войти. И начала дергать ручку.

Закрыто. Мне не открыли! Тогда я села под дверь и стала рыдать. Та м плачет мой сын, а я не могу ему помочь. Что с ним делают?

Та к я и рыдала, пока ко мне не подошла медсестра – пожилая мексиканка. Она очень ласково и уверенно сказала мне:

– Твой сын здесь, не волнуйся. Ты же знаешь – детки часто плачут.

Она говорила и говорила со мной.

– Послушай, тебе надо принять душ. Пойдем. Видишь – вот дверь, где твой ребенок. А напротив есть душевая. Хочешь, мы оставим дверь открытой, чтобы ты слышала голос своего ребенка? И ты сразу увидишь, как сестра его вынесет. Тут никого нет, не волнуйся. Никто не пройдет мимо, не увидит тебя. Давай, я включу теплую воду. Хорошо? Надо помыть твои красивые волосы. У меня есть отличный шампунь, я тебе его принесу. Он бесподобно действует.

Медсестра говорила очень медленно, она прекрасно понимала, что «удовольствие» надо растягивать, пока мой ребенок на процедурах. Она медленно расстилала в душе полотенце, чтобы я не подскользнулась. Та к же медленно она развязывала мне тесемки на халате. Аккуратно помогала мне его снять. Поливала меня водой. И все время комментировала свои действия – медленно, с расстановкой, убаюкивающей интонацией, но при этом очень уверенно, словно, она внушала мне все это. А же в свою очередь была ей очень благодарна. Я понимала, зачем она так делает, зачем успокаивает меня. В тот момент мне была просто необходима такая помощь. Какая мудрая женщина, знала ведь, что просто объяснить мне сейчас, что делают с моим сыном

и не пустить меня к нему могло бы обернуться катастрофой.

Когда мне наконец вернули Майки, я поклялась: «Господи, я на две минуты его не оставлю!».

Больше Майки у меня не забирали. И через два дня я абсолютно счастливая покинула госпиталь. Я вынесла Майки в маленькой автомобильной люлечке и больше не выпускала из рук вообще. Это мое счастье. Моя жизнь. Мое все. Та к мы с Майки и тусовались в Лос-Анджелесе, и это было чудесно! И совершенно нормально и приемлемо для Америки. Никто не впадал в шок и удивление, никто не спрашивал – что случилось, где ваш муж, ах бедняжка, одна с грудным ребенком. Я не вызывала жалости и была очень благодарна окружающим меня людям за эту атмосферу и здоровое восприятие моей ситуации. Молодая женщина с новорожденным, она полна сил, она веселая и ей хочется жить. Ничего противоестественного в этом никто не находил.

На четвертый день я уже фотографировала Майки в фотоателье – ему сделали паспорт. Жаль только, что со мной не было Анечки – конечно, я очень переживала по этому поводу. Если бы она оказалась в тот момент в Америке, я наверное, и не вернулась бы так скоро в Москву. Аня – единственная причина моего возвращения. Та м мне было очень хорошо. Все как-то сразу получилось. И Америка меня приняла, и я очень полюбила эту страну, и там у меня появилось огромное количество друзей – быстро и как-то очень естественно. В Америке мне жилось просто, очень просто. И по-настоящему хорошо, светло и радостно.

На шестой день я повезла Майки на океан. Мы приехали с друзьями и устроили на берегу пикник – праздновали его день рождения. Счастье было бесконечное, и все так радовались за нас. А Майки был таким крохотным, лежал в корзине и был почему-то похож на Брюса Уиллиса. Это было очень смешно.

Единственное, что омрачало мой восторг и заставляло бесконечно тосковать, это отсутствие Анечки. Я очень скучала. Со мной всегда были ее фотографии, я постоянно их перебирала, и знала каждую мелочь наизусть: как волосики лежат, челочка. Тут она улыбается, тут грустная. С этим крохотными детальками я и жила. И звонила, как одержимая: «Вы зубы чистили? А с той стороны тоже? А вы ее сейчас причесываете? Как?». И буквально обо всем расспрашивала, выматывая собеседника. Анечка жила в Малаховке с мамой. Ей помогала Татьяна Петровна, наша няня. Мне надо было знать подробности. Сколько Анечка гуляла? Что ела? Сколько ей книг прочитали? Куда повели? Я звонила сорок восемь раз в день и жила от звонка до звонка. И если бы не этот

восторг от Майки, даже не знаю, как бы я могла спокойно сидеть на месте. Майки меня очень поддержал. Он всегда был и остается для меня таким счастьем. Майки очень добрый, открытый, никогда не держит зла. И если его кто-то обидел, Майки в ту же секунду готов простить обидчика.

И вот, я привезла Майки в Москву. Когда мы оказались все вместе, я просто растаяла. Самый счастливый момент в течение дня наступал, когда мы ложились спать. С одной стороны ко мне прижималась Анечка, а с другой – Майки. Вот так мы втроем засыпали, так и просыпались. Правда, Ане приходилось тяжело, потому что Майки продолжал плохо спать. Очень долго сон давался ему с большим трудом. Иногда, он боялся темноты, но постепенно стал отходить. К сожалению, вскоре его страхи вернулись. Ведь мы все втроем пережили очередной вооруженный налет.

Второе ограбление произошло там же, в Малаховке. Но на этот раз все было значительно хуже. Бандиты вломились без масок, с открытыми лицами. В руках у каждого было по ножу, и когда они появились, я поняла, что нас точно зарежут. Я находилась дома одна, с двумя детьми. Димы не было. По прежнему не было никакой охраны.

Позже выяснилось, что нас сдала няня. Не наша любимая Татьяна Петровна, с которой мы живем душа в душу, нет. А другая, практически случайная. Дело в том, что Татьяна Петровна уехала на время к дочери. И мы взяли помощницу – девушку, которую нам посоветовали наши малаховские соседи. Когда нам потом рассказали, что она продала нас за пару тысяч долларов, я не могла в это поверить. Я не хотела ей мстить, не хотела, чтобы ее посадили. Мне говорили, что я ошибаюсь. Но я считаю, что наказание последует само, как естественная реакция законов природы на ее действия. Потому что ей доверили детей, а она их предала. В тот день она отпросилась на выходной. Но вычислили ее быстро – среди налетчиков оказался ее родственник. Все было шито белыми нитками, конечно. А я умудрилась ее защищать, когда пришли следователи, чтобы ее допросить.

– Пожалуйста, не беспокойте ее, она такой чуткий человек, так переживает, плачет!

В общем, я выступила на ее стороне. Наверное, я была так благодарна судьбе, что мы все остались живы, что была не до конца адекватна в своих поступках.

Я отдала все. Все, что было в доме: деньги, драгоценности. И снова не могла позволить себе никакой истерики. Рядом дети,

надо держаться. Бандит держал нож у моей сонной артерии. Я металась по дому и думала: «Сейчас они заберут все это, а потом? Что потом?». Мы втроем. Одиннадцать часов утра. Помощи ждать не от кого. Страх невероятный. Животный. И себя уже не жалко, в сознании бьется только одна мысль: дети! Как они будут жить после того, как у них на глазах зарежут их мать? Они увидят мою кровь, мою боль и смерть?

Но моя Анечка повела себя потрясающе! Она не переставала говорить, она просила:

– Только не трогайте мою маму! Не убивайте мою маму!

Она вымаливала у них сочувствие.

Дети сидели на моей кровати, прижавшись друг к другу. Рядом с ними тоже стояли налетчики с ножами. А я бегала и собирала вещи, деньги.

На следующий день после ограбления мы уехали из Малаховки. Я больше не могла там оставаться и ждать, когда нас придут грабить в третий раз. С этим домом было связано слишком много нехороших воспоминаний.

Меня приютила приятельница-англичанка. Мы уехали в Можженку и жили в гостевом домике. Не слишком шиковали, я бы даже сказала наоборот – хлебнули тогда сполна, средств к существованию было в обрез, машина отобрана. Дима тогда мне заявил:

– Ты же отдала все деньги! Вот и живи как хочешь!

Он разозлился на меня. А что мне оставалось делать? Погибать? Умереть, но не отдать? Нет, я все-таки предпочитаю голодную жизнь сытой смерти. Ну, перебивались как-то. Ели макароны с сосисками, спали втроем в одной кровати. Я, Аня и Майки. Но как ни странно, нам было хорошо. Моженка – замечательное место на Новой Риге. У нашей знакомой там английское имение, большой дом, гостевой домик и баня. Домик симпатичный, но не вполне приспособленный для того, чтобы в нем жила семья с детьми. Но я была так благодарна хозяйке за это жилье! Тяжело, конечно, было ездить на работу без автомобиля, но меня кто-то подвозил. По-разному бывало. Дима иногда заезжал на полчаса, привозил продукты. Непростое было время. Навалились апатия и депрессия. Но главное – страх. Я не могла спокойно спать ночью. Страх меня не покидал ни на секунду. Я замирала и прислушивалась к каждому шороху. Я не понимала, как с этим жить и как из этого выкарабкиваться. Мне было страшно и за себя и за детей. Страх исходил отовсюду, опасность была за каждым углом, за каждой дверью, за окном. Я дергалась от голосов, от птичьих криков, от звука проехавшей

машины. Это называется посттравматическое состояние.

Я до сих пор не могу быть одна. Мне легче, если в доме куча народа. Легче, если не дадут отдохнуть, почитать. Пусть шумят, пусть бегают, пусть разговаривают. Только не одна дома! И это не страх одиночества – это страх тишины.

Не выношу тишины. И телевизор мне не помогает – он неживой. Надо, чтобы были живые голоса вокруг. И это странно – ведь для многих людей публичных профессий очень важно побыть в одиночестве. А у меня такого нет. Максимум, который я могу вынести – это десять метров пустоты вокруг. Но я должна видеть, что есть человек, слышать его. Это последствия ножа у шеи, жутких бандитских глаз, в которых я однажды прочитала, что моя жизнь и жизни моих детей – ничего не стоят. Мне очень многое пришлось пережить. Не дай Бог никому такого чудовищного опыта. И конечно, если бы не мои дети, которые не позволили мне тогда отчаяться, не знаю, как бы я нашла в себе силы справиться со всем этим. Но я знала, что нужна им и это держало меня на плаву.

11.

Америка меня очень изменила. Я стала относиться к себе совсем по-другому, стала иначе на себя смотреть. Та м все проще, и от этого чувствуешь себя уверенней. От Америки осталось ощущение удачи, такое счастливое чувство легкости, которого мне так не хватало. Америка – замечательная, прекрасная страна. И я очень благодарна ей. Она раскрепостила меня, подтвердила мои догадки относительно того, что я очень свободолюбивый человек. Дала возможность почувствовать себя счастливой, дала передышку между тяжелыми периодами в моей жизни. Америка для меня была как глоток кислорода. Я воспряла, у меня появились силы вдохновение. Можно сказать, что я снова обрела вкус к жизни.

Понятно, что актерскую профессию я не бросила. Вернулась в «Табакерку». Очень соскучилась по работе. И когда Леонид Трушкин пригласил меня в свой «Театр Антона Чехова», я с радостью согласилась. Первую небольшую роль я сыграла в спектакле «Ужин с дураком». Пронзительная, динамичная французская комедия Франсиса Вебера. Она ставилась специально для Геннадия Хазанова. Когда начали репетировать, я сразу сказала:

– Геннадий Викторович, мне кажется, я не смогу с вами играть – я буду смеяться не переставая и ни слова не произнесу.

И он мне предложил:

– Давайте договоримся: вы никогда не будете на меня смотреть.

Но это было невозможно – по замыслу нам нужно было наоборот все время буквально «разговаривать» глазами, переглядываться. Ох, как же я с собой боролась! Со страшной силой. Хазанов играл безумно талантливо, гротескно. Это такая мощная стихия! Но неожиданно для себя я выдержала этот бешеный темп.

Второй спектакль, в котором я была занята – водевиль того же Вебера «Все как у людей». Тоже комедия положений и тоже необычайно бойкая. Надо сказать, мне очень даже понравилось вот это мое новое эксцентричное «комическое» существование на сцене. Во мне заработал моторчик, скрытый где-то внутри. Я поняла, что завожусь сама и держу зал. Это невероятное ощущение.

Я играла роль аферистки, у которой есть пунктик: она безумно любит готовить, просто одержима стряпней, фанатично предана своему делу. И вот, приезжает чья-то любовница, и ее

надо представить как кухарку, другого выхода нет. А у моей героини начинается истерика: «А я кто тогда?!». У нее даже отбирают ножик и платят ей, чтобы она не мучилась от сознания, что кто-то занял ее место. Моя героиня – существо лишенное каких бы то ни было половых признаков. Но по ходу сюжета она преображается в красивую женщину. Это, безусловно, была отличная актерская практика. Репризная скорость произнесения текста, сверхэнергичное существование на сцене. Ни на секунду не выключаться, никаких пауз. Все время забегаешь вперед, такая энергетика «с запасом».

Вообще, антреприза – странное самоощущение для актрисы, привыкшей к темпам репертуарного театра. Нет привычного театрального застоя, зато есть замечательные партнеры и все заняты делом. Не остается места ни для чего другого: ни для обид, ни для сплетен, ни для косых взглядов. Антреприза меня радовала. А вот все остальное… Моя творческая биография стала какой-то вязкой, как болото. Все тормозилось, становилось медленнее, и я не понимала – почему так происходит? Время как будто бы густело, затрудняя движение – год на одно, год на другое, и мне казалось, что в профессиональном смысле я ничего не приобретала. Я все пыталась понять, бесконечно анализировала – почему со мной ничего не происходит как с драматической актрисой, в то время как в комических ролях все идет довольно неплохо? Но так как я уже начинала думать о себе как об актрисе в прошедшем времени, я не замечала своих удач и видела только негативные стороны своей карьеры. Сейчас я смотрю на все совсем по-другому, а тогда – я была полна уныния, была очень пессимистично настроена, и не могла поверить, что меня ждет что-то хорошее впереди. Я поддалась влиянию негатива в своей жизни и стала подсознательно программировать себя – да так успешно, что даже позитивные вещи перестала замечать. Зациклилась на своих страхах – ах, я не стану актрисой, вот видите, видите, ну, точно, все, моей карьере конец. Если бы во мне было чуть больше веры, если бы я позволила себе освободиться от груза неудач, если бы я не боялась, что мой оптимизм и моя надежда обернутся для меня самообманом, возможно, тот период прошел бы для меня менее болезненно. Ну что же, это урок на всю жизнь.

К моим бесчисленным разочарованиям добавилось и мое первое появление в компании «Амедиа» – я пробовалась в сериал «Бедная Настя». Подумать только, насколько это название отражало мое состояние на тот момент! Сейчас даже смешно – в этом костюмном сериале было множество вакансий на любой

вкус и цвет от знати и высшего света до крепостных и крестьян. Меня увидели в театре, порекомендовали, пригласили на пробы. И, надо отдать должное режиссерам, пробы прошли очень трогательно: меня отлично загримировали, причесали, одели. Я прочитала текст. Но ни на одну роль меня не пригласили. Не подошла.

Вообще, для меня кастинги всегда были проблемой. Надо показать на что ты способна, а меня как раз именно это больше всего сбивает. Как будто ты доказываешь, что не верблюд. Словно нет к тебе доверия, словно тебя подозревают в каком-то обмане, мошенничестве, хотят проверить, оценивают. У меня тут же пропадает задор, а чувство соперничества заглушает азарт. И режиссеры это сразу же чувствуют. Ты не хочешь метать бисер, а они видят – ты засыпаешь. Ну и спи себе дома! В этом смысле я не актриса. Актрисам должны нравиться пробы. Кураж необходим, и без него в нашей профессии ничего не получается.

Я жила в состоянии «миссия невыполнима». Миссию «актриса» я провалила. Миссию «семья», кажется, тоже. Я уже привыкла к тому, что Дима не ощущал и не понимал моей профессии. Мы разошлись во взглядах, бывает. Но оказалось, что он вообще не понимал, как надо жить с другими людьми. В доме слышались постоянные крики, шло давление на детей. Они очень страдали и продолжать совместную жизнь стало просто нечестным по отношению к ним. Почему дети должны жить во лжи? Анечка в семь лет сказала: «Когда мне будет шестнадцать, я уйду из дома, чтобы этого не слышать». Нет, у нас не было ссор. Дима кричал, а я молчала. Такая игра в одни ворота. Но я думаю, его поведение было продиктовано чувствами. Я не могла терпеть, когда он давил на меня, не выносила его тирании, обещала, что когда-нибудь не выдержу и уйду. Сам Дима никогда не пытался уйти – для него это было табу. Вот так и обстояли наши семейные дела: с одной стороны сильная привязанность, а с другой – нежелание принять меня такой, какая я есть.

12.

Мы с детьми отправились на два месяца в Анапу. В поисках солнца и пропитанного морем воздухоам, которые по легенде должны приносить много здоровья, мы поселились в этом прекрасном городе, в каком-то совковом санатории. Сказать по правде, этого времени я почти не помню: для меня все было как в тумане. Один день сменялся другим, как две капли воды похожим на предыдущий. Дни сливались в вереницу скучных, размеренных недель. Да что там недели – каждая минута тянулась для меня мучительно долго. Жизнь была как зажеванная пленка, когда один и тот же кадр прыгает у тебя перед глазами вновь и вновь, покрываясь серой рябью и снова восстанавливаясь, как ни в чем не бывало. Даже на море ходить было невозможно. Из-за какого-то сверхъестественного обилия водорослей береговая линия практически скрылась под серо-буро-зеленой массой, которая к тому же еще и гнила на солнце, источая ужасный запах. Как в сточной канаве. И вот, мы наслаждались купанием в бассейне с другими ста сорока восьмью отдыхающими. В общем, что и говорить – масса удовольствия. И дети, конечно, уже просятся домой, но ты должна изо всех сил удержать их здесь, на море, чтобы они независимо от своего желания, наслаждались этой чудной природой.

Помню, как каждый день, в тщетных попытках прогнать тоску, я вглядывалась в небо, по которому порывы ветра гнали облака. По небу плывут облака – а по моим щекам бегут слезы. Сижу возле бассейна, как Аленушка у ручья, горюю. Облака тем временем складываются в причудливые фигуры, но ветер снова разрывает их на лохмотья. И ничего не остается. Надежда тает. Слезы текут. И вдруг – смотрю, а одно облако осталось целым, оно парит, раскрывает широкие белые крылья. «Что это? Птица?» – думаю. А сама не шевелюсь, боюсь спугнуть видение. «Нет, не птица… Больше похоже на лошадь… С крыльями… Та к это же Пегас!». У меня было ощущение, что мне показали мое будущее, будто на секунду приоткрыли занавес, дали одним глазком выглянуть из-за кулис в зрительный зал. Я почувствовала – что-то очень хорошее должно произойти. Очень скоро. У меня было ощущение, что меня кто-то успокаивает, обещая что «все будет хорошо». Я смотрела на облака, а они проплывали надо мной, оставляя мне надежду, и это чувство не уходило.

И вот, вечером вдруг раздается звонок с киностудии «Амедиа». Я услышала в трубке нежный девичий голос:

– Анастасия Юрьевна, здравствуйте! Меня зовут Катя, я

ассистент по актерам кинокомпании «Амедиа». Мы бы хотели пригласить вас на кинопробы.

Хоть мне и показалось, что я говорю с ангелом, мое уныние сначала перевесило – я начала отказываться.

– Спасибо… Но я на курорте с детьми. В Анапе…

И тут этот ангельский голосок мне говорит: – Ну, может вы все-таки приедете? Может приедете?

Она это два раза повторила. И меня это почему-то задело. И я подумала: «А может, я приеду?». А что? Дети были в надежных руках мамы и няни, Анапа мне чрезвычайно надоела, к тому же я вспомнила как года два назад я уже была на кастинге в этой кинокомпании. Я уже давно выбросила тот досадный эпизод из головы, но отлично помнила, как хорошо и профессионально со мной работали на кастинге. И просто пользуясь ситуацией (покинуть Анапу хотя бы на один день было настоящим праздником) я прилетаю в Москву. И поверьте, у меня не было никаких мыслей, никаких надежд. И сил никаких уже не было – я не наряжалась, никаких коротких юбок и горящих глаз демонстрировать не собиралась, не устраивала «вавилонов» на голове: как была в длинной красной юбке и в черной закрытой футболке, так и заявилась на кастинг. После череды прошлых неудач, мне было ясно – меня позвали скорей всего случайно, как говорится «до кучи». И знаете, страх отпустил.

Не было никакого напряжения. Я абсолютно ни на что не рассчитывала, не старалась, ничего не ожидала. Успех, по крайней мере, точно не входил в мои планы. Я расслабилась.

И вот, настал этот переломный момент. Причем, он был настолько замаскирован под обычную жизнь. Если бы я знала тогда, что открывая дверь «Амедия», я открываю дверь в свое будущее, о котором мечтала столько лет и от которого уже практически отказалась. Я открывала дверь абсолютным лузером. Мне было уже за тридцать. Веры в себя не было никакой. Шансы – на нуле, если не в минус. Вообще, сплошные минусы… И не единого плюса.

Ангел Катя была девушкой с румяными щечками на чистой белой коже и волнистыми светлыми волосами. Ее голубые глаза излучали нежность, которая была во всем – в голосе, в движениях, в словах… Я до сих пор считаю ее своим ангелом, ничего не могу с собой поделать. Как она, это неземное создание, существует в кинобизнесе – непонятно.

Катя успела рассказать мне в двух словах о фильме: этот супер-популярный американский ситком, который в оригинале называется «The Nanny», покорил сердца американцев, заставляя их хохотать целых шесть лет – с 93-й по 99-й год. Та к

получилось, что хоть я и жила в Америке, но его я не застала – ведь я приехала в Лос-Анджелес, когда он уже благополучно завершился, поэтому я и понятия не имела о его существовании. Компания «Амедиа» купила права на создание русской версии.

Я так ничего и не поняла: что это за материал, что за героиня, что за сериал… Характерная роль или романтическая. Умная или дурочка. Просто проговорила этот текст. Со своими прямыми волосами. Без макияжа. С солнцезащитными очками на лбу. Странно, что меня вообще заметили. Как американские продюсеры могли что-то разглядеть во мне – я не понимаю. А ведь я знала, что на эту роль уже перепробовали полторы тысячи артисток. Да что там – я ведь даже не знала, что пробуюсь в комедию! Мне сказали: «Вот, вы заходите в очень хорошую квартиру с красивым ремонтом… Реагируйте!». Ну я и отреагировала: «Здрасте! О! Круто…». Снегурочка такая. Но кто же знал, что девушка, которую я играю – чистосердечна и независтлива? Только не я. Просто в студии находились очень приятные американцы, и я, чисто подсознательно, воспроизвела тот особый доброжелательный тон, который принят у них в обществе. Воспроизвела и услышала: «Спасибо! До свидания!». И улетела обратно в Анапу, нести почетную вахту материнства.

Вообще-то ассистенты по артистам – люди жестокие. Сентиментальность это не то качество, которое им рекомендуется развивать в себе – ведь им приходится давать столько отказов. Хотя, они бывают и ласковы, и внимательны к тебе, но… все это только до поры до времени – если ты не подходишь, они могут даже не перезвонить тебе и не сказать «спасибо за участие!». Каждый раз это такой удар! Это так больно! Я ненавижу кастинги. И вот теперь – то же самое. «Спасибо! До свидания!». А ты мучайся и жди, жди… Я решила не ждать – плюнуть на все, и забыть. Чтобы не расстраиваться. Слетала в Москву – и хорошо. Будем считать, что проветрилась. Ну, а чего мне было ждать, когда все лучшие актрисы пробовались на эту роль? Но не успела я отойти от перелета – мне снова звонит мой ангел Катя. И говорит:

– Знаете, Настя, вы так понравились американцам… Вы, может быть, приедете еще разок?

И вот тут я уже не могла не заволноваться. Меня зацепило. Уже совсем по-настоящему. Всерьез. И знаете почему? Та к же как в первый раз я была не готова к успеху, точно так же теперь я была совершенно не готова к отказу. Это было бы уже настоящим издевательством надо мной, и я медлила с решением, взвешивая все «за» и «против», соизмеряя свои, на тот момент практически покинувшие меня силы, с тем ударом, который в случае провала

обрушился бы на мою голову. Поверьте, отказ – это всегда больно. К этому нельзя привыкнуть. Отказ – это ужасно. И я остановилась на том, что мне реально захотелось победить в этой ситуации. Вырвать удачу зубами. Не упустить этот шанс, который мне уже даже не казался последним – нет, по моим расчетам мой последний шанс был уже давно где-то позади. А сейчас это уже был бой не на жизнь, а на смерть.

На этот раз что-то мне подсказало, что мне надо забрать детей – они были просто счастливы уехать из Анапы. И вот, мы собрались и всем нашим дружным табором – мама, няня, дети и я – отправились обратно в Москву. Сели в самолет и полные надежд полетели прочь от гниющей ламинарии. Все, конечно, волнуются, но мы в семье не говорим об этом много – не обсуждаем животрепещущих вопросов моей карьеры каждую минуту. Но все равно – все в напряжении, все ждут.

И вот, на второй кастинг я пришла уже совсем с другим настроем. Ангел Катя встретила меня словами:

– Настя, мне так хочется, чтобы взяли вас! Я буду за вас кулаки держать.

– А кто еще? – спросила я. – Вы говорили, что много соперниц?

Оказалось, американцы пересмотрели на показах целое поколение, плюс минус несколько лет. Позже многие актрисы говорили: меня уже утвердили на эту роль, просто я не могла сниматься!

Может, конечно, у них и возникало ощущение что все-все-все. Правда, я понимала их опаску – поскольку это ситком (реприза-смех за кадром), то манера игры в таком сериале – ну, явно не высокий стиль. Есть опера, а есть попса. Но меня «низкий» жанр нисколько не смущал.

Когда я приехала на студию «Амедиа» во второй раз, твердо сказав себе: «Хочу чтобы меня взяли! Давай, Настя, ты сможешь!». Я понимала, что это один случай на многие тысячи. И возраст, и отчаяние, и такая конкуренция. Но я Овен и чувствую в себе эту силу, энергетику. Овны спокойные люди, но очень упертые и упорные. Терпеливые. Я очень терпеливая. Но если я принимаю решение, уже ничего не в состоянии меня сдвинуть. И в тот день я приняла решение получить роль Вики Прудковской.

Я играла ту же сцену, но уже был грим, уже была попытка какого-то начеса, боевой раскрас в общем, и так далее… И вот эта вот помада – любимый цвет третьей жены моего дедушки – такой цикламен, ну просто вырвиглаз… И в этом во всем, отчаянно виляя всеми частями тела, которыми только можно было

повилять, я вышла из гримерки. А американцы кричали «More! More and more!». Им было мало.

Случилось чудо – меня увидели! Пробежала какая-то искра, какой-то положительный заряд, электричество. Тогда я еще не понимала, что победа на пробах – это перемена всей моей жизни: новые чувства. Новые фильмы, телевидение, шоу, любовь. Я просто очень хотела работать.

Позже, когда меня спрашивали: «А многое ли изменилось в вашей жизни?», я отвечала: «Ничего не изменилось». Потому что у меня очень долго не было времени, чтобы осознать эти перемены. Я как открыла дверь на студию – и все. С этого момента прошлое осталось позади, а здесь началась совершенно другая жизнь. И точно так же как маленький ребенок не осознает, что он родился, так и я – я еще в процессе нахожусь. Это очень похоже на второе рождение.

Итак, меня увидели – отлично! Контракт еще не подписан, но есть надежда, а это уже многое. Я начала знакомится с Викой Прудковской. И вот тут в ее реплике увидела слово «шо». Написано не «что», а «шо». Думаю: «Шо тут не так?», надо бы уточнить. Спрашиваю:

– Послушайте, а здесь должен быть какой-то акцент?

И только тогда мне раскрыли величайшую тайну культового ситкома «The Nanny». Актриса Фрэн Дрешер играла няню по имени Фрэн Файн. Одна еврейка из Бронкса играла другую еврейку из Бронкса. Актриса вкладывала в свою роль весь опыт своей культурной среды. У Фрэн-няни (не у актрисы, конечно) был еврейский акцент, она говорила с прононсом. Когда Дрешер придумала этот ход, вся съемочная группа возмущалась: «Что она делает? Зачем гнусавит? Это ужасно!», но сериал пошел, в няню с ее прононсом влюбилась вся Америка. И возмущение коллег мгновенно улетучилось.

Я, естественно, предложила:

– А давайте, я тоже буду говорить с акцентом!

Американцы из Sony Pictures пожали плечами:

– Настя, вы должны понять, мы же не слышим ваших акцентов.

Но я стала им объяснять:

– Понимаете, украинский акцент – он очень яркий, звучный, и собственно говоря, он уже и есть характер.

– Ну, хорошо, попробуйте, мы послушаем.

Я какую-то обычную фразу сказала – вроде «Да шо вы говорите такоэ?!». Буква «г» раскатисто, по-украински. Голос стал чуть выше, посыл – ярче. Фраза зазвенела. Потом я стала болтать на суржике, добавив оптимизма на вдохе. И пошла такая живость,

беспечность. Конечно же, американцы это сразу услышали. И еще я им объяснила, как воспринимается, скажем, москвичами, девушка-провинциалка, приехавшая с юга, из Украины, и в целом – слой людей, которые приехали завоевывать столицу. Здесь можно провести параллель с акцентом иммигрантов из третьих стран для Америки. В общем, вот так я поиграла с акцентом и тут же наметился нрав няни Вики.

Новорожденная Вика страшно понравилась американцам, понравилась Александру Завьяловичу Акопову – он президент компании Амедиа, все-таки американцы-американцами, а его мнение очень многое значило. Затем, пришел Александр Ефимович Роднянский, руководитель телеканала СТС, и тоже одобрил мою кандидатуру. Именно он ставит фильмы в эфир, поэтому без его согласия было не обойтись.

Но здесь начались проблемы: история с «Няней», которая произошла в Sony Pictures, повторилась и в Москве с удивительной точностью. Моя Вика стала вызывать раздражение команды. Почти все актеры были утверждены на роли много месяцев назад. Смолкин, Жигунов. Дети – Ирочка, Катя и Павлик. Олю Прокофьеву утверждали, но она должна была играть в проекте абсолютно иначе: ее персонаж первоначально ближе к американскому аналогу – совсем закрытая женщина. Но Оля сделала эту роль гораздо интереснее.

У нас, видимо, так принято: когда приходит новый человек, новая актриса, она должна быть скромной. Тихо начинать, аккуратненько. Но поскольку уже сама роль была боевой и яркой, она в принципе не могла предполагать спокойной игры и какого-то постепенного внедрения. Из-за этого на репетициях я казалась коллегам очень неудобной партнершей. «Что это ты так резко, шумно?! Потише давай!». Недовольство масс сразу же отметили американцы. Меня поразила их реакция. Они попросили всех выйти и провели со мной беседу:

– Ты не в коем случае не должна никого слушать! Ни в коем случае не должна быть тише! Играй на полную катушку, в полную силу, громче, сильнее, ярче! Мы это будем только приветствовать.

И они просто стали стеной вокруг меня, не позволяя никому делать замечания по рисунку роли. Но неприятная ситуация на этом не исчерпала себя: конфликт развивался, многие были возмущены моей игрой, а Жигунов сказал:

– Мы потеряем сериал из-за Заворотнюк.

Короче, «Вы мне поначалу ужасно не понравились!», как в «Иронии судьбы».

Как только начались съемки, коллеги ходили и просили, чтобы меня сняли с роли. «Вы ошиблись, взяли совершенно не ту

актрису, она все погубит, она кричит, она разговаривает как Горбачев!». А американцы отшучивались: «Сергею, наверное, обидно, что сериал не называется «Мой прекрасный папа», но тут ничего не поделаешь, главной должна стать героиня, а не герой».

И вот, насколько Вику Прудковскую сразу принял Максим Шаталин, настолько исполнительницу роли сразу не принял Жигунов. Против Заворотнюк образовалась целая коалиция противников с ним во главе. Он умудрился подбить даже драматургов, которые переделывали американский текст. И был еще один драматург – Щедринский. Он настолько невзлюбил меня, что даже не здоровался. Во время съемок пилотной серии, он стоял рядом с режиссером, буквально в метре от меня, и когда я произносила свой монолог довольно громко ругался: «Нет, ну это полное г..! Кошмар! Бездарность!». Конечно, он говорил это режиссеру, но он прекрасно знал, что я все слышу. А у меня огромный монолог, реактивная скорость произношения, я и без реплик Щедринского предельно наэлектризована. И меня уже трясет, причем до такой степени, что я уже ни играть, ни даже разговаривать не могу.

Щедринский специально для меня переписал сценарий, заменив Мариуполь на Крыжополь. Я ничего против жителей этого города не имею, но когда ты перед камерой произносишь «Я крыжополка» или «крыжоплинка», ты прекрасно понимаешь, что тебя просто унижают.

В какой-то момент, чтобы погасить назревающий конфликт, Александр Завьялович Акопов просто пришел на площадку, демонстративно сел напротив меня, посадил всю группу, мы стали играть, а он хохотал громче всех. Хохотал заливисто, искренне. Американцы, само собой, тоже видели неладное.

Лично я неконфликтный человек. С коллегами стараюсь избегать любых столкновений, настолько, насколько смогу. А когда не могу, все равно избегаю. Если чувствую, что меня хотят задеть – ухожу. Физически исчезаю. А если нельзя исчезнуть – максимально закрываюсь от этого человека. Отворачиваюсь и не смотрю в эту сторону. Чтобы себя не ранить. А если уж обидели, то надо дать понять – в обиду себя не дам, палец в рот мне не клади, могу откусить. Но мне устроили такую войну, что я взвилась, как-то раз остановила съемки и сказала:

– Я прошу вас, отойдите вглубь на двадцать метров и материте меня, сколько вам будет угодно!

В итоге, на следующий день руководители проекта созвали срочное совещание, где присутствовали и господа драматурги, и американские сопродюсеры, которые репетировали с нами, и режиссеры. Актеров не пригласили, но я знала что позиция

коллектива известна. Ее озвучивали драматурги. И Александр Завьялович спросил:

– Скажите, дорогие мои, кто считает, что у нас нет няни?

Щедринский встал и гордо заявил:

– Я.

– Вы уволены.

Та к был разрешен этот конфликт. Сразу и резко. Что же касается меня, то я была просто в шоке – за всю мою жизнь ни разу никого из-за меня не увольняли. Я сидела и представляла, как теперь меня возненавидит вся компания. Но надо сказать, суровый жест Акопова возымел действие. В конце концов в Америке к Фрэн Дрешер привыкали целых четыре месяца. Говорят, съемочная группа сходила от нее с ума: от ее голоса, акцента. И только со временем они по-настоящему поняли, какая она находка для ситкома.

Я очень благодарна американцам. Смешно, но я уже не в первый раз столкнулась с тем, что именно американская манера общения выводит меня из кризисов. Не будь их в тот момент рядом, я бы не выдержала столь мощный натиск враждебного отношения к себе. Ведь у меня не было такой уверенности в себе, как у Фрэн. И вообще – к началу съемок я была страшно неуверенным в себе человеком. Американцы боролись с моими комплексами: вот, например, знаменитая короткая юбка Вики Прудковской – я оставила ее себе на память. Джинсовая, моя любимая… А ведь до этого я не носила коротких юбок вообще. И вдруг – приносят эту юбку-бикини… Я не знаю, куда девать колени, чем их прикрыть. Американцы, глядя на мои мучения, спрашивают:

– Что случилось, Настя?

– Мне неловко.

– Почему?

И они отвели меня в гримерку, поставили перед большим зеркалом во весь рост:

– Тебе нравится?

– Ну, я не знаю… – мямлю я в ответ.

– Посмотри на себя, внимательно посмотри! Ты должна стоять перед зеркалом и говорить: «О, это клево!». Если ты не будешь любить себя, если ты не будешь собой дразнить, ничего не выйдет. Изучай, как у тебя работают плечи, как ты руку вскидываешь. И не потому, что ты от себя с ума сходишь, а потому что это забавно. И не оправдывай себя! Ощущай свою прелесть. В конце концов у тебя двое детей. Ты должна знать – ты привлекательна, ты состоялась.

Они стремительно обучали меня голливудскому самоощущению. Работали со мной как психотерапевты.

И я поняла, что раньше мне этого катастрофически не хватало. Признаться честно, я даже боялась отъезда американцев. Боялась их отпустить. Мне было страшно остаться без их поддержки. Американцы же любят тебя. Да, они получают за это деньги. Но они любят тебя очень искренне, потому что и деньги в радость, если в радость работа, а окружающие чувствуют себя комфортно. Они прибегали ко мне на помощь всегда, когда я в этом нуждалась. Возились со мной, какими-то хитрыми методами разворачивали меня на 180 градусов, снимали комплекс за комплексом.

– Твое поведение, Настя, большая редкость и странность. Потому что подобные комплексы свойственны некрасивым женщинам, это естественная реакция организма. Но ты?! Почему, ты не осознаешь себя привлекательной? Это что – твое актерское кредо?

Почему же мы все такие закомплексованные? Почему мы так себя не любим? Почему не верим в себя? Зачем позволяем себе быть такими слабыми? Ведь такое самоуничижение – этот тоже грех, не меньший, чем возвеличивание себя. Мы с упоением упираемся в свою несостоятельность, гнобим себя, ругаем…. А выдаем все это за природную скромность – тупим глазки в пол и чувствуем себя как минимум агнцами божьими. Это ужасная ошибка – не верить в себя. Это ужасная болезнь – не любить себя. Сомнение – грех. И только пройдя путь от негативного самовосприятия, до полного принятия себя, я поняла, каким чудовищным препятствием была для меня неуверенность в себе и своих силах.

О чем речь? Когда, спустя много времени после начала съемок «Няни», американцы целый месяц водили меня к зеркалу и твердили в один голос: « Ты посмотри на себя! Ты что? Не понимаешь? Ты же красивая! Ты понимаешь, что ты очень красивая?» «Нет, не понимаю» – отвечала я грустно. И ведь правда, клянусь – не понимала. А вместо гордости испытывала стыд. Стыд за что? – спрашивается. А вот Бог его знает, за что. Просто по какой-то идиотской «советской» привычке ущербность стала нашим девизом. И до сих пор (думайте, что хотите) я с трудом и довольно фальшиво, да к тому же еще и шепотом, произношу фразу: «Я красивая» и убеждаю себя каждый раз заново, что я могу носить короткие юбки, что могу накрасить губы яркой помадой. И каждый раз я просто насильственным образом заставляю себя поверить в это. Ну вот не чувствую я себя

красивой, и все тут. Может, конечно, дело не во мне? Может, я просто американцам не доверяю… Столько лет холодной войны между нашими странами не могли пройти бесследно. Шутка. В общем, что я хочу сказать – полюби себя как ближнего своего. И это, между прочим, заповедь – но для особенно «одаренных» типа меня. Ты не можешь быть интересен людям, если ты не интересен сам себе. И у меня есть такая проблема, и именно поэтому я всегда стараюсь играть характерные роли – потому что если в роли нет яркого характера, я не могу найти в ней себя, мне кажется, что «нормальная я» – это нечто невыразительное, бледное и бесконечно скучное. Скучно-скучно-скучно-страх-паника-головокружение… Та к начинается вегето-сосудистая дистония. Нет, ну это нормально? Посмотрите на меня и не делайте так.

Постепенно, шаг за шагом, они меня приводили в чувства, оживляли. И в итоге мы с Жигуновым ругались уже в кадре, куда благополучно перенесся наш конфликт. Он мне говорил:

– Да вас, Виктория, завтра же здесь не будет!

А я ему отвечала:

– Только через ваш труп, Максим Викторович!

И нам «стоп» никто не мог сказать. Я прекрасно понимала: либо он меня задавит сейчас, либо сию же минуту поймет, что со мной надо считаться. Я не приемлю диктата, а Сергею в свою очередь было очень сложно научиться прислушиваться к кому бы то ни было. Но он ошибся, Заворотнюк не погубила «Мою прекрасную няню».

Самое страшное слово для артиста – безработица. Я была расплывшейся кляксой перед «Няней». А Сергей – человек жесткий, он долго потом вспоминал, как впервые увидел женщину с глазами, полными тоски покорности судьбе. Он сам по натуре борец и принципиально не признает людей, прогнувшихся под давлением обстоятельств. Но я быстро менялась, пружина сжималась, сжималась. Потом ррраз – и все. Я распрямилась. И Сергею пришлось выбирать – либо смириться с Заворотнюк, либо отказаться от роли. Он ведь вовсе не был продюсером этого ситкома – только приглашенным актером. Возможно, у зрителей сложилось впечатление, что именно Жигунов подтолкнул меня к карьере, но это не так. Просто так совпало: Шаталин берет девушку-провинциалку в свой богатый дом, да к тому же он еще и продюсер по сценарию. Но так все перепуталось: и пресса постаралась, да и Сергей потом стал моим агентом.

Я выиграла! Отстояла свое право на роль. Хотя, по большому

счету за это надо сказать спасибо американцам – они не признают безработицу вечным клеймом. Они увидели мой шанс, заставили Настю Заворотнюк поверить в себя, в то время как она по привычке сидела и обдумывала, как вообще оставить актерскую профессию.

Но самое главное – на площадке появился новый режиссер Алексей Кирющенко. Пришел и представился: «Лелик». Снятые в муках и склоках первые три серии полетели в корзину – считайте, что это была активная разминка перед настоящим боем. В тот момент всем стало понятно, что битва закончилась и пора зарыть топор войны. Лелик осмотрел наши ряды, остался доволен, и изрек:

– Так, ребята. Вы здесь все Буратино, и сейчас мы начнем работать!

13.

Каждое утро в 7.15 я приходила на съемки. Могу сказать, что в это время дня я представляю из себя жалкое зрелище – несчастная женщина, практически мертвая. Чуть лучше, чем моя героиня-труп в спектакле «Бобок», только на этот раз «трупный» грим не понадобился – я и так производила сильное впечатление: лицо, истерзанное гримом, вся голова облеплена бигудями… Для того, чтобы хоть на несколько часов сохранить это надругательство над собой – прическу Вики Прудковской, нужно было прилагать определенные усилия – на укладку волос уходило часа два, не меньше. Вместе со мной приходили наши женщины – гримерши, причем, их было две: они работали по очереди, две недели через две. Они могли отдыхать! Боже, как же я им завидовала!

Примерно в полдесятого заканчивался грим, и к этому времени у меня уже слезы текли из глаз – хотелось спать, тело от постоянной обездвиженной позы затекало и требовало зарядки, разминки или на худой конец прогулки.

Вот такой была работа над сериалом – каждый день, без выходных, по 18–19 часов съемок. И остальная жизнь, которая проистекала вне стен студии, просто исчезла. Времени не хватало абсолютно ни на что. Работа – душ – короткий сон – подъем – дорога на работу – дорога с работы. Во сне – тоже работа, потому что других впечатлений у твоего мозга просто нет – вся жизнь превращается в одну сплошную работу. И кромешная темень – я света белого не видела: просыпалась затемно, приезжала на студию, а выходила оттуда – опять темно. В глазах темные круги, еле ходишь. Естественно, никакой возможности играть ни в Табакерке, ни в театре Чехова я уже не имела – я бы просто физически не смогла бы до них добраться, ну, если только в короткий перерыв между съемками – с двух часов ночи до шести утра. Сначала я, правда, все время просила меня заменить, надеялась вернуться на сцену, но потом смирилась. Совмещать съемки сериала с чем-то еще было просто нереально.

Забавно то, что в процессе выяснилось, что мне предложили гонорар в два раза меньше, чем гримерше. Смешно сказать – 400 долларов за серию. Но я, в общем-то, особенно не сопротивлялась – сравнивать мне было не с чем, вот, разве только с театральной зарплатой, но, надо сказать, что в этом сравнении ставка, предложенная СТС уверенно лидировала. Но когда об этой сумме узнали американцы, они отвели меня в сторонку, и я поняла, что

опростоволосилась:

– Ты вообще понимаешь, что ты делаешь?! Этого просто не может быть! Ты должна стать богатой женщиной после «Няни»! Ты понимаешь, что ты будешь знаменитой на всю страну? Ты не можешь соглашаться работать за такие деньги!

Но эта ставка была у меня еще очень долго. Да, я не самая практичная в этом мире – вот, например мои гримерши подписали «правильный» контракт.

Та к что финансовая составляющая счастья под названием «Няня» объективно хромала. Но для меня это было не главное – даже эта сумма меня радовала.

Меня не пугало, что у меня нет приличной зарплаты, нет собственного уголка, в котором можно было передохнуть, побыть в тишине – у меня даже не было своей собственной гримерной. Но тогда мне казалось, что пропеллер, который появился у меня за спиной, с лихвой компенсирует недостаток комфорта. Как же я жестоко ошибалась!

Я очень любила работать с режиссером Алексеем Кирющенко. Мы с молниеносной скоростью подружились с ним – непонятно как, но это произошло удивительно быстро. Все в шутку называли нас братиком и сестричкой, но могу сказать, что у нас с Леликом действительно возникла почти родственная связь. И это не значит, что мы всю дорогу улыбались и ходили за ручку, нет. Мы и спорили, и ссорились, и что-то доказывали друг-другу. Но это был творческий процесс, это было интересно, у нас была общая цель, а это невероятно сближает. От режиссера зависит очень многое. И когда снимал Лелик, я не волновалась за результат – я была в нем уверенна на сто процентов. Он многое мне подсказывал – сам играл, показывая Вику. Вообще-то по своей природе я «обезьянка» – люблю режиссерские «показы», считаю, что наглядная демонстрация лучше всяких слов. Я никогда не пренебрегаю помощью, с радостью беру то, что мне предлагают и смешиваю этот опыт со своими наработками. Та к получается что-то новое, живое.

И для всех остальных актеров Лелик выдавал прекрасные рисунки, придумывал массу штучек, примочек, движений, жестов, шуток… С ним на площадке не возникало ни нервотрепки, ни паники. Мы были абсолютно спокойны. Мы ждали его, как дети малые свою мамку. Знали, что вот, придет Лелик и будет фонтанировать, придумывать, изобретать. Когда его не было, я с самого утра прибывала в «высоком старте», на нервах, в тревожном состоянии. Лелик обладал особенной энергетикой – казалось, что этот человек абсолютно неутомим. Периодически,

конечно, даже он уставал, но усталость для него не являлась причиной апатии. А вот переменам настроения он был подвержен – очень тонкий, ранимый человек. Например, если с ним кто-то не поздоровался – кто-то, кто был ему не безразличен – пробежал мимо, впопыхах не заметил, все. Лелик мог натурально загрустить. И в этом состоянии он не мог работать. И тогда я шла, разговаривала с этой «небезразличной» особой женского пола:

– Ты не можешь так поступать! Ты что?! Ну-ка быстро иди и поздоровайся!

Смешно вспоминать, но ведь именно так и было. Понятно, объяснимо, тепло, очень по-человечески. У Лелика детское, незамутненное восприятие мира. Чистое, ясное, непредвзятое. И режиссерский талант – от Бога. Тут ничего не поделаешь – либо талант есть, либо – извините. И вот именно этот талант Лелика как раз и делал нашу историю такой светлой и доброй.

+Амедиа сняла для кинопроизводства целый завод. Но сериалов-то было много. Именно поэтому здесь шла бесконечная стройка. В нашей студии звучало «Камера! Мотор!». А по соседству раздавался звук работающего швеллера. Швеллер гудит так, что заглушает все живое на расстоянии километра. Минута его работы – и дубль выкидывается на помойку. Один раз, второй. Когда пропадает восьмой дубль, у нас начинается массовая истерика. Играют пять человек, играют отлично. Снято! Сразу монтаж – и в эфир. Но все приходится переделывать из-за чудовищного шума стройки. Звуки индустриального ада ну никак не вписывались в размеренное течение жизни в квартире Шаталина. Нам была нужна идеальная тишина. А в это время в соседнем павильоне что-то сооружают для другого сериала. И вот мы слышим дикий скрежет и грохот, металлом по металлу. Ну, буквально, куют! Мы забываем обо всем и все встает, пока не стихнет шум. Это было ужасно: мы снимаем «Няню», они строят павильоны. Ежедневно нужно было все бросать и заниматься увлекательной игрой со спортивным уклоном. Игра называлась «Убей дятла». Типичный радиоперехват, этакая «охота на лис». Для этого у нас был специально обученный человек – Петя Моргунов, с потрясающе стабильной психикой, которой можно было только позавидовать. Он брал рацию, бегал по заводу, а мы ему говорили:

– Правей! Нет, стоп, левей!

– Слышу звук!

– Иди на него!

– Вижу!

– Убил?

– Убил!

– Дальше иди, там еще один, справа!

Казалось, что этому не будет конца. Мы столько раз бунтовали: «Если вы не остановите стройку, мы перестанем играть!». Но с другой-то стороны мы снимали сутками напролет. Строитель по команде «стоп» должен был прекращать работать, но ведь он тоже выполнял план! Мы рано начинали, поздно заканчивали. Когда ему было строить, готовить павильоны? И нам деваться было некуда, и строителям. Вот в таком вот взаимоневыгодном положении, в таком анти-симбиозе мы сосуществовали.

Но это еще полбеды. Мы работали в цеху настолько ветхом, что если начинался сильный дождь, то он губил съемки. Вместо потолка этакая тонкая сфера была – было слышно, как по ней бьют капли дождя, как шумит ветер. Но и это еще не все – держитесь, осталось совсем чуть-чуть – рядом с нами на полную мощь работал завод колбасных изделий. И нас обдавало такими ужасными «ароматами», что иногда казалось – все, вот сейчас уже точно все, больше мы не вынесем. А еще наш павильон промерзал насквозь в зимнее время – то есть, примерно полгода мы находились на Крайнем Севере, в условиях вечной мерзлоты. Иней шапками нарастал на потолке, бетонные стены покрывались льдом. Везде стояли тепловые пушки, которые хоть как-то обогревали помещение, но они шумят и во время съемок их отключали.

Смолкин ходил в термобелье – ему купили костюм, спасающий от мороза альпинистов и полярников. А я ходила, как всегда – голая, ну, или «почти» голая, хотя, в условиях такого холода, разница была небольшая. Голые плечи, руки, ноги. Гламурненько! За это, среди прочих достоинств, зрители и полюбили Вику Прудковскую. А мне за эту любовь приходилось ежедневно мерзнуть и балансировать на грани воспаления легких.

Летом наш павильон нагревался как сковородка, крыша раскалялась до какой-то космической температуры. И съемки превращались в каторгу. А на экране все выглядело уютно, чинно и благородно. Зеленый уголок старой Москвы. Дивная квартира, тихая, чистая. Просто мечта!

И уж совершенно всесезонной была пыль – наше вездесущее проклятие, с которым было просто невозможно бороться. Серая, мелкая цементная пыль, очень вредная для здоровья. И мы всем этим дышали.

В довершении всего нас отвратительно кормили. Сравнить это можно был только с самолетной едой, да и то – не всегда в

пользу нашего меню.

Когда нам объявили, что «Амедиа» продлила контракт с СТС и мы снимаем больше серий, чем планировалось, все радовались. А я сидела в ужасе и даже не могла плакать. У меня в тот момент мир рухнул – ведь просвет был уже близко, я считала дни, когда все это закончится.

Мне так хотелось спать! А тут – новость о том, что это еще только середина, и нужно еще столько же пота, крови, нервов, мучений, лишений, терпения, сил, выдержки… Я ехала домой и думала: «Я не доживу, я не доживу до свободы…».

Та к уж сложилось – были допущены ошибки в планировании, режиме съемок. Очень тяжелые ошибки. При запуске проекта предполагалось, что мы будем снимать серию в день. Стали выяснять:

– Кто-нибудь хронометрировал серию?

На нас посмотрели квадратными глазами:

– Конечно! Та м 22 минуты, работы – на один день.

Но кто-то возразил:

– Там как минимум сорок минут. Это видно невооруженым глазом по распечатке. Здесь слишком много текста. И потом – что значит «один день»? Какой день? Сколько в нем часов – сорок восемь?

В первый же день снимали до пяти утра. А «замахнулись» на шесть серий в неделю. Анекдот, конечно, если бы только не было так страшно – работать-то нам. В общем, наши начальники ошиблись. Все серии были сокращены почти вдвое. И все равно – не получалось снимать серию в день. Это была заведомо авантюрная задача. На самом деле, даже за два дня серию снять невозможно. Ситком – вообще очень многословный жанр, причем текст – реактивный и быстрый. В некоторых сериях, да что там – практически во всех, за малым исключением, текста больше, чем в ином полнометражном фильме. И вот, чьи-то ошибочные расчеты привели к тому, что мы должны были отдуваться за них в каторжном режиме. Если бы у нас было хотя бы три дня на серию – она бы снималась без напряжения, без истерики, сосредоточенно. А так – мы все время опаздывали, ритм бешенный. Мы, актеры, расплачивались за ошибку, допущенную еще при запуске, в течение двух лет.

В Америке работа строилась совершенно по-другому. С понедельника по четверг актеры репетировали. А в пятницу у них была запись в присутствии зрителей – игрался настоящий спектакль перед «живой» аудиторией. В субботу все отправлялось в эфир, и обязательно был выходной. Со зрителем снимать

невероятно сложно, но это возможно, это довольно распространенная практика – многие оригиналы известных ситкомов именно так и снимались. Компания Sony Pictures выпускала одну серию в неделю. Чисто американский ритм – ведь телевизор все привыкли смотреть по воскресеньям: такой, знаете, пряник на выходные, семейный просмотр любимого сериала. А мы снимали по три серии в неделю! Что уж и говорить – на репетиции, а уж тем более – на живую аудиторию, никаких сил и никакого времени не хватало. На отдых – тем более. У нас надо показывать фильм каждый день, иначе все забудут, кто такая няня. Ну, конечно, мы догнали и перегнали Америку. Но чего нам это столило – знаем только мы сами. Мы получили тройную нагрузку по сравнению с американскими актерами, и она со скоростью, которая увеличивалась с геометрической прогрессией, истощала всех участников процесса – актеров, режиссеров, операторов, сценаристов и всех остальных. Ну и конечно, хронометраж. У американцев – 22 минуты, а у нас – 26. А четыре лишние минуты – это, простите, дневная выработка среднего восьмисерийного фильма. Для сравнения – мы снимали в день где-то 13 минут. И репетировали во время съемки. И вот представьте – американцы, которые репетировали 5 дней подряд, конечно же к моменту записи знают текст наизусть. А у нас было так, что ты даже не представлял – сможешь ли ты произнести свой текст до конца в этой сцене или нет. Хорошо, если ты удачно пропустил через себя свою реплику. Допустим, получилось. Выстрелила. Темп, драйв – все удачно. Ура. Но не факт, что твой партнер так же хорошо произнес свою реплику. А когда нас четверо в кадре, то вероятность удачного дубля снижается до нуля. И только чудо и нечеловеческие усилия могут помочь сыграть сцену как надо. И поэтому, когда актеры начинали лепить отсебятину, запись старались все-таки не останавливать. Мы не импровизировали, текст был точно прописан, нам даже выводили коэффициент, кто и сколько ошибается. Потом наши креативщики, которые следили за съемочным процессом, приходили к нам и говорили:

– Это надо переснимать, потому что ваш диалог не имеет отношения к сценарию и серия теряет всякий смысл!

И они были правы – ведь всего лишь одно слово или перемена порядка слов – могут изменить весь смысл фразы. А все на свете запомнить просто невозможно. Мы тараторили, как сороки. Первое время я выучивала весь текст – знала 5 сценариев наизусть. Выучиваешь одну сцену – и автоматом запоминаешь все реплики, и свои, и чужие. Но постепенно, вместе с нарастающей усталостью, я стала просто прочитывать большие монологи –

реплики то запоминались, то нет. Я запоминала и выдавала текст по следующей схеме: первый дубль получался идеально, во втором появлялись какие-то слова-паразиты (ну, а, и), на третьем дубле я начинала запинаться. На пятом я уже просила «делить» – память отказывала истощенному организму в своих услугах. «Абонент находится вне зоны действия сети». Я бесконечно, бесконечно и еще раз бесконечно говорила в этом сериале. У меня был наработанный ритм – быстро, пауза, быстро, четко, растянуто. Но после четвертого дубля мне неизменно хотелось умереть здесь и сейчас. От бесконечных повторений шутки казались плоскими, диалоги – бесконечными.

Самый ужас начался, когда пришел новый режиссер и сообщил операторам, что первый дубль не считается. Тогда я стала кричать:

– Почему? Как это – не считается?! Первый-то и есть самый лучший! Я же его сыграла!

Устроила форменную истерику – так мне было обидно и жалко наших стараний, которые, как выяснилось, прошли даром – не в счет, видите ли.

Наконец, удивленные операторы нас спросили: вам правда так важно – дубль это или репетиция? Вам обязательно это знать?

Они говорили очень искренне, по-доброму. Они действительно не понимали разницу. Пришлось подробно объяснять, что дубль мы, актеры, уже играем, изо всех так сказать сил, надеясь что он окажется удачным. Мы выкладываемся и стараемся, оставляя на каждый следующий дубль чуть меньше сил. А на репетиции мы не выкладываемся, мы бережем энергию для настоящего дубля. И поэтому, когда операторы снимают «черновой» дубль для себя, чтобы посмотреть, кто куда пошел, кто как повернулся, надо предупреждать – мы-то уже работаем!

Постепенно силы меня оставляли. Ни у кого не было такой жуткой нагрузки. Я ничего не успевала и все чаще знакомилась с очередным сценарием во время съемки. Я садилась на режиссерскую читку и меня спрашивали: «Читала?». Я кивала, открывала текст и начинала смеяться.

– Да ничего ты не читала!

Буквы разбегались, сливались, расплывались перед глазами. Я была уставшая, и не могла напрячь хрусталики у себя в глазах, не могла навести фокус – механизм просто не слушался. Я произносила фразы с ошибками, хохотала над шутками, которые должна была знать назубок.

Я почти не помню редких выходных – час ночи, два часа, три… А мы снимаем и снимаем. Уже никого не можешь не слышать, не видеть. В какой-то момент я переставала запоминать

события, их последовательность. И вообще воспринимать окружающий мир. Проходила неделя, но когда я силилась вспомнить, что я за эту неделю сыграла – я не могла этого сделать. Все проваливалось в какую-то черную дыру бессилия, усталости, невыносимой тяжести. Перегрузки шли страшные. Я стала нервной, дерганой, ранимой. Я была оголена, как будто с меня сняли защитный слой и обнажили все мои нервы. Я часто просила «только не трогайте меня», когда речь шла о каких-то самых обычных вещах, например, если меня режиссер вдруг ни с того ни сего в разговоре просил показать, что я сечас буду играть в сцене. И это в нормальном состоянии. Если я была на взводе по тем или иным обстоятельсвам (а их была масса), то я могла выступить и пожестче. Я, конечно, понимала, что надо репетировать. И я шла, и репетировала, но потом садилась на первое попавшееся – стул, стол, ящик – все равно – и засыпала. Полностью отключалась.

В конце концов мои мучения не оставили руководство равнодушным, и мне выделили отдельную гримерку. Правда, крошечную – два на два метра. И только через полгода после начал съемок. Но хоть так – в тот момент я была несказанно рада и этому. Правда, ко мне тут же подселилась Оля Прокофьева, но я не возражала. И у меня была только одна просьба – отключать звонок мобильного. Оля не воспринимала это как мой каприз – все прекрасно понимали, что даже обычный звонок или мелодия, которая вдруг начинает играть и повторяется хотя бы пару тройку раз – это катастрофа. Нервная система работает в режиме «тревога», она не выдерживает даже малейших нагрузок, ее резервов хватает только на то, чтобы играть. И даже сногсшибательный успех наших трудов, результат всех наших мучений и страданий, существовал где-то отдельно от меня, в космосе, далеко-далеко. Я не осознавала его. Для меня этот успех был просто набором слов и цифр, сказанных кем-то. «Феноменальная удача и небывалые рейтинги» для меня в тот момент равнялись «по области плюс три-семь градусов тепла, временами грозовые дожди». Я ничего не понимала. А в это время одна минута рекламы в «Няне» стоила столько же, сколько на Первом канале в прайм-тайм.

14.

Женщине невероятной красоты и неземного обаяния могли дать только одно имя – Любовь. С Любой Полищук меня связывали самые нежные отношения – я называла ее «мамо», а она меня – не иначе как «доню». Я храню воспоминания об этой невероятной женщине как сокровища, которые мне однажды посчастливилось держать в руках. Встреча с Полищук и наша совместная работа – настоящий подарок судьбы, и я знаю, что мои слова никто не сочтет высокопарными, так как Люба была человеком исключительным, и это было очевидно не только близким и коллегам – так считает вся страна.

Я отлично помню, как мы познакомились. Я пришла на читку – актеры собирались, чтобы вместе с режиссером прочитать сценарии, обсудить реплики, взаимодействие актеров, манеру игры и так далее. Конечно, я как-то внутренне готовилась к встрече с ней. Но учитывая мой предыдущий опыт работы в «Моей прекрасной няне», особенно в начале съемок, когда против меня обернулась чуть ли не вся команда, я сгруппировалась для отражения удара. Я сказала себе: «Меня голыми руками не возьмешь! Не выйдет! Сожрете меня только вместе с этим толстым сценарием и моим полуметровым начесом!». Если бы я тогда знала, какой Люба человек, все мое напряжение было бы просто смешным – такая, знаете, школьница перед экзаменом по геометрии. С потными ладошками.

Я вошла и увидела Полищук. Она сидела на стуле, погруженная в чтение сценария. В очках. На мое появление она отреагировала сдержанно – только посмотрела на меня, знаете, так, поверх очков. Посмотрела пристально, и нырнула обратно, в сценарий. Я ничего не поняла, но пока произносила свои реплики, старалась со страшной силой. Думала со страху: «Врагу не сдается наш гордый Варяг!». Как будто попала во вражеское окружение. Сейчас вспоминаю и сама над собой смеюсь.

Мои страхи (и это уже стало хорошей традицией) оказались более чем напрасными – наши отношения с Любой сложились самым наилучшим образом. А познакомившись с ней поближе, я поняла, что иначе и быть не могло – Люба была исключительной женщиной, мощнейшей личностью, харизматичной до ломоты в суставах, честной и открытой, порядочной, как белогвардеец и самоотверженной, как жена декабриста. И она без преувеличений была великой артисткой. Вопроса соперничества даже не возникало: в первый же съемочный день произошло нечто невероятное. Мы все (без шуток – все присутствующие) попали

под воздействие ее женских чар. И это было как солнечный удар – досталось всем, кто находился в досягаемости ее «радиоволн». Она как-то так повела плечами, дала какой-то совершенно неповторимый залп глазами, крылья ее носа встрепенулись, она заговорила – и все. Е2 Е4. Убит! Мурашки по телу! Я не могла поверить своим глазам и остальным органам чувств. Она влюбляла в себя, затрагивала такие глубинные слои личности, доставала до самых потаенных закоулков психики, вонзалась в самое сердце. Ее обаяние, ее нечеловеческая сексуальность, ее мощнейшая женственность, красота – все это имело такие масштабы, что просто сносило голову всем присутствующим. И эта сила не носила налета пошлости – нет, это была такая животная, естественная, просто биологическая данность. Все происходило на уровне химических реакций. Мужчины держались за руки, чтобы, как бандерлоги в «Маугли», не сделать шаг вперед, на съемочную площадку к мудрому Каа и не испортить дубль. Ее величие и притягательность имели стихийную мощь – в действии она была похожа на ураган, землетрясение, торнадо, наводнение или все вместе. Она совершала переворот в сознании каждый раз, когда ты вступал с ней в контакт. Она была королевой, звездой, пылающей планетой, вроде нашего Солнца, вокруг которой крутились остальные планеты системы, греясь в ее лучах и даже не помышляющие сойти с орбиты. И это было настолько естественно, очевидно и неоспоримо, что ни у кого даже мысли шальной не возникало с ней соперничать. Рядом бы постоять – вот это счастье, вот это удача. В ней определенно была божья искра. Точнее сказать – фейерверк.

Помимо красоты и нечеловеческого таланта, Люба была личностью высочайшего уровня – человечной, мудрой, с пронзительным чувством ответственности и справедливости. Она не могла подвести. У нее этого не было в программе – не было такой функции. И ничто не могло сдвинуть ее с позиции, ничто не могло заставить ее изменить принятое однажды решение. Она была человеком слова и это для нее значило больше, чем многие другие вещи. На нее можно было положиться, и это было так же надежно как вклад в Швейцарском банке.

Несмотря на то, что большую часть совместных съемок мы с ней делили одну гримерку на двоих – ту самую «закуточную» два на два метра, где стоял двухместный диванчик, больше похожий на кресло, от нее я ни разу не слышала ни одной жалобы, ни одной претензии, ровно как и никогда не слышала от нее ничего плохого в чей бы то ни было адрес. А если речь в гримерке заходила о ком-то, кто ей по тем или иным причинам был неприятен, то она сжимала губы, серела лицом и просто молча

уходила. Но никогда не говорила ни о ком ничего плохого.

Она часто бывала уставшей и измотанной – ее директор не жалел ее, «продавая» направо и налево. Ну, бизнес был такой у человека – организация ее гастролей, выступлений, ее метаний по миру со спектаклями. Она была выжата как лимон, иногда тихонечко жалуясь, что не может отказать, взять своих слов обратно. Ей хотелось отдохнуть, но обязательства, когда-то взятые на себя перед ее директором не давали ей покоя – она не могла дать задний ход, это было не в ее правилах. И те, кому не мешала совесть, использовали это на полную катушку. Ужасно то, что это произошло и после ее смерти – ее выжали до последней капли. Именно поэтому меня не было на ее похоронах – не хотела устраивать балаган с репортерами из желтой прессы на голове у родственников Полищук. Не пришла я и ни на один из вечеров ее памяти, когда узнала, что организатор этих вечеров – вышеупомянутый директор – продает на эти вечера билеты. Я не хотела делать свой вклад в коммерческий проект предприимчивого дельца.

Да, Любовь Полищук была человеком слова. И принципиальной до абсолюта. Она была большая, огромная, великая, необъятная личность. Масштаб ее личности отразился и на физическом уровне – роста в ней было не меньше двух метров, а размер ноги у нее вообще был как достопримечательность – сорок третий. И она была бесконечно красивой, красивой, красивой…

Комедия и трагедия соединялись в ней как инь и янь, как плюс и минус, не существующие один без другого. Смех и слезы были ее постоянными спутниками и в ее амплуя, и в ее настоящем образе. Боже, как она рассказывала о своем детстве! У меня по два-три перегрима было – так я хохотала. А иногда, в особых случаях, у меня от хохота разваливался Викин «вавилон» на голове – и я ничего не могла с собой поделать, потому что это было нечто. Судите сами, и я заранее приношу свои извинения – посредством этой книги я смогу передать лишь сотую часть того, что видела и слышала сама. Когда Полищук была подростком, она сильно комплексовала: и было от чего. По ее собственным словам, она была длинная, тощая и ужасно себе не нравилась. Ее ноги казались ей кривыми, волосы – жиденькими. К тому же у нее было косоглазие, и вдобавок ко всему она не выговаривала «р». Конечно, уже эта информация вводила всех в ступор, потому что поверить в то, что одна из самых красивых актрис истории отечественного кинематографа, муза великих режиссеров и кумир как минимум двух поколений имела такую базу, такие данные, было довольно сложно. В своем родном Омске она жила с

родителями в крошечной квартирке. Когда приходили гости, а ей в силу своих комплексов не хотелось никого видеть, она вставала на подоконник, доставая макушкой до верхней планки оконного проема, и даже чуть-чуть наклоняя голову, чтобы поместиться в нем, и отворачивалась, упираясь лицом в стену. Как спящий императорский пингвин. Представляете реакцию гостей? А вот эта трогательная история про Мустанга? Когда она уже играла в театре, точнее – в Мюзик-холле, и ей там дали прозвище «Мустанг». По понятным причинам. «Нет, ну а что вы хотите? Я могла в три прыжка преодолеть всю сцену от кулисы до кулисы. Правда, падали все декорации… Да, я как-то случайно рушила все, что находилось рядом… Что поделаешь – размах. И вот, однажды я пришла в ресторан – нарядная, красивая. Пришла и вдруг слышу из-за дальнего столика кто-то рявкнул – О! Мустанг пришел! – Мне стало так неловко, так обидно… Я руки в ноги, развернулась – и бегом из этого ресторана… Естественно, по дороге случайно перевернула какой-то стол…». И все в таком духе.

А как она любила своего мужа! Сергей Сергеич, Сергей Сергеич… Она буквально молилась на него. Невероятные отношения. Настоящая любовь.

Она ни разу не сказала ничего плохого про мою игру, хотя я довольно долгое время напряженно ждала ее комментариев. Ведь она играла так, что не было никакой возможности схалтурить или «недотянуть» в ее присутствии. Она затмевала собой всех и каждого, она фонтанировала ролью, искрила характером, но она ни в коем случае не подавляла – ей было необходимо чтобы ты тоже играл изо всех сил, чтобы ты выкладывался на полную катушку. Она вызывала не на дуэль, нет – она «брала с собой» в разведку. Все были влюблены в нее, все преклонялись перед ее талантом и силой. И я хочу сказать, что по иронии злой судьбы – ведь большая часть карьеры Полищук прошла в режимном тоталитарном государстве – у нее было мало возможностей полностью раскрыть себя как драматическую актрису. Я слышала, что в советские времена какой-то чиновник минкульта, будь он неладен, открыто заявил: «У Любови Полищук несоветское лицо!». И это роковое заявление отрезало ей путь к глубоким драматическим ролям на многие годы – ей приходилось играть комедийных, гротескных персонажей, что, конечно, тоже неплохо, но для такой актрисы – это настоящая трагедия. Вспомните ее взгляд: она как будто постоянно искала что-то, высматривала, как бы придумывая что бы ей такого выдать, как бы ей так выступить, но в этом взгляде – столько глубины, тоски, столько горизонта. Казалось, она видит так далеко, что даже не может выразить

этого словами. И это качество придавало ей, такой большой и сильной, столько шарма, столько трогательной хрупкости, столько тонкости и ранимости. И снова мурашки по телу.

Месяцев через пять-шесть после начала нашей совместной работы, она сказала мне, что она обо мне думает. «Настя, ты только обязательно запомни, что я тебе сейчас скажу. Слышишь? Запомни! Ты – такая стрекоза. Ты не ходишь, нет. Ты порхаешь. И у тебя невероятной красоты, тончайшие прозрачные крылья, нежные – до них нельзя дотрагиваться, на них можно только любоваться. Они могут быть незаметными, даже невидимыми, но если на них попадает солнечный свет – нет ничего прекраснее этого зрелища. Твои стрекозьи крылья начинают играть всеми цветами радуги, они дрожат, переливаются и они так прекрасны, что невозможно глаз оторвать. Но в тени этого не видно – можно пройти мимо и не заметить. Помни об этом, Настя, это очень важно».

Все прекратилось до ужаса резко и неожиданно. Было ощущение, что нас всех прихлопнуло бетонной плитой – настолько беспощадной и неизбежной была ее болезнь. О болезни она узнала случайно – ни у кого не возникало и мысли, что боль в спине, которой она мучалась, на поверку окажется смертельной. В перерыве между съемками она с мужем Сергеем Цигалем отправилась на воды – в санаторий, где при поступлении в виде обязательной программы берут самые элементарные анализы, в том числе – анализ крови. И вот, когда она вернулась на съемки, все заметили, что она как-то изменилась: стала слишком сдержанной, спокойной и молчаливой. Когда я спросила у нее, что случилось, она удивленно пожав плечами тихо ответила: « Ты знаешь… Врачи говорят, что у меня вроде рак». Мы были просто в шоке, хотя надеялись до последнего – ждали каждого результата обследования как вынесения приговора в суде, очень переживали за нее, молились. Но в результате диагноз подтвердился, причем наихудшим образом – у нашей Любы была саркома. Это было такой трагедией, что все команда «Няни» еле ходила, без преувеличений. Мне страшно представить, как переживали это ее близкие – ее мать, ее муж Сергей, ее сын Алексей и дочь Маша. Ведь Полищук была центром не только нашей вселенной в рамках «Моей прекрасной няни», она была центром своей семьи. На ней зижделось все, я в этом абсолютно уверенна.

Любе сделали операцию. Неудачную. Потом ее повезли в Израиль, где она прошла курс химиотерапии. Болезнь съедала ее заживо – стремительно и беспощадно. Но что удивительно – она так держалась! Героически. Когда она вернулась в Москву, она пришла на съемочную площадку. Она не хотела прекращать

работу – работала до самого конца. И, я думаю, что именно это помогало ей сохранить человеческий облик в этой нечеловеческой боли, в этой страшной болезни, которая уничтожает не только тело, но и личность, подвергая свою жертву таким мучениям, о которых здоровые люди даже не подозревают. Рак – это страшно, это чудовищно. Люди сходят с ума от боли. И это страшное испытание не только для больного, но и для всех его близких людей.

Полищук привозили на съемки, и она все время тихо лежала в своей гримерке, которую ей наконец-то выделили (очень своевременно, как обычно это у нас делается) на диване. Она медленно шла на съемочную площадку, это было едва заметно, но любые движения ей давались с трудом, и, наверняка, с болью – об этом даже сейчас страшно думать. Но когда режиссер давал команду «мотор», она преображалась – оживала, загоралась. Даже в этой страшной болезни у нее откуда-то брались силы, и она заряжала ими всех окружающих. Но после команды «стоп», она снова обмякала и медленно шла к себе в гримерку. Как-то раз я пришла к ней, и хотела обнять ее, расцеловать, но она мне сказала: «Настя, пожалуйста. Мне нельзя… Микробы…» Иммунитета не было вообще никакого, ее мог убить поцелуй, малейшая бактерия. И я села на пол возле нее, взяла ее руку, которая свисала с дивана – такая красивая, тонкая рука с длинными-предлинными пальцами. И я плакала и целовала эту руку. И это все, что я могла сделать, не причиняя ей вреда.

Однажды ей стало так плохо, что со съемок муж Сергей унес ее на руках. Мы поняли, что она уже может не вернуться, но до самого конца не переписывали сценарии, оставляя там ее роль.

Мы ждали ее каждый день, не теряя надежды. И вот, свершилось чудо – она пришла, чтобы сняться в последней серии. В серии «Свадьба». Ну, как она могла не прийти – ведь ее «доча Вика» замуж выходит! Это всех нас так тронуло, что слезы сами навернулись на глаза. Это была ее последняя работа, и я могу только догадываться, что ей пришлось перетерпеть, чтобы сделать этот последний в ее творческой карьере шаг. После этого мы с ней виделись только один, последний раз. Я приехала к ней в больницу. Она была худая, совершенно лысая, с прозрачной, пергаментной кожей. Но она была такая красивая! Невероятная женщина. Богиня. И она так спокойно разговаривала, так отстраненно, как будто была уже немного не здесь. При этом она не прекращала шутить, она не сдавала свои позиции. Рассказывала, как она шла с Сергеем под руку по больничному коридору, они спускались с лестницы… «Ну, у меня же ноги-то – не очень, ты же знаешь – отнимаются. Ну вот. И я, конечно, в них

запуталась, споткнулась. Но я же не могу одна – я же должна увлечь за собой все, что рядом. В общем, мы с Сергеем грохнулись», – и смеется, заливается. Это было так печально, так пронзительно больно и в то же время так прекрасно. У нее невероятно красивая душа. Я не могу найти правильных слов, чтобы передать и малую толику всего того, что я про нее знаю. Но я очень надеюсь на благосклонность читателя и на воображение, которое само нарисует вам Любу Полищук такой, какой она была и в жизни и на экране.

15.

Ситуация складывалась следующим образом: где-то на восьмом месяце съемок «Няни», когда в успехе предприятия уже никто не сомневался, посыпались предложения о ведении шоу и передач. Телеканал СТС предложил мне вести программу «Хорошие песни». Та к как у меня не было ни малейшего опыта ведения шоу, естественно, ни малейшего желания ввязываться во что-то новое, не оправившись от съемок сериала. Я отказалась. Но, как довольно скоро выяснилось, моего отказа было недостаточно. Да, на меня в мягкой форме, но скажем так – все-таки оказывалось некоторое давление со стороны руководства канала. Безусловно, они дали мне шанс, который позволил мне возродиться в качестве актрисы, и теперь они ждали от меня ответного шага доброй воли – это как бы между строк подразумевалось в наших отношениях. Поэтому просто так я отказаться вроде бы и не могла. Но мне очень не хотелось вести это шоу, равно, как и любое другое – я слабо представляла себя в этом амплуа, ведь это совершенно другая история. Мне казалось, что это не мое, да и вообще-то на тот момент это было действительно так. Правильно это, неправильно – в любом случае, я считала, что имею право на отказ. Мы вели бесконечные переговоры, я понимала, что у меня не хватает опыта и закалки, чтобы не наломать дров. Мне было сложно разобраться во всем этом: куда, как и почему? Мне не хотелось закончить карьеру на самой ее заре, не хотелось «убить» свой образ, не хотелось терять завоеванные позиции. Я понимала, что сейчас надо быть предельно осторожной. Мне не хотелось уходить в шоу-бизнес, потому что не секрет, что драматические актеры скептически относятся к нашему шоу-бизнесу по понятным причинам. Не хочу никого ругать, скажу только одно: когда я посмотрела концерт Мадонны, я несколько дней не могла прийти в себя, без преувеличений. Я была просто убита наповал. Это как?! Что это такое?! Как она одета?! Как танцует?! Что за декорации? Как это у нее все пропадают-появляются?! И вообще – что это было: волшебство или массовая галлюцинация? У нее такая сценография! Не может быть. Я в шоке была.

Конечно, после этого добровольно записаться к «нашим» было достаточно сложно. К тому же в нашем шоу-бизнесе никто не привык к тому, что артист может сказать слово «нет». Это большая честь – ведение шоу. Это же так почетно, это же так выгодно, это же ротация какая – тебя вся страна увидит, и не раз. В общем, ситуация была непростая. И как раз рядом со мной

оказался Сергей Жигунов – естественно, мы работали на одном проекте, постоянно что-то обсуждали, много говорили, я с ним советовалась. И в какой-то момент таких активных консультаций он сказал:

– Ты самостоятельно не в состоянии провести эти переговоры.

И он был прав – это было очевидно. Я, на тот момент – практически новорожденная не могла провести переговоров в свою пользу с настоящими воротилами шоу-бизнеса. Уровень людей, с которыми нужно было общаться, был достаточно высок. А рисковала я многим – своей только начавшейся успешной карьерой. И не то, чтобы я пасовала перед этим, нет. Но нужно было соблюдать максимальную осторожность. Я не имела права на ошибку. И совершенно естественным образом часть переговоров легла на Сергея. Я хотела, чтобы он был моим агентом – к этому моменту мы столько всего пережили на съемках «Няни», что уже не были чужими людьми – мы дружили. Сергей тоже был не против – он видел в этом не только дружескую поддержку со своей стороны, он понимал, что это сотрудничество может быть взаимовыгодным. И был абсолютно прав, потому что нельзя не радоваться работе, если она помимо удовлетворения приносит еще и ощутимую финансовую выгоду.

Мы постоянно обсуждали истории карьеры разных знаменитостей, рассматривали их ситуации, словно это было такое наглядное пособие – как надо и как не надо. Мы бесконечно говорили. Ему было интересно, мне было интересно, никаких сверх усилий уже не нужно было прилагать – работа приходила сама, предложения сыпались, как из рога изобилия, а нам было нужно только умело лавировать «на фоне стальных кораблей», как пел Миронов. На что-то я соглашалась, на что-то – нет. Вообще, мы с Жигуновым были не одни – мои предложения и контракты обсуждала вся наша съемочная группа. Но это, конечно, не значит, что я была такая важная, что все носились со мной как с писанной торбой. Просто всем было интересно наблюдать за моим ростом, который на тот момент по скорости был близок к скорости роста бамбука. Мы сидели все вместе и ломали голову. И вот, в какой-то момент я подписала бумаги – заключили контракт с телеканалом СТС, и это был настоящий компромисс. Компромисс в том смысле, что мне не очень нравилась идея ведения шоу, а особенно – мне не нравились тексты подводок, вот эта вот прямая речь, которая должна была стать моей. Местами она было просто чудовищной. И потом были моменты, где я конкретно «напарывалась» на те слова, которые были в распечатках – а получала я их во время записи программы. Приносят записку: прочитай. Зал – четыре тысячи человек, очень

много детей, маленьких. И вот, звонок знаменитости – связываемся с Борисом Моисеевым. И я читаю: «Не могли бы вы заморозить свою сперму, чтобы…». И все. У меня темнеет в глазах. Я понимаю, что я сейчас умру. И перед Моисеевым как-то не очень удобно, а уж перед аудиторией – и подавно. Они же думают, что это моя инициатива, что это я осознанно сказала. Ужас! Потом я сделала паузу в съемках и извинилась перед теми зрителями, кто пришел, потому что мне было очень стыдно. И с тех пор я перед съемками всегда правила тексты, стараясь вымарать оттуда пошлости, вроде этой. Мне кажется, никто не хотел видеть меня в моем естественном образе Насти Заворотнюк. Руководство канала, наверное, все-таки хотело оставить меня в удобном образе Вики Прудковской. А для меня было очевидно, что оставаться в образе Вики – это настоящее самоубийство. Этот юмор – он все-таки не мой. Простите, конечно, но я, Настя, чувствую себя более тонкой, чем моя смешная, но все-таки абсолютно противоположная мне по духу героиня. А между прочим, споры шли даже о том, как меня называть! И мне было нужно найти некую золотую середину между собой настоящей, которую никто не знал, и собой воображаемой, которую знала вся страна. Путаница была бесконечная. До какого-то момента этот было забавно, потом это уже напрягало. Утешало только одно – сумма прописью, указанная в контракте. Для меня это была некая сатисфакция. И, надеюсь, я не разорила канал.

Ведение программы, шоу, концерта – это не совсем актерство, не роль в чистом виде. Это всегда риск, это всегда импровизация – ведь нельзя отрепетировать все до конца, сценарий шоу – вещь очень приблизительная, во многом зависимая от обстоятельств, от других участников, от аудитории, от всего. Ты никогда не можешь просчитать все наперед – для этого, наверное, нужно быть Гарри Каспаровым, но я же не шахматист. И, поэтому, ситуация с ведением шоу – всегда бесконтрольная, опасная, непредсказуемая.

Я нервничала и ничего не могла с собой поделать. Передо мной разверзлась бездна тревожной неизвестности. Когда я села в самолет и увидела уверенного и спокойного Сашу Цекало, я тут же судорожно стала переписывать тексты. Мы прилетели в Киев, где записывали программу, в пять утра, уставшие, но весь день перед записью я провела без сна. Днем пригласили к себе сценаристов, но они попали под очарование украинского гостеприимства, накануне как следует выпили и не пришли. Мы с Сашей ждали их до ночи. Потом полночи я учила текст. Я

нервничала, репетировала, хотя, что там можно было репетировать? А в итоге, когда я впервые вышла на сцену в качестве ведущей, произошло нечто невероятное. Меня трясло от страха, я боялась, ноги онемели, язык проваливался внутрь и никак не хотел помогать мне выговаривать ставшие тут же чужими слова. Я думала, что упаду в обморок. И вот, я выхожу, играют фанфары, а вокруг меня вдруг все взрывается – бум, салют, дым, вспышка. И все. И я как когда-то давным-давно, в юности, на крутящейся сцене в театре. Стою – ничего не вижу, ничего не слышу, и, главное, ничего не соображаю. Мой любимый ступор. Ну, все, думаю, «собираем средства на ремонт провала». Боже, у меня в те несколько секунд вся жизнь перед глазами пролетела, как калейдоскоп. И вот, представьте каково мне – я же актриса, я же должна поражать зрителя в самое сердце, мое появление должно быть таким «вау!», я же должна владеть собой, быть уверенной в себе. А я? У меня все наоборот. И, главное, в самый ответственный момент моя предательски-робкая натура делает из меня ну просто какую-то инвалидку на деревянных ногах и с онемевшим от ужаса лицом. «Провал, провал, провал!» – пульсировало у меня в голове.

И вот, насколько легко, спокойно и уверенно «разогревал» зал Саша Цекало, настолько же для меня это было недостижимо. Я тогда это поняла, и еще подумала: ну я же говорила, что не смогу, зачем же я согласилась?! Но было уже поздно. Я уже стояла на этом скользком прозрачном пластиковом (мне он тогда показался стеклянным) полу, оглушенная своим же собственным появлением. И кто я – Вика, Настя, Штирлиц, майор Исаев или актер Тихонов – я тогда точно сказать не могла. И вот в эту страшную минуту мне на помощь пришли зрители. Они буквально спасли меня. Зрители поднялись со своих мест и стали аплодировать. И они аплодировали столько, сколько мне было нужно, чтобы прийти в себя. Кода я смогла наконец-то дышать, я поняла, что, кажется, я все-таки смогу что-то сказать. Я стояла под этим шквалом оваций, я кланялась, а зрители все хлопали и хлопали. Это были просто сокрушительные овации, которые обрушили на меня столько любви и тепла, что я наконец-то успокоилась и поняла – они все со мной. Мне нечего доказывать. Меня любят. И еще я поняла, что даже если я оступлюсь на этом скользком полу и упаду, они меня поднимут, поправят юбочку, отряхнут меня от пыли и скажут «Ничего, ничего. Все хорошо!». Они чувствуют меня своей родной. Они приняли меня. И они мне так доверяют! Я сразу успокоилась. Я поняла, что у меня будет время для того, чтобы всему научиться, без спешки и без паники. Зрители дали мне такую возможность. Просто фантастика! Для

меня это был такой своеобразный аванс – мне заранее сообщили об успехе. И я хочу сказать огромное спасибо всем тем, кто присутствовал на том шоу за неоценимую поддержку, без которой я бы не справилась. Огромное вам всем спасибо!

Кстати, я была так потрясена всем происходящим, что практически ничего не запомнила: помню только свой первый выход, потом – ничего, а дальше я помню только финал. Помню – выходили дети, и мне было очень неловко, потому что они текли такой живой рекой, и мне просто некуда было девать цветы – а их становилось все больше и больше. Меня переполняли чувства и восторга и неловкости одновременно. Это было очень непросто, и, наверное, моя память, чтобы спасти организм от последствий сильного стресса (который я точно получила в следствии таких мощнейших положительных и отрицательных эмоций), просто решила отказаться от фиксации воспоминаний. Такой механизм самосохранения сработал: очнулся – гипс. И практически ничего не помню.

И вот, после первой программы, когда я вернулась на съемки «Няни» в Москву, я попала в больницу – в госпиталь им. Бурденко. С диагнозом астения. Ровно через сутки после записи программы. Я рухнула, как Вавилонская башня. Как Римская империя, как Колосс, который, по уверению историков, стоял «на глиняных ногах». Помню, что лежала в гримерке, ничего не соображала, в глазах было темно, в ушах «вечерний звон», кто-то на мне расстегивает одежду, а сердце стучит, как в последний раз… Пришла какая-то девушка и сказала: «Будем делать массаж сердца». А все так переживают, так переживают…

– Ну, как ты? Извини бога ради, мы через час сможем продолжить?

А у меня все плывет, мне нечем дышать, и только одно чувство: жалко детей, Анечку и Майки. Останутся сиротами. И уверенность, что жить мне осталось полчаса. Лежу и думаю: оставьте меня, отпустите…Пожалуйста!

Страшно.

А они приходят и говорят:

– Ладно… Полежи еще полчасика, и начнем. Да?

Наконец, Константин Николаевич Наумочкин вызвал «скорую помощь». Меня увезли.

В госпитале у меня даже не сразу смогли взять кровь – она не шла. Медсестра вставляла иголку в вену и вынимала ее. Ничего не происходило. Она растирала мне руку, отогревала, разговаривала со мной. Ласково так. А у меня катилась слеза из одного глаза. Во втором глазу слез просто не было. А медсестра

мне говорила:

– Дочка, ну что же ты? Ну, так нельзя.

А у меня на тот момент уже ничего не работало, ничего не осталось – ни сил, ни желания жить. От постоянного грима кожа истончилась, пошли отеки, гримерши даже жаловались: «Невозможно, у нее кожа слезает!». Я почти исчезла. И вряд ли кто-то смог бы узнать во мне жизнерадостную Вику Прудковскую. А тем временем на киностудии даже и не думали останавливать съемки. Звонили и спрашивали: «Ну что, когда?»

Я никого не виню – был включен мотор, дан мощный заряд, я самостоятельно загоняла себя, и все-таки загнала.

Впрочем, по больницам моталась не одна я. Вся наша веселая четверка болела. Иногда возникали экстремальные ситуации. Однажды по сюжету должны были подраться Жанна Аркадьевна и Константин. В результате Ольга Прокофьева и Борис Смолкин попали к врачам с травмами различной тяжести.

Всем приходилось нелегко, но мы терпели. Ведь мы понимали, ради чего идем на такие жертвы. Мы мучались, не высыпались, но как мы любили свою работу!

16.

Рейтинги передачи «Хорошие песни» были очень высокие – впоследствии, когда программа уже закрылась, ее повторяли много раз, крутили не только на СТС, но и на «Домашнем». Но я хочу сказать, что очень благодарна этой программе и в частности – Александру Цекало, потому что убедить меня стать телеведущей стоило ему больших усилий. Когда мы были в Киеве, я просила его посидеть со мной над текстами, которые мы должны произносить, и он стоически терпел мое неистребимое желание приложить к ним руку. Я думаю, что я была самая сложная телеведущая, с которой ему только приходилось сталкиваться. Я понимала, что я не профессионал, но ответственность все равно лежала на мне. И вот, я бесконечно обращалась к Саше. И, надо признать, он всегда был добр, внимателен и справедлив. Он очень деликатный, умный и интеллигентный человек. С ним работается ЛЕГКО. И я могу, положа руку на сердце, сказать, что за все время нашей с ним работы у нас никогда не возникало конфликтных ситуаций.

Мне кажется, что я правильно сделала, приняв решение участвовать в этом шоу – я получила бесценный опыт, благодаря которому приобрела фактически еще одну профессию. Сейчас я могу сказать про себя – я ведущая телешоу. Раньше ничем таким я похвастаться не могла. Ведь пробиться туда мечтают миллионы, а реально получается – только у единиц, которые и оккупируют всю территорию телевидения. И это очень изменило меня внутренне. Я перестала бояться. Я стала более уверенным в своих силах человеком. Для меня это безумно важно. К тому же, благодаря участию в этом шоу, мне довелось поработать бок о бок с замечательными людьми, столпами нашей эстрады. Все наши звезды, и я имею в виду настоящих звезд, не сиюминутных, а тех, кто годами шел к вершинам музыкального Олимпа, так вот, все они – большие умницы, адекватные люди, трудоголики, люди преданные делу своей жизни настолько, насколько это вообще возможно. И знаете, это люди с такими мозгами… И, если кому-то кажется, что созданный сценический образ – наивный или поверхностный, то уверяю вас – вы ошибаетесь. Глупый человек был бы просто не в состоянии покрыть эту милю – пропасть между обыденной человеческой судьбой и жизнью на сцене. Потому что просчитать все ходы и выходы, держать в голову всю эту уйму информации, с легкостью жонглируя этим – дано далеко не каждому. И вот, мне кажется, для себя я вывела такой простой

и незамысловатый алгоритм – чем выше карьера артиста, тем лучше у него работают мозги. Трудно себе представить, что, допустим, Мерил Стрип и Энтони Хопкинс – люди недалекие. Правда, трудно. Да и карьера у них вместо того, чтобы в силу их возраста идти под откос, только разгорается все сильнее и сильнее, одаривая зрителя все новыми и новыми шедеврами. Да и интуиция должна быть какая-то звериная. Талант довольно часто впадает в эйфорию, забывается, начинает «парить», и вот в этот момент теряет связь с землей и отрывается от реальности. А это равноценно потере разума – человек тут же совершает ошибку. Это нужно было понимать. Смотреть на мир трезво.

Интеллект всегда в выигрыше перед эмоциями. В нем есть правда. А в эмоциях – только сиюминутность и непредсказуемость.

На своем первом шоу «Хорошие песни», несмотря на такое драматичное начало, я в какой-то момент все-таки поняла, что мне нравится быть ведущей. И вот, в беготне между съемками, рядом со мной стала мелькать одна барышня. Эля Келлер была редактором с телеканала Россия, и все уговаривала меня на какую-то авантюру – просила меня посмотреть кассету с записью какого-то английского шоу, снятого на BBC – что-то про танцы. Я не знала, как мне выкроить время, чтобы чаю попить, а тут еще эта кассета. В общем, барышня ходила за мной, ходила. Уговаривала, уговаривала. Она была настойчива, и как выяснилось, – даже еще более настойчивой, чем все, кого я встречала в этой жизни. Уникальный, в общем-то, человек. И вот, я в очередной раз ей говорю: «вы поймите меня, я в полном мраке, я недавно вышла из больницы, где лечилась от астении, я вас практически не вижу – вы у меня расплываетесь в глазах, я устала, я не могу…». Но она меня все-таки уговорила, и просто, чтобы избавиться от назойливых уговоров, я села и посмотрела эту кассету. И влюбилась в это шоу с первых секунд просмотра. Та м было двое ведущих: солидный мужчина в возрасте, и такая знаете, прекрасная английская корова – крупногабаритная блондинка, симпатичная, молокообильная. Она практически ничего не говорила, а просто стояла, улыбалась и «продавала молоко». В общем, явно не мой типаж. Я сразу поняла, что я, пожалуй, буду вот этим вот дядечкой. И вот что я сказала: «Вы знаете, у меня абсолютно нет времени для вашего шоу. Но я его проведу. И буду я – вот им. О кей? А теперь идите и передайте это вашему руководству». Наверное, для ее руководства это был шок, когда она пришла и сказала: «У Заворотнюк нет времени, но она сказала, что проведет это шоу, и будет вот этим вот мужиком».

А вскоре после этого журнал «Семь Дней» проводил церемонию награждения – кого-то награждали за красоту, кого-то за талант, Полищук тогда стала «самой популярной», а мне, кажется, дали «самую сексуальную»… Я уже плохо помню, что там было, но присутствовали все воротилы шоу-бизнеса, все большие люди с телеканалов, все директора и продюсеры. И вот, все сидели за столиками, поглядывали на меня и что-то там между собой обсуждали. В какой-то момент ко мне подошел Сергей Леонидович Шумаков – продюсер РТР и спросил:

– Настя, угадайте, о чем сейчас все говорят?

А все говорили о том, что я ухожу на «Россию». И всех это известие потрясло – для многих это выглядело как предательство с моей стороны. А я честно отвечала:

– Я понимаю ваше возмущение, но ничего не могу поделать. Я влюбилась! Влюбилась в это шоу!

И признаться честно – это постоянная любовь. Первое время я была вообще в каком-то зачарованном состоянии: я не могла оторвать глаз от пар. Все же взрослые люди, у всех трудовые будни, семейная жизнь, устоявшиеся привычки и представления о себе, о своих возможностях. И вот, эти люди выходят на паркет (на льду, например, очень отвлекает сама техника фигурного катания, скорость, страх падения и травмы, поэтому лед – это не так интимно) и эта тактильность, эта уязвимость, не в физическом, а скорее – в эмоциональном смысле, это что-то невозможное. Это чудо. Они начинают танцевать, они смотрят друг на друга, между ними происходит просто взрыв энергий. Электричество. У всех глаза были – просто на пол-лица. Я не могла сидеть, пока какая-нибудь пара танцевала. Это было так искренне, так трогательно: эти люди делали что-то впервые в жизни. Невероятно. К сожалению, телевидение не может передать эмоции, до телезрителя доходит только небольшая часть всего того, что на самом деле происходит с участниками. И домыслить это невозможно.

Я страшно уставала – тогда «Няню» снимали по 16 часов в день, и мой единственный выходной я тратила на это шоу. Я выкладывалась по полной программе, ведь это было ново для меня, непривычно. Я страшно переживала, болела за участников, волновалась. Для меня это было совсем не просто – такой накал страстей. К тому же с семи вечера и до двух часов ночи – все то время, пока пишется это шоу – я стояла на шпильках. Спина, ноги, плечи, руки, голова – все отваливалось и раскалывалось от боли. Но моей жалости к себе хватало только на то, чтобы выпить обезболивающее. И вперед. Дальше. И вот, когда ты садишься в

машину, чтобы твое тело отвезли домой, и ты сидишь и уже ничего не чувствуешь – ни усталости, ни эмоций, ни обиды. Ты опустошенная, вымотанная, как случайно постиранная в машинке шляпка от Филиппа Трейси. Ты даже не можешь говорить. И только боль. Пульсирующая боль сигнализирует, что ты еще жива. И ты уже радуешься этой боли, как единственному ощущению, которое у тебя еще осталось, как ниточке, которая связывает тебя с реальным миром. Хочется только одного – чтобы тебе дали маску, ты подышала наркозом и погрузилась в сон.

Примерно через год после запуска проекта «Моя прекрасная няня», съемки прервались на два месяца. Бригада выдохлась на крутом подъеме. Но вот, что странно: именно первый, самый тяжелый год, мы всегда вспоминаем с удивительной теплотой. Память оставила все только хорошее.

Я наконец-то отдыхала! Это было нечто из области фантастики. Я наслаждалась жизнью! Проводила много времени с детьми – то, к чему я так привыкла в своей «прошлой» жизни, до того, как устроилась на работу «няней», и чего мне так не хватало в жизни «новой», рабоче-стахановской. Конечно, я продолжала работать, вела «Хорошие песни». Но я могла высыпаться, и одно это значило для меня так много. Простые человеческие вещи, доступные, в общем-то, каждому нормальному человеку для меня стали какими-то чудесными рождественскими подарками.

В ноябре 2005 года я получила ТЭФИ. И это была первая в моей жизни большая награда. Какое восхитительное чувство быть лучшей! Признание коллег очень многое значит, и только теперь у меня появилась возможность оглянуться. Я молодец! И, главное, я уже соскучилась по своей прекрасной няне. И вот, за день до возобновления съемок я созвонилась с друзьями и узнала удивительную новость. Мне сообщили, что Заворотнюк сошла с ума. Она заломила такой гонорар! Да что там гонорар – она голову потеряла. У Заворотнюк началась форменная «звездочка» – известная голливудская болезнь.

И это говорили люди, которые, расставаясь со мной на съемочной площадке, где я чуть не умерла, целовали мне руки. Акопов дал нам всем шанс, мы все заработали славу и деньги, не только я одна. И мы все заработали эти блага ценой нервов и здоровья, ценой наших отношений с близкими и наших отношений с миром. Это говорили люди, которые пришли в проект, когда фильм уже шел и набирал обороты. Они выросли на «Няне» и стали начальниками. Получили огромные зарплаты, бонусы, премии. Они купили себе машины, оделись, обрели лоск и шарм. Почему-то они воспринимали свой рост как должное. А

мой – нет.

Видимо, такая грязь это неминуемая расплата за успех. Такой обязательный смертельный побочный эффект, который мелким шрифтом указывают в самом незаметном уголке аннотации на чудо-лекарство от всех болезней.

Я очень переживала этот первый публичный удар. Но самое неприятное состояло в том, что я вдруг начала понимать – это было всего лишь начало. И обращать внимание на эти злобные выплески просто не имеет смысла. К этому надо относиться так же, как и к ослепляющим софитам. Это обычные атрибуты славы. Нельзя тратить себя на переживания такого рода. Нужно смотреть вперед и видеть перед собой свою цель. А все остальное – суета. И тогда я сгруппировалась, сделала глубокий вдох и приготовилась к очередному погружению.

17.

Слава и успех принесли с собой не только радость, но и боль.

Когда уже шла запись программы «Танцы со звездами», у меня начались серьезные проблемы с желтой прессой.

Мы с Димой тогда уже окончательно разошлись, и репортеры из разных бульварных газет, в том числе и из небезызвестной скандальной газеты «Жизнь», буквально подначивали его, чтобы он говорил про меня какие-то, скажем так – не очень приятные для меня вещи. Ужасные вещи. «Вы видели ее без грима? Да она же старуха! И ей совершенно наплевать на детей: она их не кормит, не одевает, не воспитывает, бросает и бежит к Жигунову!» Он был оскорблен моим уходом, но при этом пытался меня вернуть. А я не понимаю, как относиться к мужчине, который сначала тебя порочит, а потом говорит: «вернись, я люблю тебя!».

Пресса устроила нам всем слежку, гонки с препятствиями и все остальные прелести публичной жизни. А Дима, как человек неопытный, соглашался на интервью, не понимая реальных намерений этих пройдох, у которых нет ни совести, ни такта, ни сочувствия к предмету своего заработка – живым людям, которые для них больше напоминают такой, знаете, источник калорий.

Люди, которых когда-то связывала любовь, семейные отношения и, главное – дети, обычно легко не расстаются. Сами понимаете – эмоции, боль, взаимные обиды и упреки, выяснение отношений – без этого практически не один развод не обходится. Но когда ты у всех на виду, и информация о ситуации в твоей личной жизни просачивается наружу, словно капелька крови из маленькой царапинки, «акулы пера» тут как тут – они чуют сырое мясо за версту. Дима, к сожалению, не отдавал себе отчета в своих поступках и действиях. Он не мог предвидеть, какие последствия принесет каждое его неосторожное слово. Репортеры буквально говорили ему: «Давай, давай! Говори! Рассказывай!». Я не держу зла, боже упаси, я простила его. Ему было так непросто.

Еще в начале съемок «Няни» он был активно против моей работы – даже приезжал за мной на киностудию, чтобы забрать меня домой, срывался на моих коллег. Ему тщетно пытались объяснить, что не нужно бороться с моей карьерой, что это нормально для актрисы, которая играет главную роль в сериале, целыми днями находиться на съемочной площадке. Но на него это не производило впечатления – мы постоянно ссорились, и, в итоге, между нами произошел окончательный разрыв.

И вот, Диму репортеры доводили до того, что он мне звонил

и говорил:

– Ну что? Работаешь? Попрощайся со своими детьми, больше ты их не увидишь.

А мне через две минуты выходить и вести шоу. И у меня было такое состояние, что я хотела разбежаться и удариться головой об стену чтобы все это закончилось. Чтобы закончилась эта постоянная охота желтой прессы на меня и на мою семью. Наверное, кто-то из друзей все-таки пытался его образумить, объяснить, что таких вещей ему никто не простит, что нужно остановиться, что это полное безумие. А самое главное, что ты потом с этим должен жить. Вопрос – как? Как ты будешь нести этот груз с собой?

На нервной почве я перестала спать. Я приезжала к себе домой, в съемную квартиру, садилась в плетеное кресло за круглый стол и просто сидела, глядя в окно на пруд. Тихо и без движения. Я думала и не находила выхода. Это был какой-то тупик, и мне казалось, что я останусь здесь навсегда. Какой-то беспробудный хоровод лиц, событий и слов. Мучительный и бесконечный. Постоянная пытка, даже во сне – там разворачивались события, в точности повторяющие мою явь. Деваться было решительно некуда, и отключиться не было никакой возможности.

Как я пережила этот период? Я понимала, что мне нужно отказаться от себя и сконцентрироваться на своих близких. Детям нужны были педагоги, так как они не могли посещать школу. Им нужно было внимание. Они не выходили из дома месяцами. Мне нужно было зарабатывать деньги, потому что семье нужны деньги, денег пока еще никто не отменял. Нужно было заниматься делом. И стараться не думать о себе. Если ты не думаешь о себе, а думаешь об окружающих, тебе становится легче. Только любовь к ближним и спасает. Потому что я очень четко понимала – помощь не придет, никто тебя не спасет. Ни милиция, ни соседи, ни охрана, ни суд, ни адвокаты. Не в нашей стране. Потому что с охраной, знаете, тоже можно договориться, если что. Не говоря уже обо всех остальных. И никто ничего не докажет. Только ты сама. И вот это самоотречение в тяжелых ситуациях, оно очень помогает.

Однажды я возвращалась со съемок, а Диму в этот вечер опять накрутили наши бдительные стражи нравственности – работники желтой прессы, которым позарез был нужен скандал. И у нас получилась такая вот кавалькада: впереди моя машина, за нами с шофером – Димино авто, а замыкала эту погоню за

жареным машина с репортером и фотографом. И вот, когда мы подъехали к дому, я выбежала из своей машины, чтобы сказать охране не впускать остальных на территорию дома. Но охранники сделали вид, что заснули и не впустили даже меня. Тогда из своего автомобиля выскочил Дима, набросился на меня, схватил за ворот куртки, приподнял над землей и стал трясти, да так сильно, что я стала звать на помощь. Я испугалась, что взвинченный до предела, он случайно меня убьет – косая сажень в плечах, здоровенный мужик, ему много усилий прилагать не надо, чтобы справиться со мной. И вот, я кричу: «помогите!», а из третьей машины выбегают репортеры, двое мужчин. Я подумала – ну все, спасена. Но не тут то было: вместо руки помощи, мне протягивают микрофон и спрашивают: «Настя, что вы сейчас чувствуете?». А второй пристраивается фотографировать эту чудовищную сцену. Дима меня и не думает отпускать, колошматит. Я снова кричу: «Вы что – с ума сошли? Меня сейчас убьют! Спасите же!», а репортеры мне на полном серьезе отвечают: «Что вы! Мы не вмешиваемся – мы же настоящие профессионалы!», и снимают, снимают. А на следующий день один из них позвонил мне на мобильный и как ни в чем ни бывало объяснил: «Это я, вчерашний свидетель вашей драки с мужем. Вы поймите, Настя – ваши с мужем отношения это ваши отношения. Мы не вмешиваемся – у нас такой кодекс чести. Та к что давайте без обид. А теперь, Настя, ответьте на мои вопросы…». Газета «Жизнь» вышла с этими фотографиями и заголовком «Заворотнюк избила своего мужа!».

Это был шок. Даже не нападение Димы – он был в состоянии аффекта, это хоть объяснимо. Шок был от того, что я поняла, как ко мне относятся эти люди, которые фактически живут за счет того, что освещают события моей жизни. Я тогда отчетливо осознала, что я для них – предмет, но не в коем случае не личность, не человек. Я – их еда, хлеб насущный. И все. Они не задумываются над тем, что я чувствую, когда они меня ощипывают, как курицу, обезглавливают и едят. Та к же, как мы не задаемся вопросом «Нравится ли лососю, что из него делают сашими?». И самое ужасное во всей этой ситуации состоит в том, что кушать нам всем хочется каждый день. И этому процессу нет конца и края – журналистам из бульварных газет (так же как и всем остальным жителям нашей планеты) подавай свежее «мясо» ежедневно. И им всегда будет мало. Та к же, как и всем остальным. В той же «Жизни», в других газетах и журналах, работают и порядочные люди. Но такое ощущение, что их гораздо меньше.

Жизнь газетная, она абсолютно отдельна, мне стыдно и

страшно про нее думать, и если бы можно было без нее обойтись, это было бы просто замечательно. Журналисты любят говорить «Если мы не будем писать, ты умрешь!». Да, я согласна! Не надо писать!

Думаю, наша пресса движется в пропасть. Я как-то лежала дома, болела, делать было нечего и из чистого любопытства я читала про всех подряд. Врагу не пожелаешь… У нашей прессы главная задача – довести человека до края отчаяния. Чтобы он сошел с ума у вас на глазах, убил кого-то и потом убил самого себя. И хорошо бы все это заснять на камеру. И продать это материал за большие деньги. Маниакальная страсть.

Ищут самые больные места, питаются чужим отчаянием, болезнями, смертями. Им только это и нужно. Но, видимо, это нужно и читателям. И это особенно больно.

И вот эта вот безысходность – понимание того, что охота за тобой прекратится только с твоим собственным исчезновением либо вместе с полным забвением – что для актрисы равносильно уходу в мир иной, если не хуже.

Та к мы и сосуществуем – мне звонят и вежливо спрашивают, не могла бы я рассказать о том-то и о том-то. Когда я пытаюсь вежливо отказать, мне вежливо напоминают, что уже давно ничего плохого про меня не писали. «И наши хорошие отношения продлятся до тех пор, пока вы будете давать нам интервью» – обещают мне. Ну, как тут отказать? Такие милые, приветливые, вежливые люди меня окружают… Медленно сжимая кольцо. Да что там, когда отдыхаю – скрываю пункт назначения до победного конца, до самого вылета. И то, как-то раз, прямо в аэропорту рядом со мной вился какой-то мужчина. Он летел со мной одним рейсом и совершенно бесстыдно направлял на меня свой кейс (со скрытой камерой естественно). Когда я прилетела в пункт назначения и поняла, что он еще и в моем отеле живет, тут же переехала в другой, зарегистрировавшись под чужим именем. Теперь только так.

Сегодня для меня совершенно точно существуют две Насти – одна в жизни, а другая – в прессе. У них есть что-то общее, но это два разных человека. Когда я даю интервью, я все-таки играю роль. Журналисты жалуются: «Вы умудряетесь столько всего говорить и в то же время не говорить ничего!». Правильно. Я уже боюсь сказать что-то лишнее, я знаю, что любое мое неосторожное слово может быть превратно истолковано. Я не хочу давать повода для грязи, сплетен, слухов, громких шокирующих заголовков. Мне этого хватило. Поэтому, каждый раз, когда я даю интервью, я внутренне напрягаюсь – каждое слово, каждое подлежащее и сказуемое проходят мой внутренний

допинг-контроль. Я готовлюсь к интервью заранее, чтобы не дать никому лишней пищи для фривольных размышлений. Но никакие меры предосторожности не помогают – про меня все равно пишут всякую чепуху.

Одно время все говорили, что я сама распространяю о себе слухи, подогреваю к себе интерес, сама проплачиваю статьи в желтой прессе, что нам все это очень выгодно – такой черный пиар. Вот это полный бред, скажу я вам. Это такое чудовищное, невероятное вранье. Лживая ложь, простите за каламбур. Мы прятались, как могли. Мы не знали, куда деваться. За нами велась самая настоящая охота. За нами двоими и за каждым из нас по отдельности. Однажды, когда мы записывали шоу, Иосиф Пригожин дал мне свою охрану только для того, чтобы довести меня до моей машины – такой ажиотаж устроили журналисты.

Родным и близким тоже досталось – на нервной почве одновременно заболели мой папа и наша няня, которая с нами уже больше двенадцати лет. У них обнаружили рак, и это было таким страшным ударом! Слава богу, они вылечились, но чего нам всем это стоило, каких моральных сил…

В какой-то момент количество публикаций обо мне, Стрюкове и Жигунове побило все разумные пределы. Крупицы правдивой информации и горы всевозможной ерунды. Резали по сердцу, по нервам. Позже я узнала, что в газете «Твой День» ежедневно на планерке стоял вопрос «что будем делать с Заворотнюк сегодня?». Мне шили в любовники всех, с кем я работала, всех, кто просто стоял рядом, и кто никогда даже рядом не стоял… Я иногда вставала перед зеркалом, смотрела на себя и думала: «За что же они меня так ненавидят?». Как-то раз кто то из моих преследователей меня просил «Ну, скажите что-нибудь! Ну, скажите!». И я ответила: «Хорошо, я скажу. Пожалуйста, кто-нибудь, защитите нас от этого кошмара! Помогите! Кто-нибудь! Милиция, прокуратура, суд! Очень вас прошу!».

Уже позже мне объяснили – это по любви. Я им нравилась. Очень нравилась. Просто так совпало. Наш с Сергеем роман, который все-таки случился. Ну, невозможно было устоять, когда все вокруг уже давно нас «поженили». И в сериале мы играли героев, у которых разыгрывался головокружительный роман, и ежедневно вся страна желала, чтобы мы стали парой. А нас не отделяли от наших героев, и меня некоторые до сих пор случайно называют Викой, а Жигунова – Шаталиным. Знаете, когда такое большое количество людей о чем-то мечтает, то волей-неволей, впадаешь в это состояние, становишься как бы частью общей игры. Столько было разговоров на эту тему, столько вопросов. И ведь мы же никого не обманывали – поначалу речь о каких-то там

чувствах между нами вызывала только улыбку. Но как-то так получилось, что мы стали близкими людьми. Нас сблизили обстоятельства, и человеческий фактор сыграл здесь немаловажную роль.

18.

С момента первого знакомства наши отношения с Сергеем Жигуновым претерпели сильные изменения: началось с взаимного неприятия, а потом – нас сблизило сначала общее дело, потом – деловое партнерство, а теперь нас связывал сумасшедший замысел. Мы решились на большое кино.

Вообще, я очень долго не могла обратиться к нему по имени. Мне казалось страшным говорить: «Знаете, Сергей…» или «А как вы думаете, Сергей». Это было бы как-то неестественно, что ли.

Я его вообще никак не называла. И он тоже – не называл меня Настей, как бы предупреждая наше сближение. Кстати, здорово помогало. Ведь ничто так не отвлекает от работы, как роман. А работа на тот момент для нас обоих была на первом месте, хотя мы оба уже чувствовали, что наш совместный бизнес может вылиться в нечто большее. И оба очень боялись этого.

С чего это началось? Я имею в виду кино, конечно же. Все очень просто: с разговоров в гримерке. Мы обсуждали то, что «Няня» принесла мне много хорошего, но вместе с тем есть большая опасность остаться в этом образе навсегда, чего бы, конечно, не хотелось. Потому что профессионалы кинобизнеса не захотят со мной связываться, поскольку восприятие – инертно, оно не может повернуть вспять по желанию заказчика, оно будет двигаться туда, куда его направили с самого начала. И нужно было срочно менять траекторию моего полета, пока я, как наша Солнечная система, не угодила на задворки Млечного пути и не застряла там навсегда. Понятно, что можно навсегда остаться «Няней», и очень долго быть очаровательной хозяйкой шоу на телеканале «Россия», это ведь тоже долгоиграющая история. Но мы решили снять фильм. И соображали – какое направление выбрать, какой из всех возможных сценариев нам бы подошел как нельзя лучше?

Мы понимали, что нам нужно резкое изменение курса, прыжок в сторону от Вики, экстремальный, головокружительный бросок. У нас не было никакой основы или сценария, мы просто думали, пытались представить, что бы это могло быть. Сначала задумали сделать картину про гонщиков, московских стритрейсеров во главе с Настей Заворотнюк. Героиня – отчаянная девица в кожаной косухе, так сказать «принцесса ночных трасс». Но как-то это все наивно звучало. А хотелось мировых масштабов, не сцены ночного клуба, а прямо стадиона какого-то. Полет ничем не ограниченной фантазии дошел до таких высот, что постепенно мы пришли к мысли о том, что

Джеймс Бонд – это не так уж и плохо. В смысле, агент 007 в женском облике.

Я должна была превратиться в femme fatale. Моя героиня – соблазнительная, как новая коллекция в Третьяковском проезде, резкая, как удар ноги Аршавина, бесстрашная, как Зоя Космодемьянская и стремительная, как военный истребитель СУ 27. В общем, как Джеймс Бонд, только лучше, потому что женщина, да к тому же еще и русская. И проблемы моя героиня должна решать не детские – будет спасать человечество от гибели. Пускай, для начала, остановит апокалипсис, что ли. А там посмотрим.

Появился сюжет. Террорист мирового масштаба Джафад располагает атомными бомбами, украденными с затонувшей российской подлодки. Четыре бомбы находятся в мировых столицах – Москве, Токио, Нью-Йорке и Париже. Заряд активизируется с помощью кода. Для того чтобы привести их в действие достаточно одного телефонного звонка. Моей героине, полковнику ФСБ, поручено узнать этот код. Она внедряется в доверие к террористу, становится сторожевым псом Джафада.

В первых кадрах это обворожительная, хрупкая женщина, но на поверку она оказывается смертельно-опасной. Мне предстояло сыграть роль – такую стальную, непоколебимую уверенность в себе, в своей силе. Но в то же время моя героиня – женщина, настоящая женщина, ей тяжело, у нее нет друзей, а единственный близкий ей человек погибает. Она выполняет задание, но тут замешана и личная месть. Девушка не знает пощады – крошит все, что ей попадается на пути, прет, как танк, и никто и ничто не в силах ее остановить.

Постепенно наши мечты стали превращаться в реальность – появились консультанты из ФСБ, а так как сценарий писался конкретно под меня, наш проект привлек крупных инвесторов. Мы обрастали бюджетом, огромными деньгами. И всем стало понятно, что такой дорогостоящий проект просто обязан стать настоящим мэйнстримовым хитом.

В идеале мы хотели устроить премьеру «Красивой» (рабочее название картины) сразу после завершения «Няни». Задумывался такой кульбит: сегодня няня, завтра – супер-агент. Вот, одна моя героиня гламурненько выходит замуж за Максима Викторовича Шаталина, а другая, буквально через несколько дней, спасает мир. Мы пытались представить себе, как зрители на это отреагируют. Но процесс работы над картиной был слишком сложный, мы не хотели отказываться от наших задумок, не хотели жертвовать размахом, грандиозностью проекта. Мы опаздывали. Возможно, если бы «Код Апокалипсиса» вышел на

восемь месяцев раньше, эффект от картины был бы совсем другой. Хотя, в процессе работы и так стало понятно, что к героине из «Няни» новая героиня никакого отношения не имеет. И зрители уже отошли от Вики Прудковской, и я изменилась за это время.

Приключения в стиле бондианы – это такая современная сказка, экшн, трюки, невероятные спецэффекты. И эта сказка перемещается из страны в страну. Это дорого, но в этом есть свой стиль, как в ароматах от Chanel. Джеймс Бонд не бывает за три рубля в базарный день. Герой всегда блестяще одет, у него хорошие манеры. Шикарные женщины вокруг. Он всегда немного ироничен. Он безупречно владеет любым оружием и техникой боя. Автомобили, яхты, самолеты, вертолеты – ему подвластно все, все к его услугам. С утра до вечера он спасает мир от нависшей угрозы.

Вот и я должна была стать безупречной и спасти мир. Но я не умела делать ничего из набора шпионки. Не владела боевыми искусствами, не прыгала с парашютом, никогда в жизни не стреляла. И уж что говорить, я просто не представляла себе, как это – ударить человека?! Но самой главной проблемой все-таки оставалась моя внешность. Такая добрая, приветливая, привычная Настя Заворотнюк. Кто же мог поверить в то, что она опасна, как гремучая змея. Ту т хоть с ног до головы обвешайся погремушками, а все равно – не страшно ни капельки. Поэтому, прежде всего мне потребовалась кардинальная смена имиджа.

Мы нашли какого-то страшно знаменитого французского стилиста. Арно. Он создает самых красивых женщин Франции. И не только Франции – вот уже лет пять он работает с Шарон Стоун.

Мы отправились в командировку, в Париж. Накануне нашей встречи у Арно был день рождения, он отмечал свое сорокалетие. И наш французский сопродюсер Пьер рассказал, что на вечеринке у Арно встретил всех самых роскошных и знаменитых красавиц. Они все пришли поздравлять своего «мастера» – топ-модели, актрисы, певицы.

Мои фотографии, записи с «няней», отправили стилисту заранее. И попросили максимально отойти от образа Вики Прудковской. Я была уверенна в том, что Арно, в первую очередь, будет менять цвет волос. Это первое, что мне пришло в голову. Мы встречались с французской группой Апокалипсиса, с актером Венсаном Пересом, который должен был играть главную роль, и много обсуждали. Продюсер Пьер – чернокожий мужчина лет сорока восьми, очень красивый, с потрясающим, низким бархатным голосом, все смотрел на меня, разглядывал. И с его лица не сходило выражения недоумения, смешанного с легким

оттенком разочарования. В глазах – немой вопрос «Вы что – с ума сошли? Вот это – подполковник ФСБ?!». И я поняла, что совсем не обнадежила его. Впрочем, он был достаточно спокоен, но чувствовалось, о чем он думает: «Русские ребята странные. Ну, если знают, что им надо, пусть делают. В конце концов, картина не моя – пускай сами выплывают, как знают».

Наутро по прилету в Париж я очень волновалась. Приехал Арно со своим молодым человеком. Сразу обнадежил:

– Прекрасно!

Я растерялась.

– Извини меня, пожалуйста, я неважно выгляжу, – сказал Арно. – Но ты меня должна понять. Отмечал вчера день рождения.

И мне понравилось, что никакого в нем нет пафоса, никаких рассказов о своих достижениях, хвастовства. Он извинился за помятое лицо, объяснил, что было много выпито, и сообщил, что, наконец-то, нашел свою вторую половину. Поведал трогательную историю о том, как порадовалась его мама за него, когда он представил ей своего друга. «Наконец-то, сынок!».

Я сижу, слушаю, а сама жду экзекуции.

– Жалко, что тебя вчера не было… Ну, ладно, давай работать.

– Давай… – говорю.

– Ну что ж, прекрасно!

– Ой, не надо говорить мне это слово «прекрасно» все время, а то я перестану в него верить. Давайте уж, перекрашивайте меня.

– Нет!

– Как это – «нет»?! Черный цвет волос для главной героини просто невозможен, я же знаю.

Он слишком сложный, – выдаю я свои глубокие познания в кинобизнесе, на что тут же получаю встречный вопрос:

– Это какой твой фильм по счету?

Я парирую вопросом на вопрос:

– Художественный?

И тут же краснею.

– Так вот, я тебя спрошу: для Моники Белуччи темный цвет – это сложно? А ее волосы абсолютно идентичны твоим. И по структуре и по цвету.

И дальше он мне выкладывает целый пасьянс из черноволосых актрис, которые живут и снимаются с этим цветом припеваючи.

– Ты не должна менять цвет! Потому что твой цвет звучит в один голос с темпераментом, с твоей внутренней жесткостью. Этот цвет – он spicy, черный перец, придает тебе остроты. И если ты его поменяешь, станешь как переваренная картошка. А у тебя

должна быть такая агрессивная сексуальность. И без такого цвета волос, как у тебя, ее просто не будет. Я бы вот что тебе посоветовал, чтобы образ стал совсем невозможный – медовые линзы. У меня есть одна модель знакомая, она сейчас мисс Франции. У нее точно такого же цвета волосы и свои медовые глаза. Это просто невыносимо, это выглядит так, что просто хочется лечь у ее ног и умереть. И это только во-первых. А во-вторых, светлые глаза сбивают внимание, привлекая его к себе. Ты же супер-агент! Твой собеседник сразу завязнет в этих глазах, в этом меду. Ты улыбнулась, увлекла. И дальше делаешь с этим человеком, что тебе нужно. И это еще не все. В третьих – в тебе просыпается нечто волчье, хищное. Темно-желтые глаза, они горят. Желтый взгляд волчицы опасен. Манящий, завораживающий, пугающий и строгий образ.

И вот, когда я надела эти желтые линзы, я поняла его мысль. Мне раньше казалось, что мой темный взгляд – он жестче. Но я ошибалась. На самом деле, медовые линзы дали реальную жесткость. Глаза стали ярче и холоднее. Ты держишь оборону, и никто близко не подойдет. Пожалуйста, пробуй, но ты упрешься в стекло, которое тут же возникнет между тобой и этой женщиной.

Арно сделал грим, причем, очень быстро. Начал рисовать глаза. И когда он их нарисовал, у меня абсолютно пропало желание улыбаться. Раньше я была уверенна в себе, только когда улыбалась. Мне казалось, что от меня только этого и ждут. И вдруг смотрю – мне не нужна улыбка. И я успокоилась. Этот образ был достаточен для всего. Пришла уверенность, которой я раньше не чувствовала.

Арно спросил:

– Тебе это нравится? Вот так ты должна играть!

Пришел наш оператор, посмотрел на меня, удивился. Говорит:

– Слишком много краски на глазах, так нельзя.

– А ты попробуй. Нет, значит нет. Больше не будем говорить на эту тему.

Арно очень мягко, не конфликтуя ни с кем, предложил:

– Поснимайся, Настя. Сделайте кинопробы нового лица. И вы поймете, что такой грим отлично уживается с пленкой.

Любовник Арно, трогательный молодой человек, тем временем быстро сбегал за ножницами. И Арно стал меня стричь. Убрал длинные волосы, остатки химии, все наследство, оставшееся от «Няни». Он оставил длинное карэ, и дальше просто рвал волосы, челку. Все рваное, клоками, все висит. Он сжимает это руками, укладывает… Моему удивлению нет предела.

Первым зашел французский продюсер Пьер. Увидел меня и ту же тихо сказал:

– Все. Фильм есть.

Его восторгу не было предела. Он остался очень доволен.

Дальше пришли наш директор картины и исполнительный продюсер. И увидели совсем другую, незнакомую женщину-волчицу. А потом пришел Жигунов. Смотрел, смотрел, да так молча и вышел.

Арно спрашивает:

– Это что он сейчас имел в виду?

Я говорю:

– Он в коме. Не обращай внимания.

А потом Арно сделал мне второй образ, условно – стиль героини «вне игры». Зачесал волосы в низкий хвостик, ровный, гладкий. Уложил челку. И вот, я остаюсь с этим гримом, с хвостиком. Мы единогласно все это утверждаем, и я действительно перестаю улыбаться. Я так себя комфортно почувствовала – ничем не надо добирать, никакого гарнира в виде шуток, улыбок. Я самодостаточна. И мне так хорошо в этом состоянии! И внутри что-то происходит со мной, какой-то процесс, которому главное не мешать.

В тот вечер мы пошли ужинать в ресторан на Елисейских полях. Решили прогуляться – шли пешком. Мне это было необходимо, мне надо было выгулять свой новый образ, выйти в новом амплуа. Вокруг кипели страсти: машины гудели, прохожие останавливались. Все весьма эмоционально выражали мне свое восхищение. Я, в общем-то, никогда не страдала от недостатка внимания, но это было что-то невероятное! Что происходило на улицах Парижа – не передать. Я забавлялась. Это была и я, и не я одновременно. Как прав Арно! Глаза светились, походка изменилась, осанка. Конечно, я очень ждала перемен, думала: «Господи, дай мне человека, который придет и увидит во мне другую женщину. И пусть у него хватит фантазии и мастерства!». И вот, свершилось. Я была другая, такая, какой не приснилась бы себе в самых радужных и волшебных снах.

Вообще, я, как, наверное, и многие другие женщины, очень зависима от костюма и от грима. Ведь граница между внутренним и внешним – вещь условная, никто не сможет вам с точностью до миллиметра указать, где она проходит, где заканчивается внешнее, и где начинается внутреннее. И точно так же как наше настроение влияет на наш внешний вид, так же и наш образ влияет на наше состояние. Именно поэтому психотерапевты настоятельно рекомендуют больным депрессией носить яркую,

интенсивной раскраски одежду. Это действительно работает. Но работает в двух направлениях – если что-то не так с костюмом, это может отобрать все силы. Какой-нибудь шовчик завернулся не туда, или локон в прическе сбился, и все – я не могу отделаться от мысли, что у меня неправильный костюм, неправильный грим и прическа. Очень сложно, будучи женщиной, не обращать на это внимания. Кажется, что это замечают все. Я сразу начинаю нервничать. Наверное, это плохо. Но, мне кажется, это чисто актерское. Такие уж мы зависимые от всяких мелочей люди.

В отеле мой новый образ произвел настоящий фурор. Уходила милая, улыбчивая дамочка, а вернулась хищница. Шпионка. Независимая, притягательная и опасная.

Ночью весь грим был смыт, но прическа осталась. И осталось это чувство. Оно зафиксировалось. Ты умываешься, а ощущение нового лица все равно остается. Это лицо женщины, которая не пытается произвести впечатление. У нее есть своя цель, свое выверенное направление, и она туда идет.

Арно обещал начать работать над фильмом и делать мне грим две недели. Но моего волшебного стилиста срочно вызвала Шарон Стоун. Вот уж никогда бы не подумала, что буду делить с ней парикмахера!

Арно улетел в Америку, предварительно записав обучающую программу. Но эксклюзивный грим никто не мог повторить в точности таким, каким его делал Арно. Это было настоящей проблемой. Мы пробовали воспроизвести художественные находки Арно в Москве, но они давались сложно. Это такая тонкая вещь – взмах кисти, щеточки, губки. Те м более, что Арно делал почти подиумный грим, настоящий фэшн. Наши специалисты, работающие в кино, к сожалению, не владеют этой техникой. В итоге, путем проб и ошибок, мы нашли человека, который сделал мне подобный грим. Причем, достаточно удачно. В современном отечественном кинематографе нет ни каскадеров международного уровня, ни гримеров, но есть отдельно взятые замечательные люди, которые могут делать все это и очень даже неплохо.

Надо сказать, актеры крайне редко идут на кардинальное изменение внешности. Ведь это большой риск. И дело даже не в том, что ты боишься стать хуже, чем была. Дело в другом:

из фильма в фильм актеры стараются сохранить один и тот же внешний образ, с которым их уже полюбил зритель. Стараются не менять ничего – ни прическу, ни длину, ни цвет волос.

Замереть в этом образе. Застыть. Наверное, это имеет смысл. Но мне к этой всенародной любви к няне было уже нечего прибавить. И внешне, и по характеру. Передо мной встала противоположная задача – не закрепиться в образе Вики Прудковской. Я вовсе не хотела, чтобы все стали говорить: «Вы посмотрите на нее – да разве она менялась когда-нибудь? Не менялась. Она всегда была такой. Всегда. Да она и не может стать другой». У нас много актеров, чей неизменный образ навсегда впечатался в сознание публики. Это канон, его эталон. Найдено то, что тебе идет, и это любимо. Стоп, снято!

Но с другой стороны, есть же Джонни Депп. И он всегда новый! Каждый раз максимально уходит от полюбившегося образа. Он не боится, и любовь к нему не уменьшается. Ему ничего не страшно. Такой, знаете, стейдж-дайвинг – когда рок-звезда на пике эмоций падает в публику а та не роняет его, а держит на вытянутых руках, качает, словно на волнах. Такое доверие между артистом и благодарным зрителем. Это чудо. И это особенная, феноменальная внутренняя пластичность.

19.

В Москве я начала готовиться к съемкам. И во второй раз столкнулась с удивительной особенностью американских кинематографистов работать с артистами. Они настраивали меня на нужную волну, когда я пришла в кинокомпанию «Амедиа» на съемки «Няни». И все в точности повторилось на «Коде Апокалипсиса».

Каскадеры просто великолепны. Они демонстрируют свое мастерство, возможно, им в мире нет равных по смелости и дерзости. Но, начиная работать с тобой, они весьма скептически оценивают твои возможности. Говорят снисходительно: «Милая, сейчас мы тебе покажем, конечно, как можно сделать трюк, но… Ты уж извини…». Что означает: руки и ноги растут у тебя не оттуда. Актриса безнадежна. Сгодится разве что на картинку. Лучше ей вообще не шевелиться в кадре. И так далее. В показе наших каскадеров всегда присутствуют какие-то запредельные движения, которые вообще не нужны. Какие-то изощренные. Ну, не бьют так в кино. В кино бьют по-другому, и не важно, как бывает в жизни. Та к тебе никто не поверит. Это как в фильме «Мистер и миссис Смит» – Анджелина Джоли в одной сцене с пистолетом, затем вдруг с автоматом, а потом – еще с чем-то. Но это – кино. Зрелище. Все работает на ритм восприятия. И в бою так. Удар не может быть быстрым, как в жизни. Его надо отыгрывать. Один раз треснул, враг упал и все. Ну, ребята, так же нельзя! Это и некрасиво и неинтересно. Вообще, единственный короткий бой, который действительно имел право на успех, это схватка один на один в приключенческой картине Стивена Спилберга «Индиана Джонс и Храм обреченных». Когда Харрисон Форд, где-то на базаре в Индии встречается лицом к лицу со страшным индийским моджахедом, который тут же демонстрирует свое виртуозное владение острым мечом, размахивая им с дикой скоростью перед лицом киногероя. Нам кажется, что доктору Джонсу настал конец, и его вот-вот порежут на сари. Но тут он устало вздыхает и неожиданно выхватывает из-за пазухи пистолет, стреляя в упор по мастеру боевых искусств. Бум! Враг сражен наповал. Зритель хохочет. Но если мы не снимаем комедию, а снимаем серьезный боевик, тут нужно смаковать бой. Та к сказать, бить медленно и с удовольствием.

В общем, я как обычно стала паниковать. И когда приехали американцы, выдала свою коронную фразу:

– Не смогу я! Ну, не умею!

Правда, на этот раз – «не умею драться». Но американцы меня

как всегда успокоили:

– Не волнуйся, научим!

И действительно, буквально через два месяца я производила впечатление девушки, которую можно ставить в бой с Умой Турман.

Затем, американцы сказали:

– А сейчас мы снимем видеоклип для тебя, чтобы ты в минуты сомнения видела, какой ты можешь быть.

Сняли. Получилось… Ну правда получилось. Это невероятно. Это была не я! То , что я там увидела, вообще было не про меня. Я была готова поверить в то, что это был мой двойник. Но не я. Нет.

Это была женщина, которая тренируется всю жизнь. Яркая, владеющая боевыми искусствами, красивыми, отточенными приемами. Американцы поставили мне движения, подстроенные под мой рост, под мою пластику, под фигуру. Они мне придумали определенный стиль боя, которого так и не сняли, к моему величайшему сожалению.

– Ты же не будешь кидаться на двухметровых мужиков?

Героиня должна была брать не силой. Как паук, она ныряла под врага и вылетала наверх с автоматом, в кувырке стреляла с пола. Это все не вошло в картину, но было сделано великолепно. И я перестала стесняться драки, своего неумения. Ударить ногой? Как можно?! А мне говорят:

– Спокойно. Та к надо. Работай, Настя! Все так прекрасно получается. Повтори двадцать раз, мы снимем, а ты посмотришь.

И, реально, сами показывали все приемы, подстраивая их под меня.

– Отрабатывай, учись. Это тебе пригодиться в дальнейшей работе – это очень полезные навыки.

И, правда, – теперь я могу еще хоть в двадцати боевиках сняться. Если не умру.

Фильм снимался в нескольких странах. Сначала мы месяц снимали в Париже. Понятно, все снимают Париж. И нам очень важно было обойтись без пошлого определения места назначения – без вида на Эйфелеву башню из окна. Режиссер Вадим Шмелев ото всюду ее вырезал. Лишь однажды она мелькнула в окне, не явно, так – вскользь. Все быстро – Опера, одну секунду, даже без видовой панорамы, известнейшее парижское кафе, для тех, кто понимает. Люди, окна, тротуары, подъезды. Герои тут плетут интриги, они не смотрят по сторонам, они не туристы. Я преследую врага. Мой враг – парижанин. Мы не разглядываем знаменитые архитектурные ансамбли города, мы их не замечаем. Значит, и зритель не должен фокусировать на них свое внимание.

Съемки занимали все мое время. График был жесткий. А с выходными мне страшно не везло – ну, не хотела моя судьба, чтобы я занималась чем-то еще кроме работы.

Накануне выходных я пошла в ресторан с Ларисой, художником по костюмам. Мы заказали устриц, бутылку белого вина, и как набросились на эти явства! Я их обожаю, но иногда морепродукты вызывают у меня аллергию. И вот, ночью я просыпаюсь от того, что у меня поднялась температура. Вскакиваю – перед глазами чернота, все плывет, плохо мне. Умираю. Лекарств в номере нет, дойти до телефона не могу. Та к и лежала одна, не могла пошевелиться. Утром ко мне пришли, ужаснулись, принесли лекарства. Но температура не спадала. У меня еще съемки были полдня – так я всю дорогу горела, мучилась. И как назло – все шло очень медленно, время как будто остановилось. Прошло пять минут, а мне казалось, что уже промелькнул час как минимум. В итоге, все запланированные выходные я проболела. И зачем я ела этих устриц? Что за «дольче Виту» я решила себе устроить? То т парижский пир мы с Ларисой будем долго помнить.

У Вадима Шмелева была лавина идей. Он решил снимать Венсана Переса, секс-символа, любимца женской аудитории. И, значит, его отрицательный персонаж тоже должен был вызывать симпатию. Обнаженные плечи моей героини, ее ноги, красивые глаза (спасибо Арно) – все это непременно должно привлечь внимание этого ловеласа. Моя героиня готова начать игру. Она ничем не выдаст ненависть, хотя девять дней назад потеряла любимого человека. Она не может позволить себе эмоции. До самого финала.

Снимаем сцену встречи героев. Я за рулем красного «Ягуара», еду по Елисейским полям. Удовольствие, а не работа! Я в белых перчатках, у меня очаровательные, чистые ручки. И вот этими самыми ручками уничтожу пятнадцать огромных мужчин, которые, возможно, еще могли бы сослужить добрую службу своему работодателю… На мне белое платье с пояском, сумасшедший разрез, платок. Винтаж в стиле девушек раннего Джеймса Бонда. Я выгляжу беспечной, взбалмошной.

Трюки с автомобилями нам ставил человек, который работал с Люком Бессонном над фильмом «Такси». Мне надо было врезаться в шикарный «Бентли» моего врага. Это немного расстраивало – я питаю слабость к хорошим автомобилям.

Начали снимать в семь утра. И работали четырнадцать часов подряд! В Париже адская жара, а грим же не солнцезащитный. Я начала потихоньку сгорать. Дышать нечем. А делать нечего, не

прервешься. У нас контракт на съемку в этом месте и время ограничено.

Не могу не отметить своего партнера Оскара Кучеру. Он большой умница, замечательный актер. Его герой привнес в картину эффект комического восприятия истории. Он ехал поддержать агента ФСБ, а попал в гости к роскошной женщине, неудержимой фурии, и обалдел настолько, что до самой своей гибели не мог прийти в себя.

У нас с Оскаром были сцены, которые не вошли в фильм. Они изумительно сняты, очень странно режиссерски выстроены и смонтированы. И, честно говоря, неплохо сыграны. Эпизод, снятый плавающей камерой, когда я хожу по квартире и одеваюсь, за мной ходит Оскар, а я как будто его не вижу, собираюсь куда-то, словно его нет. Это наше первое по фильму знакомство, и герой Оскара расспрашивает меня про моего погибшего любимого. Мне тяжело переживать это снова. Но стараюсь чувств не показывать. Только нюансы. Из корсета торчит нитка – я отрезаю ее. Или размышляю, какие туфли надеть. Больше ни о чем не думаю – остальное уже решено. И моя героиня знает, что все со временем выстроится. У нее все очень органично, по-женски. И это был такой странный, годаровский стиль, такой тонкий, такой точный. Абсолютная внутренняя заполненность. Обидно, что этот эпизод не вошел в фильм.

На площадке все могут устать, кроме режиссера. Он должен быть огурцом двадцать часов в сутки. Такой Вадим Шмелев. Но иногда и его заносило. Да так, что мало никому не казалось.

В какой-то момент Вадим захотел, чтобы я летала. Сама по себе. Летай, и все тут. И без «летай» можешь не возвращаться.

Моя героиня по замыслу прыгает с башни в Куала-Лумпуре. Вроде как с парашютом, но не в чем нельзя быть уверенной до конца. Режиссер хотел, чтобы это был совершенно реально снятый эпизод, без компьютерной графики. Выяснилось, что где-то в пригороде Парижа есть аэродинамическая тренировочная установка. Та м занимаются парашютисты. В полном обмундировании, естественно: щитки на руках, ногах, коленях, на животе, на спине, шлем. Плюс такой специальный костюм, вроде костюма аквалангиста. Потому что эта такая труба, в которую снизу с безумной силой бьет воздушный поток, а вокруг защитная сетка и такой стакан из пластика.

Мы приехали туда, и наш режиссер стал объяснять женщине-инструктору (она была сильно беременная, буквально «на сносях»), что актриса будет летать в платье, и поэтому защитный

костюм, шлем, а также сетка – все это будет мешать съемкам.

Тренер просто не поверила своим ушам. Но потом, когда она поняла, что Вадим, кажется, говорит на полном серьезе, и что он и контракт готов подписать немедленно, лицо тренера вытянулось. Она начала объяснять, почему этого нельзя делать. В принципе, даже говорить об этом нельзя – это равносильно организации убийства. Это же чистое преступление! Потому что сила воздушного потока настолько мощная, что если убрать сетку, то человека выбросит, и он пулей пробьет пластиковый стакан. А если убрать стакан, то человека вынесет очень далеко, и где-нибудь за горизонтом его тело трагически стечет с какой-нибудь стены ко всеобщему разочарованию. Сила потока и сила вращения – невероятная. Это маленькое торнадо.

Вся наша группа тут же освежила в памяти все законы физики. Но не режиссер. Переговоры длились часа два с половиной. Все в запале, все кричат. А я сначала брыкалась, а потом и вовсе дар речи потеряла. Сникла. Вадим Шмелев продолжал настаивать на том, что это возможно, что ничего страшного в этом нет. Какое-то время Настя повисит в трубе с инструктором, а потом – инструктор ее отпустит и она повисит одна. Чего же тут сложного? Но тренер беременная ему объясняет:

– Я руковожу этим аттракционом, у меня миллион прыжков. Многих здесь тренировали, но никогда в жизни я не позволяла никому рисковать. И никому не разрешу делать это без страховочной защиты, хоть с инструктором, хоть без. Потому что будет две жертвы. Разобьются оба, это точно. А напор уменьшить нельзя, потому что тогда не произойдет зависания.

Но Вадиму так понравилась идея, он был практически не в себе. В его воображении я уже летала, он был глух к доводам.

– Нет, давайте как-нибудь!

Ему нужно было выяснить хотя бы теоретическую возможность хоть какой-то лазейки.

– На какой угол мы можем снять?

– Ни на какой! Невозможно – не будет натяжения.

– Хорошо… Какой сегмент мы можем снять?

– Никакой! – отвечала тренер, – И, кстати, в трубе очень холодно. Без специального костюма туда в любом случае нельзя.

– А если ее одеть потеплее? – не унимался режиссер.

– Так зачем же одевать тогда, если без защиты она даже руки развести не сможет, имитируя полет с башни, – ей же без защиты руки сразу оторвет.

Наша группа начинала медленно сходить с ума. Какой потеплее одевать?! Героиня прыгает с Башни в Малайзии, там

жара. В шубе же не спрыгнешь!

Тогда жизнелюб Шмелев предложил альтернативный вариант. «Мягкий». Подвесить меня на тросах в потоке воздуха. Те м более, что он узнал, что совсем недавно на этой самой установке тренировался Венсан Кассель. Правда, при полном обмундировании и страховке. И прыгал потом с парашютом. Но, возможно, Кассель считает, что для него это необходимо – так время проводить. Мало ли? Говорят, у него ссоры с женой Моникой Белучи. Может, он так переживает, что ему жить надоело. А мне пока нет. Ну без шуток, разговор-то шел не на жизнь, а на смерть.

Слава Богу, я не полетела. Вступился оператор, сказав, что невозможно поставить свет. Этот довод Вадим сразу понял. На том и сошлись. Из-за того, что не смогли поставить свет, Настя не будет гибнуть в аэродинамической трубе.

20.

Норвегия, куда я попала впервые, оказалась сказочно красивой страной. Сначала мы приехали в Берген, портовый городок в южной части страны, на Атлантическом океане. Здесь нас моментально сразил наповал неподражаемой аромат свежей рыбы. Такой пьянящий, притягательный. Ноги сами понесли нас на рыбный рынок. Мимо пройти было просто нельзя! Мы накупили рыбы, налетели на нее с такой жадностью, как голодающие. Объедались несколько дней – и на обед, и на ужин. Не могли оторваться.

Прилетел Владимир Меньшов, мой земляк. Спрашивает:

– Скажи мне, Настя, как астраханка астраханцу, рыба здесь ничего?

Я отвечаю:

– Ну, невозможно какая вкусная!

Он набрал разных сортов, повез в Москву. Говорит, часть съел прямо в самолете. Невероятная рыба! И каково было мое удивление – на норвежскую рыбу у меня никакой аллергии не было.

Владимир Меньшов играл моего наставника, генерала Харитонова. Он не просто коллега – моя героиня ему как дочь. Это такие жесткие, сдержанно-холодные отношения, в глубине которых таяться любовь и сочувствие.

В бою на яхте гибнет герой Переса. Это провал операции. И вдруг среди ночи обольстительный француз звонит. Он жив! Ему нужна моя героиня – «код апокалипсиса» связан напрямую с событиями ее жизни.

Ночью мы снимали телефонный разговор двух заклятых врагов. Я помню, как стояла на балконе, на краю кадра, а позади меня мачты, и они все время движутся, их колышет волной. Это так красиво!

Мы провели в Бергене две недели. Наш отель стоял у самой воды, на берегу залива. Я так полюбила смотреть в окно на эту подвижную картину, на яхты с мачтами. Здесь такая спокойная, размеренная, мудрая жизнь. Здесь люди веками приспосабливались к стихии. И наша съемочная группа приспосабливалась. Мы постепенно становились похожими на норвежцев. Однажды, гуляя под дождем, я промочила кроссовки и тут же купила себе сапоги, теплую кофту. Сапоги рыбацкие, и кофты тоже специальные, вязанные, но непромокаемые – их носят вместо плащей. И детям я накупила смешных шапок, варежек,

теплых свитеров с национальным орнаментом. В таких вещах столько очарования, столько домашнего тепла и солнца.

Потом наша экспедиция отправилась в Эрланд. Сначала снимали погоню, и я несколько дублей бегала по лесу. Та м болото, ямы, ветки. Бегала и моя дублерша. Но в какой-то момент она споткнулась и порвала себе связку. Это была настоящая катастрофа, потому что через день снимали бой на яхте. И там должна была работать в основном эта самая каскадерша. В итоге, мне пришлось все делать самостоятельно. Я таскала тяжеленный боевой автомат. Он весит несколько килограмм, а надо держать его легко, он как продолжение твоей руки, часть твоего тела. Конечно, приятно смотреть, когда сама играла. Но получилась совсем не такая крутая драка. Задумывали просто фейерверк. По сценарию, яхта взрывается, я падаю, прикованная наручниками к стулу, в море. И мне предстояло самой упасть. Сцену снимали во фьордах. Середина лета вроде бы. А температура воды – четыре градуса. Причем, я же не могу заранее надеть водолазное обмундирование.

Понятно, что доснимали бы в каких-то более теплых морях. Но упасть в воду и вылезти надо было в Норвегии. Дивной красоты берега, холмы в панораме, восхитительная картинка, и вот она – я! Мокрая, холодная как лед, с синими губами, красными глазами, сведенными судорогой ногами. И будут потом говорить на монтаже: «А что? Заворотнюк, кстати, очень эффектно утонула!».

Мое погружение отменили. Как я радовалась! Но опять же, хочу заметить, что пожалели не меня. Пожалели яхту. Она очень хорошая и взрывать ее по-настоящему было жалко. Да и дорого… Рука дрогнула, все отменили.

Эрланд – удивительное местечко. Домов на тридцать. Край света, в котором есть все, шикарная гостиница, отличное шоссе. Совсем не скажешь, что это провинция. В первый же день я решила, что если мне придется провести здесь три дня, я умру со скуки, просто погибну от тоски. А через неделю я поняла, что нужно остаться в Эрланде навсегда. Мне захотелось поселиться вон в том домике, который стоит высоко-высоко над водой. К нему нет никаких подъездов. Я спросила: как же там люди обходятся без дорог? Мне объяснили: надо на лодке подплыть, а потом пешком подниматься, и точно так же спускаться. Это так ужасно. И в то же время так притягательно. Я спросила:

– А я могу купить этот дом?

Мне ответили:

– Да, он продается. Но его уже двадцать лет никто не покупает. Поэтому, если вы захотите там жить, думаем, местные власти разрешат.

И я стала мечтать. Вспомнила, что раньше были такие сеточки плетеные – авоськи. В них носили картошку. Вот и я захотела, чтобы у мня была такая авоська, я жила бы в домике над водой, спускалась бы в порт за продуктами. И смотрела бы на этот мир, и думала только о нем. Возможно, моя фантазия была продиктована усталостью (это мой бич), желанием привести мысли в порядок. Такая медленная, вечная красота, которая постепенно проникает в тебя – мне этого так хотелось. Это не океан – ты видишь берега. Вода зеленая, прозрачная, очень холодная. Зеленые склоны. Повсюду мощные водопады, с гор текут реки. И шумят, шумят. Та кое раздолье для созерцания.

Как-то в шесть утра мы на катере летели к месту съемок. И вдруг каскадер мне говорит:

– Оглянись, только тихо…

И я вижу – рядом с нашим катером всплывает черный кит. И я чувствую себя букашкой рядом с этой огромной черной глыбой. А рядом с китом – китенок. Настоящий кит с детенышем! Они всплывали, один раз кит сделал фонтан. К сожалению, тот момент не сняли – не успели. Но я видела чудо природы и до сих пор вспоминаю этот случай с благодарностью.

Наша группа выбрала для съемок фильма удивительные страны и города. Из Северной Европы мы отправились в самое сердце эпохи Возрождения. После игрушечных городков и сказочных пейзажей Норвегии, мы с нетерпением ждали встречи с Флоренцией. Столица Тосканы стала нашим домом на три недели.

Приехали. Я, Вадим Шмелев и Оскар Кучера пошли поесть пасты. Маленькое кафе, какое-то совсем простое вино, обычная, ни к чему не обязывающая еда. Мне позвонили, я вышла из ресторанчика. Накрапывал дождь, солнце было скрыто за облаками. Я стала рассматривать балконы, крыши. Все такое небольшое и очень комфортное для глаз. И представляешь, что здесь стояла Джульетта, по этой лестнице поднимался Ромео. И все эти образы ожили, наполнили мое воображение. Невозможно на все это спокойно смотреть. Такое ощущение, что ты в городе из декораций, в другой эпохе, в шекспировские времена. И, наверное, флорентийцы так и чувствуют мир, сквозь толщу веков. Их знаменитая картинная галерея Уфицци – живой Ренессанс, совершенно доступный для восприятия. Один из первых музеев в

истории человечества, он основан в XVI веке, его коллекция собрана из частных коллекций, принадлежащих дому Медичи. Но ощущение, что он создан для тебя, накануне твоего приезда! Мне повезло туда попасть, потому что вскоре он закрылся на реставрацию, никто в мире не сможет увидеть это еще несколько лет. Я попала туда по случаю – туда шли наш редактор Ирина, художник по костюмам Лариса, исполнительный продюсер Зульфия. Я попросила сделать мне приглашение. Его надо заказывать заранее, записываться.

И вот мы переступаем порог этого знаменитого музея. Кругом шедевры Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи. Но нет привычной для знаменитых музеев гнетущей невозможной высоты потолков, ничего тебя не отвлекает. И вот оно – так близко! И у меня слезы текли по щекам.

Вообще, мир Флоренции изыскано прост, соразмерен. В ресторане, который считается самым лучшим во Флоренции две-три небольшие комнаты, выбеленные стены. Все очень сдержанно, даже я бы сказала – скромно. Никаких изысков. Кухня – волшебная, словами не описать. И подлинники Караваджо на стенах. За столиками сидит местная аристократия, они проводят там вечера. Потомки старинных тосканских семей так внимательно нас разглядывали. Приветствовали: «Добрый вечер!». Иногда краем глаза косились – интересно же, пришли новые люди, незнакомые. У них белые лица без загара, невероятно красивые черты. Спокойные разговоры, спокойные движения. Они совсем не похожи на итальянцев. И нам было очень приятно потихоньку наблюдать за ними. И это имело непосредственное отношение к галерее Уфицци.

Венсан ни разу за весь съемочный период не выпил ни одного миллилитра алкоголя, не выкурил ни одной сигареты. Когда мы поднимали бокалы с вином, он, даже за ужином, только дотрагивался до напитка, но не пил – настолько важна для него работа, его состояние «боевой готовности». И вот, в тот вечер был решающий футбольный матч: играли сборная Италии и сборная Франции. Представляете, что значит для француза быть в этот момент среди итальянцев? Та к вот, как раз за ужином мы узнали, что Франция проиграла. Венсан тихонечко попросил Вадима заказать ему водки. Вадим, хоть и не понимал его, но слово «водка» ему было знакомо не понаслышке. Несколько удивленные столь смелым выбором аперитива официанты принесли бутылку «Столичной». И когда Вадим попытался налить Венсану рюмку, тот категорически отверг столь незначительное количество и обреченно поставил перед режиссером стакан для воды. Вадим стал лить водку, а Венсан показывал ему рукой «еще, еще!». Когда

стакан был полон (а вошло туда примерно полбутылки), Венсан тихо выпил все это залпом. И так же тихо продолжал скорбить о поражении. Мы забеспокоились: на следующий день была назначена ответственная съемка – с раннего утра мы должны были снимать сцену в гостиничном номере. Но подумали, что если он так решительно смог хлопнуть стакан водки, то, значит, мужчина он крепкий, выдержит.

Главную интригу снимали в старинном отеле. У входа стоят колонны из белого каррарского мрамора, самого ценного в мире. Есть кадр, где я захожу в отель. И он так снят – как в дымке. Это не перепутаешь с Парижем. Город и воздух совсем другого цвета. Здесь это старина, вечность. И колонны белые – они как будто плывут в этом густом тумане. Очень красиво, изысканно, тонко, едва уловимо.

Номер для съемки нам предоставили сногсшибательный – подлинники величайших мастеров Ренессанса на стенах, старинная мебель, венецианское стекло… У нас был только один день для съемки в этом номере – на следующий день в него должен был въехать сам сеньор Берлускони! Я репетировала сцену в роскошной кровати XV века. Именно в этом неподражаемом интерьере моя шпионка должна была поразить воображение «палача» Переса. Он видит ее, увлекается, зажигается и оказывается в ловушке.

И вот, на следующее утро Венсан не появляется. Мы волнуемся, будим его – а он не то что встать, он сказать ничего не может. Мы ему «как ты?», а он «ууууууу», мы ему «голова болит?», а он «ууууу». На все вопросы только так и отвечал. Ууууууу. Мы не знали, что с ним делать. Хоть рассол с оливок сливай. Караул. Если бы не случай, не знаю, как бы Венсан снимался – он даже ходить не мог, не то, что играть.

Наши осветители расставили свет еще с самого утра – а один осветительный прибор случайно поставили близко к пожарному датчику. Когда лампа нагрелась до нужной температуры, датчик отреагировал – с потолка полилась вода. Ее не могли остановить – противопожарная система работает как часы. Номер в считанные минуты был полностью уничтожен. Все картины, все предметы роскоши, которые мало-мальски боятся воды. «Моя» кровать XV века… Да, кажется, я была последней, кто на ней лежал. С отрывом, так сказать, опередила Берлускони. Он в номер, кстати, так и не въехал – въезжать было, в общем-то, некуда. А счет за «номер» был космический – перевалил за миллион евро. Ну, очень дорогой фильм сняли. Очень.

Единственный, кто радовался и был несказанно благодарен

горе-осветителям, это Венсан. У него выкроился целый день на похмелье. Человеку дали отлежаться, спокойно пережить и отравление, и поражение любимой команды. Счастливчик!

Несмотря на «дыхание вечности», Флоренция – современный европейский город, шумный, энергичный. Я снималась в очень коротком платье, в черных чулках. И проезжающие мимо мотоциклисты останавливались и восклицали:

– Ооооо!

Мы им показывали: проезжайте, проезжайте! А они:

– Снимайте, снимайте! Мы не будем мешать – только на красотку посмотрим и все! Оооо!

Мы с Венсаном кружили по площади перед отелем. Венсан спортивный, подтянутый, в хорошей физической форме. Я старалась ему соответствовать. Моя героиня должна быть на шаг вперед – умнее, хитрее, проворнее. Я прыгала на бетон, бегала с пистолетом. Его даже на вытянутой руке держать трудно, а уж терпеть отдачу и вовсе больно. Но я научилась стрелять с открытыми глазами. Всю мирную Флоренцию запугала своими выстрелами.

В конце июля, самого жаркого месяца лета, стояла невыносимая жара – градусов пятьдесят, наверное. В тот день возникли проблемы с Мазератти», в которой мы с Венсаном снимались. И тут же пришло тревожное известие из дома: серьезно заболел папа. Я была в нокауте. Ни на что не обращая внимания, я села под кондиционер и сидела так несколько часов, пока чинили машину. Естественно, я сильно заболела. Началась череда неприятностей. Наш фильм «подвис» из-за проблем с финансированием и поэтому возник длинный перерыв в съемках. Вместо того, чтобы отправиться в Малайзию, я улетела в Москву, чтобы заняться семьей – детей я практически не видела, так, прилетала на два-три дня из Парижа, из Норвегии, да и родителям срочно была нужна моя помощь. А в Москве выяснилось, что у меня воспаление легких.

21.

Я человек очень азартный. В карты не играю, в казино не хожу – начинаю слишком сильно волноваться. Если я проигрываю в казино, могу выйти оттуда с температурой 39°С. Не от жадности. Просто не понимаю, как такое может быть: я стараюсь, но все время проигрываю. Как это так? Я этого не люблю.

По тем же причинам я стараюсь избегать ситуаций, где надо соревноваться. Участие в чужих шоу меня сильно смущает.

И вот, когда возник перерыв в съемках «Кода Апокалипсиса», меня пригласили на Первый канал. И я согласилась принять участие в конкурсе «Две Звезды».

В то время у меня как раз был разгар войны с желтой прессой. И поэтому мне было так приятно оказаться рядом с поющими людьми. Я слушала и пела сама. И в этом находила источник сил, которые мне были так нужны для защиты. Потому что музыка открывает самое лучшее, самое нежное в тебе. И ты думаешь только о хорошем и забываешь все плохое, пусть и не надолго.

Я соревновалась в паре с Михаилом Сергеевичем Боярским. У нас получился замечательный дуэт: поющий актер и начинающая вокальную карьеру актриса. Уже зная свои недостатки, а именно – эстрадную неопытность, я решила – буду играть. Главное – найти, про что играть. Иногда мне Боярский предлагал очень красивые песни. Но я не понимала, про что именно они. То есть, мне понятно, про что в целом, например «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер!». Но мне-то про что петь? Я не понимаю, с какой репликой мне обратиться к Михаилу Сергеевичу. «Междуздравье» для меня не приемлемо. И я сказала:

– Михаил Сергеевич, будем петь про любовь.

– Это ваш выбор, Настя.

На том и порешили. Старались выбирать такие песни, где можно было и поругаться, и помириться, нежностей друг-другу наговорить. Мы же актеры, вот мы и играли сюжеты. На самом деле у нас было очень мало репетиций – возможности часто приезжать не было ни у кого. Петь – не на коньках кататься, это значительно легче.

На этом проекте мне все доставляло удовольствие. Было бы неприятно слететь в какой-то момент. Но мы с Боярским набирали очень высокие баллы, и стало ясно, что наш дуэт может получить одно из призовых мест. Когда записывали программу, которая не вышла, с Леонидом Парфеновым, мы ярко заявили о себе. Самая энергичная парочка – «ннна!», на все деньги, «бух!».

Маленький фурор устроили. Вышли с подготовленным номером «Как много девушек хороших». Встряхнулись, почувствовали кураж. И дело не в том, что мы собирались затирать соперников, но раз уж мы сюда пришли, то надо же выкладываться по полной. Вот мы и выложились. Хотя, не всегда так гладко получалось.

Была пара программ, за которые мне было стыдно. Помню, как я съехала с кресла и не могла даже поднять глаза. Выбрала совершенно неверную песню Орбакайте и Руссо «Я не отдам тебя никому». И не смогла ее прилично исполнить. Она оказалось неподходящей мне по тональности. Ох, как же я переживала! А второй мой провал – «Всегда быть вместе не могут люди». Я слушала ее на диске и совершила ошибку. Мне надо было следовать за Анциферовой, а у меня – песня в исполнении Долиной. Я потянулась за Ларисой. Ну, как могу за ней тянуться? Долина – самый сильный женский голос страны, один из лучших в мире. Золотой. Ну, я не вытянула. Зато честно пыталась.

В общем, допустили много ошибок с репертуаром в первых выступлениях. А мы их писали сетами по шесть программ за три ночи. И это было достаточно тяжело. Почему мы работали ночами, не знаю. Вторую программу записывали в три-четыре часа утра, думать про голос уже никому не приходило в голову. Какой там голос? Все уже выпадали из реальности.

Между участниками сложились хорошие отношения. Я, например, очень подружилась с Валерией и Иосифом Пригожиным. Случались, правда, и неприятные моменты. Таня Арно обиделась, когда их пара с Мазаевым вылетела из проекта. Конкурс есть конкурс – должен же кто-то выбывать. Расстраивались – как без этого. Но по крайней мере, не было бешенных страстей.

В итоге, мы с Михаилом Боярским заняли второе место. Это великолепный результат, если учесть, что победили Гарик Мартиросян и Лариса Долина. О Ларисе я уже написала – склоняюсь перед ее талантом в глубоком реверансе. А Гарик тоже поет изумительно, сам пишет, он невероятно креативный человек. Их победа абсолютно справедлива, они просто на недосягаемой высоте.

Карьеру певицы я открыла для себя раньше «Двух Звезд», еще когда записывала «Голубой огонек» на СТС. Вообще, ведение новогоднего праздника это боевое крещение, особое доверие, настоящая проверка для человека, который делает телевизионную карьеру и мечтает оказаться в главной лиге телеведущих. Надо сказать, соперники на других каналах у меня были совершенно неординарные. На НТВ вел новогоднюю программу Олег

Меньшиков, тоже в первый раз. У нас на СТС, естественно, подсели на самую актуальную тему «няни», а для меня это был уникальный опыт – именно здесь я впервые запела. Саша Цекало подбивал меня:

– Давай, тебе надо петь!

И снова в образе «няни». Хотя, очень много примеров, когда выбирают одну маску и делают сольную карьеру. Я как-то сказала Цекало:

– Не хочу быть как Верка Сердючка, няней на всю жизнь.

Саша возмутился:

– С кем ты себя сравниваешь?! У Андрея Данилко блестящая игра, мировые хиты, невероятная европейская занятость!

Мне, кстати, предлагали всерьез начать петь. Я действительно это очень люблю, но не чувствую себя вправе заниматься этим профессионально. Главная любовь моей жизни – это кино, театр, телевидение, а вокал пусть останется для меня увлечением.

И вот, я пела песню «Я само совершенство». Надо сказать, что это совсем чужая история «няни», тоже победная и очень красивая история Натальи Андрейченко. Но мне эта песня не очень нравилась. Она такая… Не энергичная. Ну, няня же? Пой, давай! Вообще, весь репертуар подбирался «нянин»: начинала я со «Спят усталые игрушки». Была специально подобрана такая приятная джазовая форма этой песни – мне она ужасно понравилась. Под эту песню просыпались все «детки», то есть – звезды. По сюжету они лежали в кроватках, а я к каждому подходила, поправляла одеяльце и пела. После слов «глазки закрывай» шло мое «зажигай!», и тут все вскакивали с кроватей, начинали беситься. А потом – «Кружит Земля как в детстве карусель». Вот это не случайно. Меня спросили, что я сама хочу спеть. Я ответила:

– Хочу, чтобы в следующем году моя жизнь изменилась. Хочу вот эти слова «Но есть на свете ветер перемен».

Что творилось за кадром – ни в сказке сказать, ни пером описать. Я уморила всю тусовку.

На запись приехал Филипп Киркоров, приехали другие звезды. Спели все быстренько, чик-чик, готово. Я послушала, как они отстрелялись, думаю – ничего страшного. Подумаешь!

Начинаю петь, и вдруг понимаю, что мое стеснение не позволяет мне даже рот открыть. И вот тут я понимаю, что ничего не понимаю.

– Ой, сейчас я отвернусь от вас и запою. Только вы тоже от меня отвернитесь. Так-так-так. Ой, нет. Так-так-так. Ой-ой-ой!

И все время начинают играть вступление, а я никак не могу

начать.

– Так-так-так… Ой, нет! Нет, нет!

Ну, не могу! Как обычно, моя любимая история.

Я села на корточки. Залезла под стол. И из-под стола, наконец-то запела. Стеснение загнало меня почти что под плинтус. Ну, не иначе как патология. Потом, конечно, я устала отсиживаться. Стыдно ужасно. Вылезла. Встала к микрофону. Началась запись. И все симпатично так получилось. Спела.

Все отлично, все довольны. И вдруг вижу – стоит одна очень известная молодая певица улыбчивая девушка, которая много раз принимала участие в концертах, которые я вела. Стоит и смотрит на меня исподлобья. Взгляд просто убийственный. Господи, неужели она почувствовала во мне соперницу?! И тут я поняла, что ни за что и не при каких обстоятельствах не пойду в шоу-бизнес.

Настал момент, когда мне пришлось записывать клип «Я само совершенство». Все было блестяще подготовлено. Балет работал, декорации стояли, все очаровательно. Нужно только выйти, спеть и что-то изобразить. Не от лица няни Вики, а от имени Насти Заворотнюк. Плюс ко всему мне дали возможность самой решить, как это делать. Вот это волшебное «от себя» ввело меня в ступор. Я сразу поняла, что от себя я ничего сделать не сумею. Зову режиссера, спрашиваю:

– Что делать-то? Скажите!

– Что хочешь!

А мне необходимо, чтобы роль подальше от меня была. Вот, когда певица выходит, она же о себе поет: «я само совершенство… я, меня, моя…». Все интимно, близко. И совершенство еще какое-то. Ладно бы, текст был другой – а тут, на тебе. Должна получиться какая-то ироничная интонация, вроде бы.

Я не знаю, куда мне деть руки, как поставить ноги. Как это делают совершенства? Откуда я знаю.

Стою – вылитая Паша Строгонова из фильма «Начало». «Руки мешают? Давай их отрежем!». Понимаю, что режиссер мне не поможет и зову хореографа Дружинина.

– Научи меня, как мне себя вести. Давай продумаем до мелочей, буквально, вот на этих словах руку вот так, а на этих – ногу так, бедро вот так, улыбку. Мне надо все показать!

Телодвижения шоу-бизнеса у меня неестественные. Я, конечно, могу их спародировать, что иногда делала в «Няне». Могу показать смешно, и все мы дружно посмеемся. Но когда их надо делать на полном серьезе, и, желательно, чтобы не посмеялись, а напротив, увидели, что я настоящая звезда? Ужас! Началась истерика. Мы писали клип пять часов! То , что

профессиональная певица делает по щелчку, для меня стало неподъемной ношей. Я не знала как, что, куда и зачем. Умоляла оператора:

– Ну, снимите меня с какого-нибудь ракурса, как-нибудь покрасивей, и смонтируйте. Ну, простите меня, простите…

Наконец, придумали. Дружинин выручил, оператор снял. Как-то обошлось. Сыграла певицу в сиянии славы. Сложное это оказалось дело. Хотя, немного изнурительных тренировок, и я бы, наверное, смогла. Все-таки не так страшно, как ведение шоу в прямом эфире. Хоть слова точно все знаешь, мелодия знакомая.

Но у меня все так складывается в жизни – все на сопротивлении. Быть характерной актрисой, смешить зрителей – это для меня было невозможным подвигом. Но ведь получилось, и неплохо получилось! И даже лучше, чем карьера драматической актрисы. Я уверенней себя в этом амплуа почувствовала. Ведущая?! Никогда! Но ведь делаю. Эстрадное исполнение? Лучше убейте сразу! Тоже преодолела. На «Огоньке» я постигала школу эстрадной жизни в ускоренном темпе. Было ощущение, что я барахтаюсь, словно щенок в воде. Но по-прежнему считаю тот опыт неоценимым.

Я преодолела множество своих страхов и комплексов только лишь благодаря этой неконтролируемой, экстремальной ситуации – что-то делать, когда от страха и стыда не чувствуешь под собой ног.

22.

Работа над «Кодом Апокалипсиса» продолжилась в Малайзии. И я решила взять с собой детей. В Куала-Лумпуре нам создали прекрасные условия. Дети наслаждались курортной жизнью, купались в бассейне, осматривали местные достопримечательности, и каждый день приезжали ко мне на съемочную площадку. Никаких забот, вечные каникулы, вкусная еда, дивные фрукты. Дети сразу подозрительно отнеслись к морепродуктам и нашли себе ресторанчик, где правильно готовили мясо. После съемок мы все время были вместе. Вот такую награду я получила от судьбы за те долгие месяцы разлуки, когда я, в лучшем случае, могла поцеловать их спящих а в худшем – трезвонить и спрашивать, как они там растут без мамы?

Климат в Малайзии тяжелый: адская жара, жуткая влажность. Грим моментально портится. Все время пьешь воду, чтобы поддержать силы. И весь макияж за минуты просто стекает по щекам. Особенно страдал Венсан – на нем в буквальном смысле не держалось лицо. А я слепла от солнечного света. «Камера, мотор, экшн!» – все уже сказали, но я открывала глаза по сигналу, когда оператор говорил: «Настя, камера!». Глаза мгновенно начинали слезиться, такое интенсивное солнце. Благо, этого не видно на пленке, так удачно получилось.

Джеймс Бонд никогда не пренебрегал легкой интрижкой с противницей. Вот и моя героиня была на все готова ради достижения цели. А как же? Пригласить любимца женщин, французского красавчика, и чтобы с ним не было эротической сцены? И к этому все шло. Мы враги, но не должны расставаться ни на минуту. Мы не должны терять друг друга из вида. И, чтобы выспаться ночью, мы приковываем себя друг к другу, ключ бросаем на ковер. Мы так близки, одно дыхание на двоих, на мне невероятная ночная рубашка, похожая на вечернее платье. Я начинаю любовную игру, соблазняю его, ключ от наручников на ковре, мы падаем с кровати. Я открываю замок, убегаю. Все мы отлично сделали, с юмором. Но нашу эротическую композицию убрали. Решили, что русская разведчица не может пасть так низко. А мне почему-то кажется, что может, в этом как раз и заключается смысл слова «разведчица» – она может все.

Вообще, убрали многие математически-просчитанные сцены, с мельчайшими, но очень важными нюансами. Убрали много ироничных деталей. Не сняли драку, для которой я

тренировалась два месяца! Обидно.

Зато в Малайзии наконец-то исполнили прыжок, из-за которого меня чуть не уморили в Париже. Прыжок очень опасный – два небоскреба, азиатские башни-близнецы, между ними стеклянная галерея-мостик. Та м когда-то произошел несчастный случай и с тех пор прыжки запретили. Поэтому наши каскадеры прыгали с вертолета. Моей дублершей была Лика Борзова – чемпионка страны по бэйсджампингу. И тоже не обошлось без неприятностей – прыгали в воздушную трубу между небоскребами, а там ветер гуляет, Лика задела стропами провода и обесточила целый район Куала-Лумпура.

Уж если мы работали лучше европейцев, то про азиатских коллег я молчу. Малайская сторона говорила: «да», но все делала по-своему. Договориться невозможно. Это менталитет. Малайцы медлительны, им некуда торопиться. Их вообще надо слушать очень внимательно.

Однажды из-за своей доверчивости я попала в забавную историю. В Куала-Лумпуре есть храм, он стоит на высокой скале, к нему ведет длинная-предлинная лестница. Мне показалось, что перед храмом стоит золотой невероятных размеров бог войны – Муруган. И мне захотелось туда подняться. Водитель мне ничего не объяснил, сказал только: «Нет, это не Будда». И мы с детьми решили устроить экскурсию. Преодолели бессчетное количество ступенек (272). Еле дошли. Наверху обнаружили храм Бату Кейвз. Меня как-то сразу смутили агрессивные глаза местных богов – лошади с головой женщины и льва с головой мужчины. Место шумное и оживленное, благодаря стае обезьян. Они прыгали чуть ли не по головам, кидались кокосами. Могли бы и в нас попасть, запросто. Но мы как-то не боялись, преисполнившись уважения к святыне, радовались неожиданному слиянию религии и природы, и этим тотемам, и обезьянам. Удивительный, непостижимый мир. Та к захотелось приблизиться к древней мудрости, скрытой от нас. Ах, ах! Сплошной восторг.

Когда мы спустились, водитель с улыбкой взглянул на пакеты с сувенирами, и только тогда объяснил, где именно мы только что побывали. Оказывается, в этот храм каждый год 14 февраля съезжаются паломники со всего мира. Сюда они приходят с мечами, и предаются здесь самоистязаниям – наносят себе всяческие увечья, протыкают уши, щеки. Не насмерть, конечно, но льется море крови. Та к страшно! И я поняла откуда взялась страшная энергетика этих богов с человеческим головами. Тут же решила:

– Все, все, все, мы божков этих, которых накупили, оставляем здесь и никуда с собой не повезем. Нам и своего драматизма хватает, новых острых ощущений не хочется.

На память остались только фотографии, где мы стоим с умильными физиономиями на фоне высоченного сорокаметрового бога, сияющего позолотой. Зеваки ходят смотреть туда кровавое зрелище. А мы попали туда тоже в феврале, но, к счастью, за две недели до страшного обряда.

Финальные кадры «Кода Апокалипсиса» снимались в Крыму, на Белой Горе. Мы построили свою собственную крепость, ее же и взорвали. Было совсем немного постановочной графики, зато огромное количество пиротехники, взрывов, стрельбы. Последний наш бой – зрелищный, жестокий. Тут женщины должны разлюбить героя Переса. Он сильнее меня, но я не могу не победить. На съемках этого эпизода моя дублерша повредила позвоночник, меня осыпало стеклом. Венсан ножом попал в плечо дублерше.

Да и он мне синяков наставил, разбил нос. Дрались по-настоящему. Он лучше меня дерется, это понятно. Но он и должен был выглядеть этаким Титаном рядом с земным человеческим существом. Но я хитрее, у меня есть чисто женская способность приспосабливаться и выживать. Причем, когда меня бьют, я должна сохранять безупречную грациозность. Ничего себе задачка? Издержки жанра, что поделаешь.

Снимали мы эту картину целый год. Съемочная группа налетала двести часов вокруг света. Я поднималась в небо на истребителе. Та к было страшно: ничего не видно, дух захватывает! Причем, самолет вскоре разбился, но мои пилоты остались живы – катапультировались. Я когда узнала, что это произошло, подумала, что если бы я тогда была на борту, точно не выжила бы.

Когда я впервые смотрела уже смонтированный фильм, я с волнением ожидала финальную песню Зары. Я ждала ее. И вдруг услышала: «Сладкими слезами…», и все. Все, что я пыталась рассказать, ушло. Эта песня совершенно не имеет никакого отношения к героине. В фильме и так мало места, чтобы рассказать женскую историю. Даже в те короткие моменты, где речь идет о судьбе героини. Раньше фильм назывался «Красивая» – как насмешка судьбы над ней. И вот, в тот самый момент, когда она выживает, она отомстила, она спасла… ей больше незачем жить, она опустошена. И вдруг: «Сладкими слезами»! Я так рыдала! Била нашего режиссера Вадима Шмелева кулаками и

умоляла:

– Убери это!!!

Но Вадим оставался непреклонен: песня должна быть, так решили продюсеры.

Для меня роль «Красивой» – перелом в судьбе. Она изменила меня. Каждая роль приносит то, что нужно в этот момент. «Няня» ответила на вопрос «могу ли я выжить и могу ли взять на себя ответственность за детей?». И роль «красивой» мне очень помогла. Она не тешила мое самолюбие, напротив. Я с трудом вникала в ее незнакомый мне тогда характер, шла от создания ее внешнего облика, от тренировок. А в процессе съемок оказалось, что это дорога к свободе. Хотя, моя героиня – полностью мне противоположна. Я внутренне сильная, а внешне выгляжу слабой, наивной, беззащитной. Она, наоборот, мужественный, жесткий человек, быстро принимающий решения и мгновенно их воплощающий. А внутри это такой сломанный цветок, просто подснежник. Но эта шпионка-разведчица подставила мне свое плечо. Эта роль совпала с моментом моего бесповоротного ухода от мужа, я поняла тогда очень ясно – пора, нам рядом уже не выжить. В прямом смысле. Звучит дико и не верится, но это так. Это было жесткое решение и оно мне не просто далось. Я переживала, не хотела причинять ему боль. Я уходила семь лет. Потому что я не представляю себя вне семьи, и я понимаю, что семейная жизнь основана на компромиссах, на терпении. Во имя любви, во имя благополучия, во имя детей. Но мое терпение исчерпалось. История моего брака очень банальная и очень странная в то же самое время. Нашу семью разрушила именно любовь. Бешенная, маниакальная, деспотичная, нетерпимая любовь Димы.

23.

Премьера «Кода Апокалипсиса» состоялась в кинотеатре «Россия», в начале октября. Весь центр города был перекрыт, и пробки были такие, что я сама с трудом добралась до красной дорожки. Устроили театрализованный прием: нашу группу встречал целый полк агентов шпионской выправки, они выстроились вдоль парадной лестницы. Смешно и очень стильно одновременно. Я волновалась: в процессе съемок жанр фильма несколько изменился – ироничная интонация могла исчезнуть в нашей погоне за масштабами. Ведь, несмотря на драматизм, должна же сохраняться некоторая отстраненность, такой взгляд со стороны.

Это была моя первая большая премьера. Мировая, как сейчас принято говорить. Я так долго об этом мечтала, и вот – сбылось! Даже и для Венсана Переса это был крупный кинопроект, несмотря на его славу в Европе.

На премьеру я пришла с детьми. И когда я вышла к публике, то извинилась перед Аней и Майки за то, что так надолго отнимаю себя у них ради своей работы. Но они у меня молодцы, умницы. Все прекрасно понимают. Фильм Анечка и Майки смотрели с неподдельным восторгом. Они гордились мной! Вот это и есть величайшее признание.

Жизнь для меня – это не только творчество, не только личная жизнь. Самое главное для меня – мои дети. И лучший подарок для меня – это просто прийти домой. Когда сын и дочь бегут ко мне с криками «мама!», обнимают меня и целуют, мне больше ничего не надо.

Дети мои очень разные по характеру. Анечка – человек не лишком-то открытый. Взрослая, сообразительная. У нее удивительно ясный ум, такой биокомпьютер. Она получает информацию, потом тихо и спокойно обрабатывает ее, а потом предъявляет целый список вопросов: первое, второе, третье, двадцатое. Ей во всем надо докопаться до истины. Очень серьезная девочка.

Анечка поражала нас своей рассудительностью с раннего детства. Мы поехали в Евпаторию, когда ей было три года. Я пыталась заманить ее в море. Она ответила:

– Нет. Мне надо подумать.

Села в надувное кресло и просидела так три дня – смотрела на море и думала. Наконец, на третий день она подошла ко мне и с серьезным видом сказала:

– В море не пойду. Первое – грязно. Второе – небезопасно. Третье – много народу.

Вот так. Коротко, ясно и без лишних эмоций. И снова села в кресло. Мы с мамой просто ахнули – нам нечего было ей возразить. Это было настолько точно! Анечка всегда рассуждала именно так.

В семь лет она узнала, что мы с Димой расстаемся. Она всегда очень переживала наши конфликты, как ни старалась я ее от этого оградить. И вот, я сообщила ей, что мы уезжаем. Она кивнула, не сказав ничего. Через два дня она сказала, что нам нужно поговорить. И предъявила мне целый список вопросов по поводу отъезда. Отпустит ли папа? Гд е мы будем жить? На что мы будем жить? Будет ли у нас автомобиль? Хорошо ли нам будет на съемной квартире? Гд е они будут учиться? Гд е я буду работать?

Она задала мне больше вопросов, чем я сама могла бы придумать в тот момент. Я не думала об этом, я просто понимала, что надо уходить, я чувствовала, что надо все поменять. А там – как сложится. А она все учла, в свои семь лет – обмозговала наш отъезд во всех деталях. Причем, мы обе понимали, что это правильное решение. Но я чувствовала, а она – думала, анализировала, просчитывала все сложности, которые могли возникнуть в нашей новой жизни. Она очень разумная, настоящий Козерог.

Анечке пришлось поменять множество школ. Сначала она училась в обычной люберецкой средней школе. Потом, когда мы уехали из Малаховки, я устроила ее в частную школу. У моей приятельницы в Можженке, где мы часто гостили и даже жили одно время, четверо англоязычных детей, и Анечке волей-неволей пришлось заговорить по-английски. Потом я нашла Британскую школу – очень хорошую. Но я была вынуждена забрать ее и оттуда – мы скрывались от Димы, он угрожал выкрасть детей. Да и папарацци не задумывались над тем, что у жертв их сенсаций есть дети, что они переживают и страдают. Детям приходится быстро взрослеть, ведь внутренне они пытаются защитить своих родителей, объяснить себе происходящее. И Аня уже взрослый человек, очень хорошо разбирается в людях. Реагирует на мою популярность спокойно, но ее раздражает, когда подруги относятся к ней как к маминой дочке и проявляют повышенный интерес к актрисе Заворотнюк. Она мгновенно это пресекает:

– Если хотите поговорить со мной по поводу мамы, тогда до свидания!

Анечка никогда не проявляла особого интереса к съемкам, но

я настаивала на этом и она сыграла Вику Прудковскую в детстве. А я – молодую Любу Полищук. Я почему-то была уверенна, что она запутается и растеряется. Как я сама в начале своей актерской карьеры. Я же и в шали путалась и по сцене каталась в обмороке. Вот и решила почему-то, что Анечка тоже должна обязательно испугаться. Ничуть! Она пришла с отлично выученным текстом – своим, моим и еще чьим-то. Просто запомнила все, что написано в ее части сценария. Без лишних эмоций пережила несколько часов сурового грима. А ведь она не любит крутиться перед зеркалом, я это знаю. Наконец, стали играть. Аня повторяла все мои интонации, все словечки. А я во время записи так за нее волновалась, что про себя проговаривала ее текст. Режиссер мне тогда сказал:

– Настя, ты тормозишь.

Аня добавила (ей было 9 лет):

– Мама, прекрати бормотать мой текст, или я начну подсказывать тебе твой! Ты же делаешь паузы, это неправильно. Они здесь не нужны. Играй свое, а я сделаю все, что нужно.

Ну, просто выдала мне убийственно точный режиссерский список замечаний. И отработала замечательно, подошла к делу очень ответственно.

После пятичасовой съемки она пришла в гримерку и у нее взяли первое интервью. Напряжение оказалось для нее слишком большим, и у нее началась страшная головная боль. Она выпила таблетку, легла и не могла говорить. То есть, она никого не подвела, все сделала как надо, прекрасно сыграла, но потом упала как подкошенная:

– Больше никогда не буду сниматься!

Но не стоило говорить «никогда», потому что дальше был Новый Го д на СТС «В гостях у Няни», и она опять играла меня маленькую. В первый съемочный день очень долго ждала. А детский блок в тот день снять не успели. Она была в шоке. Когда ее умывали и разбирали прическу, заявила:

– Что же это такое? Почему нет никакой дисциплины? Могли бы сказать – приходите завтра. Как можно вызывать детей, чтобы дети тут мучились от безделья?!

И ведь права же!

В Малайзии мы отмечали ее одиннадцатый день рождения, и она впервые получила взрослые подарки. Венсан подарил ей жемчужный браслет, мои коллеги – французские духи. Она и тут очень серьезно подготовилась к событию: купила себе первую вечернюю блузку, черную, прозрачную. Оделась, причесалась и принимала поздравления, выпив свой первый бокал шампанского.

На какое-то время в ней проснулась очаровательная девушка. Наконец, она сказала:

– Ладно. Мы пойдем, поиграем в компьютер.

И снова стала ребенком.

Сейчас дети перешли в новую школу, поближе к дому, учатся с раннего утра до позднего вечера. У них суровая программа. Для Ани я уже подыскала школу в Англии. Сама лично ее посмотрела, убедилась, что девочки там живут хорошо. Но чем старше Аня становится, тем мне страшнее. Как там она без меня? А как я без нее?! Уж не знаю, смогу ли отпустить ее надолго. Конечно, очень скоро у нее начнется своя, взрослая жизнь. Сложный возраст, противоречивый. Она у меня неприступная, несколько высокомерная. Я иногда спрашиваю:

– Как у тебя с молодыми людьми?

А она мне свысока отвечает:

– Нет, мама, у меня никаких мальчиков!

Она все больше налегает на книжки. Но я так хочу, чтобы у дочери была очень красивая первая любовь. И я очень надеюсь, что ей удастся избежать моих ошибок. Я верю, что моя умница придет ко мне за советом и будет мне доверять. Я всегда с ней предельно честна и откровенна. Мы на равных. А иногда она знает больше, чем я.

Майки совсем другой по характеру. Контактный, открытый, восторженный. Как только он научился произносить слова, заговорил исключительно шутками нон-стоп. Возникало ощущение, что мальчик одессит. Его шутки были наполнены невероятной добротой. Он обращался ко мне:

– Красавица моя, дорогая, примадонна, как же я тебя люблю!

Я даже приблизительно не могу воспроизвести тексты, которые мой солнечный Майки так легко произносил! Надо было записывать, но казалось, это не закончится никогда. Сейчас он входит в такой возраст, когда мальчишки становятся скупее на выражение чувств, сдержаннее выдает эмоции. Но больше всего меня поражает в нем отношение к женщине – восхищение, преклонение перед красотой. Ему еще двух лет не было, он еще плохо ходил, мог и шлепнуться, и мы взяли его с собой в ресторан, где Майки немедленно влюбился в официантку. Милая девушка, она ему улыбнулась. Что он вытворял! Читал стихи, бубнил, пел, танцевал перед ней, ходил, падал, переворачивался и снова вскакивал. За свою свою жизнь я наблюдала такой кураж только у одного человека – у Володи Машкова, причем на сцене. Больше ни у кого и никогда. Майки зажигал! И вскоре все люди

за соседними столами хохотали до слез. Одна пара не реагировала, что-то такое важное обсуждали. И тогда Майки подошел к ним, бах по столу рукой:

– Смешно!

И тут они грохнулись просто. Девочка-официатка была малинового цвета. Весь спектакль устраивался для нее одной. И сын всех строил, чтобы вокруг нее был такой «цыганский хор». В итоге он схватил ключи от «Мерседеса», который стоял под окнами, взял ее за руку, подвел к окну и сказал:

– Кататься!

Тут девушка эта как засмеется:

– Ну надо же! Мужчина – он и есть мужчина, в любом возрасте!

Майки был счастлив – его поняли. И был прав – женщину надо обязательно прокатить на авто.

Сын влюблялся беспрестанно. На Юге оборвал все цветы с клумб. Но я не могла его ругать – он так нес эти цветы, спотыкаясь. Букет – больше него самого. Он подарил его девочке, а она так принимала его, отступая назад, завороженная зрелищем.

И так было всегда. Однажды, в Крыму, он решил жениться на дочери нашего приятеля – восемнадцатилетней девушке. Он увидел красавицу и обалдел:

– Мама, я должен на ней жениться.

Сделал обручальные кольца из скотча, приклеил камушки. Потом засомневался:

– Мам, мы должны обязательно заехать в золотой магазин, потому что я сегодня женюсь.

Мне колечки нужны. Я их сделал, но в них камни некрасивые.

Сейчас Майки уже вырос из этой непосредственности. Уже не все так легко и стремительно, но он влюбчивый, интересуется противоположным полом. Прибегает из школы со словами:

– Мама, у нас такие красивые девушки учатся!

Именно девушки. Он их только так и называет.

Отношения с друзьями и подругами интересуют его больше, чем учеба. В этом – главное различие между ним и сестрой.

Я – мама. Засыпаю с этой мыслью и просыпаюсь с ней. Я знаю, что некоторые женщины отказываются от материнства ради карьеры, откладывая рождение ребенка на потом. А «на потом» ничего не бывает. Но и если бы я десять лет назад стала знаменитой, и у меня возникла дилемма между карьерой и материнством, я бы все равно выбрала бы детей. Да, сейчас я во многом отказываю себе, чтобы работать. Но у меня есть дети, и

все свободное время я провожу с семьей.

Дима, их папа, часто с ними встречается. В последнее время отношения выровнялись – он успокоился. Он проводит с детьми время, гуляет, занимается спортом. Папа есть папа. Дети должны общаться со своим отцом. Я считаю, что женщины, которые запрещают встречаться – из обиды, мести, ревности – поступают глупо. Это травмирует детей. В конце концов это наши ошибки, а мы, взрослые, должны сами платить по своим счетам.

Все, что мне нужно – это чтобы дети были рядом. И чтобы эта близость никогда не ослабевала. Чтобы я могла в любой момент их поддержать. Та к меня воспитали, так у меня сложилось с родителями. Они всегда были рядом. Сегодня они живут недалеко от меня. Мы никогда друг-друга не оставляем.

24.

Дома у нас мир и покой. Дети учатся, мои родители всегда рядом. Да и с личной жизнью наладилось.

Все началось на съемках передачи «Танцы на льду». Я, как всегда на бегу, опаздывая со съемок «Няни» и пытаясь успеть куда-то еще. Приезжаю, иду знакомиться с участниками, и вдруг смотрю – вот этот взгляд. И в нем все, в этом взгляде, все, о чем только можно было мечтать, и все, что только можно было себе представить. Это невыразимо словами, но очень понятно. В общем, Петя посмотрел – как рублем одарил. И я тогда подумала: «Нет, нет, не-е-е-е-ет, мне сейчас только этого не хватало, у меня то, се, какие-то планы на будущее, дети съемки… Мне сейчас не до глупостей». Подумала я так, а сама – прямо засветилась, как будто Петя меня этим своим взглядом «зарядил». Откуда-то столько сил появилось, столько вдохновения. Я, конечно, на съемках особо не «зажигала» – не люблю демонстрировать поведения «приглашенной звезды», но у меня крылья за спиной выросли. Правда, с того самого момента я на Петю смотреть боялась – все время отводила от него глаза, даже когда обращалась к нему, протягивая микрофон. Или закатывала глаза к потолку, или смотрела куда-то в сторону – в общем, использовала все уловки, лишь бы избежать контакта глаза-в-глаза. Не помню, как я себе тогда объясняла этот феномен – я до последнего сама себе не признавалась в том, что что-то происходит – и ведь ничего и не происходило. Но мне было страшно. Я понимала, что еще один такой взгляд – и все, я за себя не отвечаю. Но в силу обстоятельств – а мы все-таки принимали участие в этом шоу, и деваться было некуда, я за ним наблюдала. И конечно, он очень выделялся среди прочих участников. Он не просто катается – нет. Когда смотришь, как он это делает, тебе невольно начинает казаться, что он родился в коньках. В Петиной манере, в его пластике есть нечто такое, что нельзя измерить ни техникой, ни каким бы то ни было другими мерилами – это как поцелуй, это дар. У него такая пластика, что глаз не оторвать. И, конечно, я не хочу обидеть наших фигуристов, но я никогда не видела, чтобы ТАК катались. Это очень сильное эстетическое переживание. И я это говорю не как влюбленная женщина – я абсолютно объективна в этом смысле. Со мной согласятся многие специалисты и профессиональные судьи. Ведь Петя – пятикратный чемпион мира по фигурному катанию.

А вот я сама ни разу на лед не выходила – я просто панически этого боюсь. Сразу представляю себе, как я падаю о лед,

разбиваюсь, потом – долго хожу в синяках и с сотрясением мозга… В общем, чувствую – не мое. И вот, как то раз во время съемок, где-то через полгода после запуска проекта и нашего первого «взгляда», когда я пребываю в ужасе от того, что я на шпильках, и боюсь даже шаг сделать по этому льду – разве что ползком, ко мне подъезжает кто-то из фигуристов и без предупреждения хватает меня на руки и начинает с бешенной скоростью кружить – да так, что у меня в глазах темнеет. И от скорости, и от страха. Я, кажется, визжала, но точно не помню. И тут происходит нечто – подъезжает Петя, берет меня на руки – причем, как-то так, что мое лицо оказывается точно напротив его лица. И мы смотрим друг другу в глаза. И он излучает такую доброту, такую силу, такое спокойствие, что весь мир вокруг – все эти шпильки, все эти тысячи человек, все камеры, софиты и юпитеры – все исчезает, как во время цунами. Словно, весь остальной мир смыло волной. И мы едем, смотрим друг на друга, а Петя даже не смотрит, куда он едет, где бортики, где что – как будто мы летим. Это незабываемое ощущение счастья, такого правильного, такого естественного, и такого простого. Без слов. И так все понятно. Его глаза были как две руки, протянутые мне на помощь. «Если хочешь, бери, это тебе!»

В Пете есть много такого, чего я никогда не встречала в мужчинах. Он уверен в себе настолько, что у него не возникает потребности это демонстрировать. Он просто излучает силу и спокойствие. Это большая редкость. К тому же, он предоставляет тебе самой делать выбор – без давления, без хитростей и уловок. Он очень честный.

Наши отношения развивались по какому-то волшебному сценарию: это было так романтично и трогательно, что я не всегда верила, что это происходит со мной. Осенью 2008 года мы поженились, наша свадьба – только для самых близких нам с Петей людей – состоялась в Крыму – в море, на яхте под звездным небом.

Я не хочу загадывать наперед, не хочу предугадывать ход событий, я просто хочу жить. Впервые в своей жизни я полностью доверяю ей свою судьбу. Жизни виднее, и я не хочу выдумывать свое будущее, делать ошибки, потому что жизнь всегда права, она, безусловно, мудрее нас. Человек предполагает, а Бог располагает. Это очень верное высказывание.

Эпилог

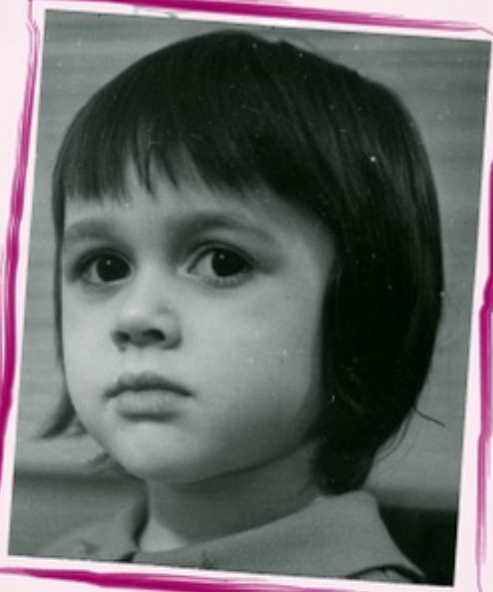
Если быть краткой, то настоящий период своей жизни я могу описать как «все наконец-то встало на свои места». Я привыкла к своей новой жизни, хотя время от времени у меня возникает ощущение, что я была пассажиром потерпевшего крушение «Титаника». Я справляюсь с объемами работами, которые раньше казались мне немыслимыми. И при этом я остаюсь внимательной мамой, любящей женой и, надеюсь, хорошей дочерью своим родителям. Я счастлива, что у меня есть возможность оставаться верной и преданной своей профессии – актерство для меня так же притягательно и так же манко, как раньше. Оно не в коем случае не стало для меня обыденностью. Это настоящее волшебство. Это бесконечная любовь, безграничная страсть.

За последние годы со мной произошло столько всего хорошего и плохого, интересного и ужасного, страшного и смешного, что я даже затрудняюсь сказать, к какому жанру отнести пережитое. Но стараюсь ни о чем не жалеть и ничего не бояться. Потому что страх заставляет терять разум и совершить ошибки, сбивает прицел. А жалеть о том, что было, довольно глупо – ведь все эти события привели меня туда, где я сейчас. И чтобы оценить свое состояние, мне нужно задать самой себе всего лишь один вопрос: я счастлива? И я с уверенностью могу дать утвердительный ответ. Чего еще желать?

Рядом со мной близкие люди, я любима, и человек, который рядом со мной дает мне все то, чего мне так не хватало все это время: свою любовь, полное понимание, нежную заботу, а главное, свободу выбора! Я снова чувствую себя так, словно мне восемнадцать. Словно я только родилась и все у меня еще впереди. Я снова выхожу на сцену как в первый раз, и мое волнение ничуть не меньше, чем обычно, и так, наверное будет всегда. Потому что каждая новая роль – это как еще один шанс, который дарит нам судьба, это еще один рассвет, еще одно утро и еще одна возможность прожить этот день так, как мы еще не жили, пережить что-то, чего с нами еще не случалось, понять что-то, чего до нас еще никто не понял. И любить. Так, как до нас еще никто не любил. И поэтому именно в том месте, где принято писать слово «конец», я напишу слово, без которого трудно представить себе наш мир. Слово, которому мы обязаны всем. Слово, без которого нет ничего сущего и не было бы нас с вами. И это слово:

НАЧАЛО!

ФОТО



Лет в пять я впервые начала
готовиться к сценической карьере.
Казалось, еще немного, и ко мне
придет успех и слава.

Я очень любила
танцы –
я занималась
бальными
танцами
и современными...

Свома появлением
на свет я обязана
старшему брату
Святославу:

Когда ему было пять лет,
он попросил у родителей в просьбе
подарить ему маленькую
сестренку Настеньку.

...моя мама была ведущей
актрисой астраханского ТЮЗа...

Валентину Заворотнюк знал весь город:
она играла по три–четыре спектакля в день,
исполнила весь спектр ролей от детских
до сольных романтических.

...а папа режиссером, правда, не в театре, а на телевидении.

Мой успех — это успех в первую очередь моего папы, который вместе со мной шел по этому пути, оказывал мне поддержку и направлял меня, когда я сбивалась.

В юности я была страшно категоричной и бескомпромиссной девушкой, все решения принимались уверенно и безапелляционно. Мама говорила: «Если ты что-то решила для себя, переубеждать тебя было уже бесполезно. Если бы тебе понадобилось тунель под Волгой – могла бы прорыть и глазом не моргнуть. И можно было быть уверенным, что ты прорыла его и вышла на другую сторону!»

В «Табакерке» у меня был любимый спектакль, о котором я уже рассказывала — «Страсти по Бумбарашу», и он до сих пор

так и остается моим самым любимым спектаклем. Мне кажется, другого спектакля, который для меня столько значит, уже не будет да и быть не может. Такое бывает только раз в жизни: это и юность, и восторженный трепет перед сценой, и осуществленная мечта, сбывшиеся детские грезы.

Со мной рука об руку в «Табакерке» работали лучшие актеры – Женя Миронов.

...Виталий Егоров...

...Серафима Безрукова...

фрагмент спектакля "Матросская тишина"

...у меня началась такая активная и яркая жизнь, что страдать и жаловаться было просто некогда да и незачем – вдруг сбылась моя самая заветная мечта – я играла в театре!

Мне трудно сказать, даже сейчас, по прошествии времени, почему у меня не сложилось в «Табакерке». Ну, не увидел во мне Олег Павлович интересную актрису, ну, бывает...

Актер Венсан Перес должен был играть главную роль («Код Апокалипсиса»).

Работа над «Кодом Апокалипсиса» продолжалась в Малайзии. ...дети каждый день приезжали ко мне на съемочную площадку... Вот такую награду я получила от судьбы за те долгие месяцы разлуки...

В 1991 году я снялась в своем первом фильме «Машенька», в главной роли по мотивам книги В. Набокова.

Работа над «Кодом Апокалипсиса» продолжалась в Малайзии. ...дети каждый день приезжали ко мне на съемочную площадку... Вот такую награду я получила от судьбы за те долгие месяцы разлуки...

Жизнь для меня – это не только творчество, не только киноактёрская жизнь.

Самое главное для меня – мои дети.
И лучший подарок для меня – это просто приёмная семья.

Когда сын и дочь бегут ко мне с криками «мама!», обнимают меня и целуют, мне больше ничего не надо.

Майки – это Солнце
моей жизни!

...а Аня – Сильвия!

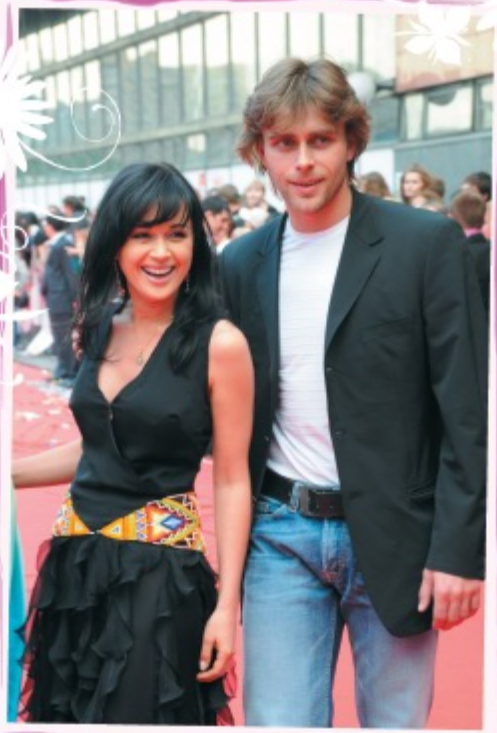
Когда возник перерыв в съемках «Кода Апокалипсиса», меня пригласили принять участие в конкурсе «Две Звезды». Я соревновалась в паре с Михаилом Сергиевичем Боярским. У нас получился чисто дилетантский дуэт: молодой актер и начинающая вокальную карьеру актриса.

Сотни лет все в жизни возвращается
На круги своя.

Сотни лет и день, и ночь вращается
Карусель-Земля.

Влюбилась! Влюбилась в это шоу! (С. М. Николаевым, «Танцы со звездами»).

Я страшно переживала, болела за участников, волновалась.



В Пете есть много такого, чего я никогда не встречала в мужчинах. Он уверен в себе настолько, что у него не возникает потребности это демонстрировать. Он просто излучает силу и спокойствие.